

ПРАВОСЛАВНЫЙ

№ 1 (90) ЯНВАРЬ 2010 г.

ВЕСТНИК

Издается по благословению Архиепископа Екатеринбургского и Верхотурского Викентия

Телекомпания СОЮЗ – 5 лет

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ

*В яслях спал на свежем сене
Тихий крошечный Христос.
Месяц, вынырнув из тени,
Гладил лен Его волос...*

*Быкдохнул в лицо Младенца
И, соломою шурша,
На упругое коленце
Засмотрелся, чуть дыша.*

*Воробьи сквозь жерди крыши
К яслям хлынули гурьбой,
А бычок, прижавшись к нише,
Одеяльце мял губой.*

*Пес, прокравшись к теплой ножке,
Полизал ее тайком.*

*Всех уютней было кошке
В яслях греть Дитя бочком...*

*Присмиривший белый козлик
На чело Его дышал,
Только глупый серый ослик
Всех беспомощно толкал:*

*«Посмотреть бы на Ребенка
Хоть минуточку и мне!»
И заплакал звонко-звонко
В предрассветной тишине...*

*А Христос, раскрывши глазки,
Вдруг раздвинул круг зверей
И с улыбкой, полной ласки,
Прошептал: «Смотри скорей!»*

Саша Чёрный

«Православный вестник»

№ 1 (90) январь 2010 г.

Издается с января 1998 г.

Зарегистрирован Уральским Региональным Управлением регистрации и контроля за соблюдением законодательства РФ о СМИ 24.02.1998. Свидетельство №Е-2496.

Учредитель и издатель — Свято-Пантелеимоновский приход Екатеринбургской епархии Русской Православной Церкви: 620030 Екатеринбург, Сибирский тракт, 8-й км (автобусы: 1, 31, 32, 64, остановка «Психобольница»).

Распространяется через церковные киоски и общественными распространителями. Тираж 990 экз.

Протоиерей Евгений Попиченко —
главный редактор

Светлана Ладыгина — зам. главного редактора

Светлана Сальникова — редактор

Алексей Коршун — корреспондент

Галина Коршун — корреспондент

Олег Васюнин — корреспондент

Ксения Возгривцева — корреспондент

Елена Макеева — корреспондент

Ирина Пономарева — корреспондент

Наталья Евстюгина — корректор

Анастасия Мишина — фотограф

Любовь Романовская — дизайнер

Константин Богданов — дизайнер

Контакты:

620030, г. Екатеринбург, а/я 7; VestnikPrav@mail.ru
Тел.: (343) 254-65-50.

Редакция может не во всем разделять точку зрения авторов или героев публикуемых материалов.

Материалы для публикаций принимаются в электронном виде, не возвращаются и не рецензируются.

Праздник

В ожидании чуда 4

Угодники Божии

Всенародный батюшка 6

Простые вопросы

Что такое катехизация 11

Телекомпании СОЮЗ – 5 лет

Руководитель медиа-холдинга
игумен Димитрий (Байбаков) 18

Директор ТК СОЮЗ Елена Костина 26

Шеф-редактор программы

«Новости ТК СОЮЗ» Илья Юков. 32

Редактор и ведущая программы

«Новости ТК СОЮЗ» Наталья Козынцева. 41

Автор и ведущая программы

«Уроки Православия» Ольга Баталова. 47

Автор программы «Всем привет»

Виталий Савкин 54

Автор и ведущая программы «Скорая
социальная помощь» Евгения Вахрушева 60

Автор и ведущая программы

«Семья» Анна Васильева 65

Оператор Евгений Шилов. 70

Видеоинженер Станислав Калегин 76

Культурограф

Друг мой, дальновидец 80

Семейная педагогика

Телевизор – друг или враг? 83

Совесть – лучший контролер или
как правильно смотреть телевизор 85

Литературная страница

Самое чудесное зимнее чудо 89

Устами младенца 94

Крик души

Жизнь за проповедь 96

Новости епархии 98

Календарь 100

В ожидании чуда

Есть ли на Земле христианин, которого в преддверии праздника Рождества Христова не охватывало бы трепетное ощущение приближения чуда? Как будто с наступлением Праздника произойдёт что-то необыкновенно прекрасное, отчего жизнь приобретёт новый, особый смысл. Слово сиянием Вифлеемской звезды осветятся и очистятся все последующие дни, и не будет в будущем места серым будням, унынию, раздражению, зависти, злобе, лжи, злословию – всё в мире приобретет изначальный смысл, заложенный Создателем, вернется на круги своя к добру, гармонии и свету. Чем ближе Рождество, тем сильнее это ощущение, от которого и сердце стучит чаще, и волнение подкатывает комом к горлу, но не сомнением, а глубочайшим убеждением: «Чудо возможно».

И вот раздаётся праздничное: «Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение». Весь мир осиян светом радости – мы

не одни на земле, с нами Тот, Кто возлюбил нас Любовью, не знающей границ и условностей, Любовью, которая никогда не перестанет. В усердной всенощной молитве к нам возвращается та тихая ночь, мрак которой совершенно рассеивал свет таинственной звезды, когда на окраине Вифлеема Сын Божий явился в мир ради нас и нашего ради спасения. Облекшись в человеческую плоть, Он стал Сыном Человеческим, одним из нас, чтобы мы в конце концов приняли как главную Истину возможность жизни радостной и безгрешной, жизни во Христе и со Христом.

Царь Царей родился в скромной пещере, предназначенной для домашнего скота, – не нашлось для него места в простом человеческом жилище. Не нашлось Новорожденному Богомладенцу и обычной колыбели. Богоматерь уложила Его прямо в ясли на солому. В этой простоте величайший смысл явления Спасителя в

мир. Не к здоровым, благополучным и самодовольным Он пришёл, а к больным, бедным, но нищим духом, к тем, кто нуждается в Нём. И уже в первые часы пребывания Иисуса Христа на Земле на поклонение к Нему приходят и припадают те, кому было дано узнать первыми о великом событии.

Память о той Вифлеемской ночи неизгладима из самого естества христианской души, оттого и просыпаются в Рождественскую ночь в наших сердцах тихие голоса тех, кто стоял тогда у яслей со спящим на соломе Новорожденным Христом. Слышится в этих голосах и восторг простодушных пастухов, пришедших по зову Ангела. И умиротворённость волхвов, принесших дары Новорожденному: золото – как Царю, ладан – как Богу и смирену – как Человеку. И благоговейность праведного Иосифа, послушного Божией воле. И печальная радость Богородицы, не отрывающей глаз от мирно посапывающего в яслях Богомладенца: бесконечная радость осознания того, что сбылось пророчество, и Сам Господь Бог явился на землю, чтобы спасти мир. И глубочайшая печаль матери, предвидящей весь земной путь Сына – от пещеры с загоном для домашнего скота до Крестных страданий.

...При взгляде на ребёнка редкий взрослый не испытает нахлынувшую волну умиления, возвращающую душе давно утраченную детскую непосредственность. Словно ребёнок делится со взрослым своим детством, дарит частицу безгрешности как чудесный прекрасный, но почти сразу же вянувший цветок. Те, кто стояли в Ту Ночь у яслей Богомладенца, наверное, чувствовали такую же переполнявшую их естество детскость, наивность и доверчивость, какую внушает ребёнок взрослому, с одной лишь разницей – это чувство не гасло и не покидало их больше никогда. Они ждали Чуда. И оно свершилось. Они первыми прикоснулись к нему, к чуду Боговоплощения, потому что их вера была сродни детскому восприятию мира. Ибо сказано в Святом Писании – «Будьте как дети».

Подобное происходит с нами в Рождественскую ночь. Мы все – и взрослые, и дети – становимся похожи друг на друга сиянием глаз, простотой улыбок, открытостью сердец. Все последующие праздничные дни мы живём одним и тем же ожиданием чуда, переполняющим чувством веры в то, что Господь с нами и

нам остаётся лишь идти за ним, исполняя Божественные заповеди. Ведь, кажется, это так просто – возлюбить Господа Бога всем сердцем, всей душой и всем разумением!

Через двенадцать Святочных дней наступит Крещение Господне, Богоявление. Событие, в котором все грехи мира легли на плечи Спасителя, погрузившегося в воды Иорданские. Он, безгрешный, умалился до нас, отягощённых грехами, чтобы Любовью Своей вырвать из когтей смерти. Но не может Бог спасти нас без нашего желания, без напряжения нашей воли. Пришедший на Землю и соединившийся с человеческой природой, Владыка мира указал нам путь ко спасению, путь на Небеса, к Своему Престолу. Как бы ни был тернист и узок путь, как бы ни были тесны врата, ведущие в вечную жизнь, иного нам не дано. Если Бог *воплотился*, то наша задача – *обожиться*. Это и есть то чудо, чаяние которого заложено Создателем в каждой человеческой душе.

...И нет ничего странного в том, что были времена, когда Рождество подменялось Новым годом. О новогоднем волшебстве, с его гирляндами, мандаринами и шампанским, сочинялись самые милые песенки (вроде той, в которой даже пелось о двенадцати днях, только не Святочных, а «с 1-го по 13-е нашего января»), дети водили хороводы вокруг ёлочки с пятиконечной звездой на макушке. Новый год был самым любимым народным праздником, поскольку не нёс в себе никакой идеологической нагрузки, а только лишь – надежду на обновление себя и всего вокруг. И нет ничего предосудительного в том, что дед Мороз был и остаётся любимцем детворы, потому что он, по сути, «солнечный зайчик», отблеск истинного Торжества, которое началось с улыбки Новорожденного Младенца Христа в Вифлееме и продолжается в детском смехе, звенящем по всему миру.

Человеческая душа не способна забыть о Том, Кто её создал. Истерзанная страстями, погруженная во грехах, душа всё равно стремится к Нему, как блудный сын к оставленному отцу. Чудесность Рождества и Святочных дней в том и заключается, что стремлению этому нет никаких преград. В эти дни все мы становимся детьми, чья распахнутость глаз сравнима разве что с распахнутостью сердечной.

*Алексей и Галина
Коршун*

Всенародный батюшка

Люди тянулись к нему как к живому свидетельству того, что Небеса ещё живы, божественны и благодатны.

*Митрополит
Вениамин (Федченков)*

Совсем недавно, осенью 2009 года, в Санкт-Петербурге прошли торжества в честь 180-летия со дня рождения и 100-летия со дня кончины одного из славнейших сынов земли русской, святого праведного Иоанна Кронштадтского. Представители 144 храмов всего мира, посвящённых святому, приехали в град Петров, чтобы почтить его память. В те же дни одной из малых планет было присвоено имя «Иоанн Праведный». О нём пишутся книги, снимаются документальные фильмы. Его собственные труды переиздаются огромными, по нынешним временам, тиражами. Как бесценную реликвию народ хранит память о великом угоднике Божиим, уже при жизни признанном чудотворцем. Проповедник Любви, он с беспримечательной щедростью отдавал её людям. И русский народ отвечал ему тем же. Тысячные толпы собирались у Андреевского храма, настоятелем которого он был, чтобы исповедаться и причаститься именно у него, у всенародного батюшки.

Масштаб его личности особенно хорошо виден теперь, когда всё то страшное, о чём предупреждал отец Иоанн, наша страна в полной мере испытала в XX веке. Но даже в наши сравнительно благодатные для православных времена вряд ли можно говорить о полном осознании того, кем же был и остаётся Иоанн Кронштадтский для России и всего мира.

...На Ивановском кладбище Екатеринбурга есть одна особо чтимая православными могилка. Могилка эта словно звено невидимой духовной цепи, связывающей наш город со святым Иоанном. В ней покоится иеросхимонах Константин (Шипунов), уральский старец, духовный сын Кронштадтского подвижника. Будучи ещё совсем молодым человеком, он попал на военную службу в Санкт-Петербург, где произошла его встреча с батюшкой Иоанном, который прозорливым оком увидел в простом

солдате будущего старца. «Солдат, мотай на ус, будешь наставником», – сказал ему батюшка, давая прикровенное благословение на грядущий старческий подвиг, а затем долгое время вёл с отцом Константином переписку.

Как в капле родниковой воды заключаются все свойства водной стихии, так и в этой, на первый взгляд, мало чем примечательной истории проявляется сущность прекрасной души Иоанна Кронштадтского. Бесконечное количество страждущих стремилось в Кронштадт, надеясь обрести у отца Иоанна и душевное равновесие, и панацею от невзгод. Тысячи и тысячи шли к всенародному батюшке. И, тем не менее, отец Иоанн, у которого за службами, трудами, беседами, ежедневным ведением духовного дневника порой и времени не оставалось на сон, уделял внимание каждому, кто в нём нуждался, даже обыкновенному солдатику, по воле Божией из глухой провинции попавшему в столицу. Сколько же ещё таких «солдатишков» Иоанн Кронштадтский благословил на служение Господу?! Скольким будущим пастырям он передал частицу своей души, помогавшей им в дальнейшем нести подвижнический крест?!

Перед самой своей кончиной святой Иоанн Кронштадтский благословил на патриаршество митрополита Московского Тихона, сказав такие слова: «Теперь, Владыко, садитесь Вы на моё место, а я пойду отдохну». О патриаршестве тогда и речи быть не могло, но мудрый провидец Иоанн Кронштадтский предвидел восстановление патриаршества в России, что и произошло 15 августа 1917 года.

А между тем, по всем мирским и церковным понятиям он был до конца своей жизни простым батюшкой. В этой простоте, наверное, и кроется разгадка его необычайной духовной силы.

Биография Ивана Ильича Сергиева укла-

2 января – память святого праведного Иоанна Кронштадтского

дывается в несколько строк. Родился в 1829 году, 19 октября, в селе Сура Архангельской губернии. Окончил Архангельскую духовную семинарию. Затем Санкт-Петербургскую духовную академию. 12 декабря 1855 года принял сан священника. Последующие 53 года вплоть до своей кончины служил в Андреевском соборе города Кронштадта. Предал Богу душу в 1908 году 20 декабря по старому стилю. Святые мощи праведника покоятся в Санкт-Петербурге, в Иоанновском женском монастыре на Карповке.

Казалось бы, обычный жизненный путь священнослужителя, похожий на многие другие. Но за этими сухими строками – великий подвиг во имя Господне ради всего мира, ради рода человеческого, который весь без исключения он мечтал привести в Жизнь Вечную. «Что такое души человеческие? Это одна и та же душа, или одно и то же дыхание Божие, которое вдохнул Бог в Адама, которое от Адама и доселе распространяется на весь род человеческий. Все люди поэтому всё равно что один человек, или одно великое древо человечества», – так говорил отец Иоанн, полвека пастырского служения которого стали величайшим событием в жизни Русской Церкви.

Родившийся слабеньким, он был сразу же окрещён благочестивыми родителями, не надеявшимися на то, что младенец выживет, в честь святого Иоанна Рыльского. После крещения происходит первое чудо: дышащий на ладан ребёнок пошёл на поправку, став вполне здоровым, склонным к внутренней сосредоточенности мальчуганом. Семья была бедная. Но отец, сельский псаломщик Илия Сергиев, и мать, Феодора, дали сыну главное – любовь к молитве, богобоязненность. Уже повзрослев, Иоанн настолько строго придерживался Божией заповеди о почитании родителей, что, будучи больным, отказался нарушить Великий пост – на чём настаивал лечащий его врач – без благословения матери. Феодора благословения не дала: духовное здоровье важнее телесного.

Начало его жизни носит черты сходства с детством преподобного Сергия Радонежского. Поначалу он так же с трудом осваивал грамоту. Но непрестанная горячая молитва Богу о даровании света разума была услышана. «У меня точно завеса спала с глаз, как будто раскрылся

ум в голове», – вспоминал он. После этого, он, как и Радонежский чудотворец, уже не испытывал никаких проблем с учёбой.

Третье чудо произошло с ним после того, как он переступил порог Андреевского собора. Потрясённый Иоанн узнал тот самый храм, который был ему явлен во сне во время учёбы в Академии, когда он ещё склонялся к тому, чтобы избрать стезю миссионера в диких краях алеутов и эскимосов. Но по промыслу Божию ему предстояло стать миссионером среди уже крещённых, но забывших о данных Богу обетах.

Со вступлением отца Иоанна на пастырскую стезю теряется счёт чудесам, происходившим с ним и с теми, за кого он молился. Кронштадт того времени был, своего рода, клоакой, местом ссылки для нарушителей порядка: мелких воришек, бродяг, попрошаек, пропойц и прочих разнообразнейших маргиналов. Коренные кронштадтцы терпели множество скорбей от «посадских», называемых так, поскольку расселяли этих бедолаг на городских окраинах. По ночам выходить на улицу не рекомендовалось.

Именно с них, людей, потерявших человеческий облик, и начал свою проповедь Любви молодой священник, твёрдо убеждённый в том, что «нужно любить всякого человека и в грехе его, и в позоре его. Не нужно смешивать человека – этот образ Божий – со злом, которое в нём». Именно они, эти люмпены, потерянные для общества, подобно раскаявшемуся на кресте благоразумному разбойнику, стали первыми, кто ощутил на себе животворящую силу святости батюшки Иоанна.

Конечно, не сразу достучался он до очерствевших сердец, не сразу снискал их доверие. Не боявшийся ни угроз, ни насмешек, он просто делал своё угодное Богу дело: шёл в смрадные грязные жилища, в подвалы и на чердаки, разговаривал по душам, помогал в житейских проблемах, больным приводил доктора, голодным давал деньги на пропитание. Домой порой возвращался без шубы и сапог, оставив их тем, кто нуждался в них больше, чем он. Но сначала к отцу Иоанну потянулись босяцкие детишки. Они, по причине малолетства ещё не утратившие способности удивляться, не могли не проникнуться любовью к необыкновенному

батюшке, который разговаривал с ними, как со взрослыми, но при этом сияя глазами, как ребёнок.

Он, и в самом деле, до конца дней своих оставался ребёнком, хранящим в душе горячую безотчётную любовь к Господу. С совершенно детским чувством, сочетающим в себе скорбь и радость, слёзы и восторг, он служил литургии. Его проникновенная молитва, воодушевленные возгласы оживляли души всех молящихся в храме благодатным огнём истинной веры. В молитве он умирал для мира, и мир со всеми своими благами – для него. Он разговаривал с Богом, стоя пред Престолом Его.

Вместе с батюшкой и вся паства предстояла перед Богом. Даже те, кто случайно или из любопытства зашёл в храм, начинали чувствовать необычайный боговдохновенный прилив душевных сил во время богослужения. Мудрый и заботливый пастырь в буквальном смысле вёл своё словесное стадо к животворному Источ-

нику Вечной Жизни. Остаться теплохладным после такой литургии было просто невозможно.

Его всероссийская слава росла, как снежный ком. Со временем число желавших исповедаться и причаститься у отца Иоанна Кронштадтского с сотен перевалило за тысячи. Ему приходилось прибегать к общей исповеди, во время которой горячий порыв к очищению охватывал всех кающихся (люди, не стесняясь никого, кричали в голос о своих грехах, из бесноватых изгонялись бесы). Причастие длилось по несколько часов.

После службы вдоль улицы выстраивались шеренги нищих. Они ждали, когда отец Иоанн выйдет из храма, чтобы получить от него милостыню, которую он раздавал с особой щедростью и не только нищим, а всем, кто просит. Он – мудрый наставник, прозорливец и чудотворец – был ещё и обожаемым народом благодетелем: все суммы, иногда весьма значительные,

Свято-Иоанновский ставропигиальный женский монастырь в Санкт-Петербурге

поступавшие к нему от состоятельных людей, передавались бедным и на благие дела. И это было одним из проявлений его жизни во Христе. Впрочем, батюшка отдавал себе отчёт, что благотворительностью помощь человеку ограничить невозможно, что полученные без труда деньги не всегда идут на пользу. Всё-таки для получения материальной пищи нужно затрачивать определённые усилия, иначе какая речь может идти о самоуважении.

Следуя словам апостола Павла «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (1 Фес. 4:12), отец Иоанн стал основателем непривычного для России учреждения – «Дома трудолюбия». В нём все те, у кого не было возможности получить работу по причине шаткого социального положения, могли если и не реализовать полностью свои таланты, то хотя бы почувствовать себя людьми. Впрочем, «Дом Трудолюбия» предполагал не только работу: кроме мастерских, при нём были устроены церковь, приют, школа. Не это ли зачатки того самого настоящего христианского братства, тот самый коммунизм, идею которого извратили и опошлили большевики, надеявшиеся «железной рукой загнать человечество в счастье»?

О святом отце нашем Иоанне Кронштадтском можно говорить и рассуждать бесконечно. О его замечательном характере, позволявшем ему быть ровным и обходительным в общении с любым человеком – от студента-вольнодумца до государя императора всея Руси. О его жене, матушке Елизавете, с которой они жили как брат с сестрой, отказавшись от семейных радостей ради служения Господу. О чудесных исцелениях, совершённых по молитвам праведника не только православных, но даже иноверцев, и даже посредством телеграмм.

О многочисленных храмах и монастырях, заложенных при участии отца Иоанна, многие из которых спустя 30-40 лет просто не смогли разрушить безбожники – настолько прочными оказались их стены. О решительной борьбе отца Иоанна с вероотступниками, с которыми, не взирая на лица, будь то сам Лев Николаевич Толстой, кроткий батюшка становился непримиримым обличителем, приравнивавшим врагов православной Церкви к гнусным растлителям. Невозможно рассказать о Кронштадтском подвижнике в рамках одной небольшой статьи. Можно лишь обозначить самые важные вехи

его служения.

Страшные болезни современности – духовная закоснелость и душевная лень. Даже сейчас, когда нет гонения на Церковь, когда двери храмов открыты для всех, русский народ не торопится припасть в живительному источнику веры. Многие из крещённых в православии приходят в храм лишь следуя традиции, по большим праздникам, не понимая ни смысла Евхаристии, ни необходимости частого причащения. В странной ситуации, когда душами правят средства массовой информации, а не Свет Христов, набатным колоколом звучат слова святого Иоанна Кронштадтского: «Только стяжание Святого Духа в результате духовных и телесных подвигов христианского образа жизни, проверенного и проторенного почти двухтысячелетним опытом подвижничества, озаряет душу Солнцем Правды, освящая при этом и плоть смертного, еще при земной жизни».

В годы пастырского служения отца Иоанна Россия напоминала вулкан бушующих страстей, готовый взорваться. Нынче же это скорее антивулкан, потухающий, готовый вот-вот покрыться ледяной коркой. Большинство российских граждан овладело стремление к постоянному расслаблению и плотским удовольствиям по примеру западного гедонизма. Словно надвигается новый ледниковый период, грозящий заморозить человеческие души окончательно.

Но наши небесные заступники не оставляют Россию своими молитвами. И значит, нет и не может быть места унынию, если, стоя пред святыми образами, мы будем помнить о словах праведного Иоанна Кронштадтского, обращённых к православным христианам России XXI века: «Я предвижу восстановление мощной России, ещё более сильной и могучей. На костях мучеников, как на крепком фундаменте, будет воздвигнута Русь новая – по старому образцу, крепкая своею верою во Христа Бога и Святую Троицу; и будет, по завету великого князя Владимира – как единая Церковь... Перестали понимать русские люди, что такое Русь: она есть Подножие Престола Господня. Русский человек должен понять это и благодарить Бога за то, что он русский».

*Алексей и Галина
Коршун*

Что такое катехизация?

И снова – о катехизации - предмете дискуссий среди священнослужителей и мирян. На эту тему мы беседуем с о. Алексием Яковлевым, настоятелем храма во имя святителя Николая Чудотворца, действующего в микрорайоне Синие Камни г. Екатеринбурга.

Отец Алексей, в храме святителя Николая Чудотворца последние несколько лет ведется работа по катехизации. Что кроется за этой сухой формулировкой? Чем отличается катехизация от миссионерства? Не пожалели ли вы, что занялись этим?

Сразу скажу: не пожалел. Давайте в самом начале разговора определимся с поня-

тиями. Мы разделяем миссию, в узком смысле этого слова, и катехизацию. Миссия – это люди, которые делают какие-то вещи, обращающие людей ко Христу, а катехизатор это дело уже должен подхватить и серьезно заняться теми, кто пришел в церковь. Хороших PR-акций довольно много. Есть и культурная жизнь интересная, разные молодежные клу-

бы, православные байкеры – рокеры, проповеди на рок-концертах. Я всей душой «за», если этому не придавать абсолютного смысла. То есть, это не цель, это средство.

Таким мгновенным наскоком обратить всерьез невозможно. После мероприятий сугубо миссионерского плана человек может начать более лояльно относиться к Церкви, он может просто задуматься о Боге, он может прийти в храм – и это уже хорошо. Но! Как сказал один батюшка: «Я выступаю в вузе и говорю: «Дорогие мои, приходите в храм», – и понимаю, что там их никто не встретит».

Я сейчас не затрагиваю эту, на мой взгляд, чересчур затерзанную тему приходских ведъм – потому что лично я таких не видел практически ни разу. Людей в храме могут встретить вежливо и приветливо. Но не смогут предложить им систему обучения. И потом проходит какое-то время – человек ходит в храм, внутренне считает себя уже более знающим. Может, книжку какую-то прочитал, проповедь услышал – какое-то образование, конечно, происходит, но оно стихийное и не фундаментальное, безосновательное. Оно зависит от того, что ты успел

на лекции услышать или прочитать – то ли это брошюрки, то ли это святитель Игнатий Брянчанинов, то ли «Лествица», то ли отец Александр Мень, то ли отец Андрей Кураев. Я это знаю, прежде всего, по собственному опыту. Со мной это тоже было и есть.

Вспомните, какими словами начинается Евангелие от Луки: «...чтобы ты узнал твердое основание того учения, в котором был наставлен» (Лк., 1,4). А основания-то, оказывается, наши прихожане и не знают. И в худших случаях начинаются проблемы с внутренним православным сектанством, с неизжитыми суевериями. И когда случается какое-то испытание, такой человек терпит большое поражение.

Что меня как священника всегда убивает – это исповедь, когда человек исповедующийся ничего толком не говорит или говорит всякую ересь, ерунду. Такая исповедь – она, как говорится, ни Богу, ни бесу. Скорее даже второму персонажу. Ты пытаешься до человека достучаться – а там, вслед за ним, стоят в очереди еще люди, и почти с каждым приходится вот так беседовать. И это уже не исповедь получается. Поэтому ты рано или

поздно приходишь к тому, что с каждым, кто более или менее серьезно приходит в храм, надо индивидуально заниматься – причем, не в рамках исповеди. А на проповеди ты эти вопросы и подавно не решишь. «Дорогие мои, ну что же вы так-то исповедуетесь!» – И будто бы каждый скажет: «Да, чего ж я такой дурак был! Вот как исповедоваться надо!» Не будет так.

Есть такая поговорка: глаза боятся – руки делают. А глаза сильнейшим образом боятся. Когда я смотрю на наш небольшой приход, я вижу, что большая часть работы еще не сделана. Все, вроде бы, нормально – люди ходят, исповедуются. Правда, ты злишься (ну, хорошо, не злишься, а ... недоумеваешь), потому что 50-60 человек ходят на Литургию, а причащается где-то человек 10. Каждый раз так: ну, 10, ну, 15 занесло. Они сегодня причастились – через какое-то очень долгое время придут, может быть. Но обращенности к Евхаристии ты, священник, в них не замечаешь. А ты же прочитал книжку, где написано, что Причастие – это центр всего. Ты служишь Литургию, а никто не причащается или причащаются очень мало. Ты говоришь: «Братья-сестры, давайте причащаться! Что же вы не причащаетесь?» – «Да, конечно». И получается такая патриархальная ситуация, когда батюшка причащает, в основном, младенцев, а прихожане стоят, умиляются: «Какой молодец батюшка! Какие вещи правильные говорит! И не пьет, и не курит, и цветы на праздник дарит». И это умиление особенно раздражает.

Сейчас у нас в храме до 20-ти человек причащаются постоянно – раз в 2-3 недели, кто-то – каждую неделю. Но многие добродетельные христиане причащаются раз в 3 месяца. Не то, что они злыдни какие-то. Нет, они обратились к этому. Но обратиться – одно, достигнуть – другое. Есть огромное количество вопросов, которые надо разбирать индивидуально с каждым. Невозможно на проповеди это все объяснять. Формат проповеди таков: ты говоришь, тебя слушают. Но недавно я встретился с такой ситуацией, в которой понял с особенной отчетливостью

вот что: огромное количество людей не согласны с тем, что говорится на проповедях. Но поспорить или высказать свое сомнение человек не может. И он выражает свое несогласие в жизни. Он слышит одно, а делает по-другому. При этом он сокрушается немножко, чуточку, или не сокрушается вовсе. Караван идет – и ладно. Но ведь подобное обывательское диссидентство разрушительно для души.

А должны вообще быть такие разговоры со священником, когда человек имеет возможность сказать, что он не согласен, и какие-то свои аргументы предложить?

Да, обязательно. Зачастую все эти вопросы и сомнения не злокачественные. Или злокачественные, но это как раз та возможность, которая дается священнику или катехизатору, чтобы разобраться, почему человек так считает, откуда это происходит. Иногда корни дурных мнений не очень глубоки, а иногда они глубоки настолько, что ты почти уверен, что ничего здесь не получится.

Такие беседы должны быть, потому что на исповеди это невозможно сделать. Время не позволит. Не позволит давление людей, которые тоже хотят исповедаться. Это надо выносить за рамки собственно исповеди. Это покаянный процесс, но он должен быть приготовлен таким образом. Катехизация, как один из важнейших аспектов, превращается в процесс покаяния. Это очень логично, оказывается. Ты это понимаешь – и начинаешь с людьми беседовать. Вот, допустим, был у нас цикл бесед «Искусство исповеди». Мы разбирали страсти.

То есть, вы после Литургии собирались с каким-то количеством прихожан?

Да, собирались (и сейчас собирается) 10-15 человек, по желанию. Иногда у тебя получается эта беседа, иногда не получается. Во всяком случае, какой-то сдвиг ты чувствуешь. Люди подходят и говорят: «Батюшка, вот я теперь все понял в вашей проповеди». Но ты думаешь: «Я это слышал уже. И это во все не означает, что человек все понял. Вовсе

нет. И ни этот, ни другой какой-то. Я сам-то, может, не понял, что сказал». Сдвиг есть, но он маленький, это не сдвиг качества, скажем так. Ты чувствуешь, что ты что-то важное задел. Но все равно отдачи по совести ты не замечаешь. Ты проводишь прежде, чем крестить человека, от двух до шести бесед. Думаешь, что это ого-го! Ничего подобного, это не помогает. Странно.... Поначалу себя уговариваешь, что все хорошо получается, все здорово выходит. Но потом понимаешь, что ничего не выходит здорово. После крещения человек все равно уходит. Он лояльно относится к Церкви, но не более того. А ты же понимаешь, что лояльно относиться к Церкви и быть христианином – это разные вещи.

Но, может быть, человеку просто нужно какое-то время, чтобы в нем это выросло? Не слишком ли много места уделяется именно научению человеческому, а не благодати Божией?

Я задумывался над этим вопросом. Это абсолютно реальная опасность. Опасность того, что своими беседами пытаются Бога заменить, призыв Божией благодати. Это правда.

Но история юной христианской Церкви показывает, что там была практика длительной катехизации. Так было. Так должно было быть. Никаких других путей в Церкви быть не могло. За какими-то «исключительными исключениями». Не мог человек зайти в храм – по понятным причинам. Не могло в какой-нибудь тайной христианской общине быть такого, например: «Ну, давай, будем учить основы веры!» – «Да, нет. Я лучше пойду в другой храм».

Понятно, что существует проблема, как это применить в современной ситуации, но это второй уже вопрос. Те-то христиане были не дурнее паровоза, как мой папа выражается. И, правда, они не были дурнее паровоза. И я их не умнее, и, может быть, они не умнее меня. Мы одинаковые, мы об одном и том же думаем. Хоть и на разных языках. Почему-то они не боялись этого собеседования. Почему-то они не говорили: «Где же тут Господь бу-

дет действовать?». А Господь-то ведь через кого-то действует. В данном случае – через священника, через меня. Я, конечно, понимаю, что это довольно опасное выражение, но отдаю себе отчет в том, что здесь Господь действует через меня. Почему? Потому что я – христианин, потому что я – священник, потому что я должен так поступать. Я не должен прятаться в кусты и говорить: «Ну, Господь все Сам сделает». Я должен сейчас этому послужить. Но моя задача сделать это таким образом, чтобы Богу было место, а я свое место бы знал. Тут уже с меня спрос – сделать так, чтоб человек не погиб под моим напором. Это серьезно.

Ты должен показать человеку, как Церковь воспринимает отдельные моменты (я сейчас говорю о вероучении). Но ты должен это сделать так, чтоб у человека не сложилось впечатление, что ты сидишь на троне и его, как кутенка, поучаешь. Ну, обидится человек – пусть это по гордости, – но зачем так сразу?

Сама ситуация научения опасна. Просто сама ситуация, в любом случае – хоть ты ребенка маленького учишь ложку держать. Ты-то ее умеешь держать, а ребенок нет. Но опасность не является синонимом невозможности. Эта проблема не может стать абсолютным препятствием к тому, чтобы катехизировать.

Порой складывается ощущение, что человек, начавший всерьез работать над собой, легко начинает обижать других людей, списывая все на то, что обидчивость – признак гордости. Любовь, сострадание и милосердие уходят на задний план, а вперед выступает безлюбное знание.

Да, это правда. Такое бывает. Но вся штука в том, что надо с этим бороться.

Мне кажется, такого рода опасение во многом не христианское, а гуманистическое. Оно того самого розового плана, которое делает христианство «розовым христианством». Многие вещи обидны. Допустим, человек смертно согрешил, он не может причащаться. Очевидно, что ему надо об этом

говорить. Очевидно, что если человек поступает не по-христиански, то надо ему это сказать. Ты говоришь человеку, что он неправ. И являешься гонцом, который приносит плохие вести. Но прежде чем принести плохую весть – подумай, это важный момент: мы призваны не к *зловествованию*, а к *благовествованию*.

Хотя благо тоже не всегда гладит человека по шерстке. Благо – такая штука, которая не исчерпывается просто понятием комфорта, приятства и приятности, возвышенного переживания и т. д.

Вспомним Иоанна Предтечу: «порождения ехиднины, кто внушил вам бежать от будущего гнева?». Получается, что обидеть человека можно. На всех обижались. Но каждый раз надо смотреть – как ты обидел человека? Не твоя ли гордость это сделала? Не твое ли нахальство или слишком большая умелость в общении? Человека ведь иногда обижает слишком большой профессионализм. Когда с нами профессионально общаются. Я ду-

маю, большинству людей не нравится, когда в магазине к ним подходят и говорят: «Подсказать что-нибудь?» И в этом смысле всегда задумываешься: человек в храм пришел и ничего не знает; как ты будешь к нему подходить? «Вам подсказать что-нибудь?»

Это проблема. Я не знаю, как ее решать. Но то, что уже опробовано – не надо сразу все на человека наваливать. В процессе катехизации вначале мы говорим о надежде, об уповании, о том, как получилось, что нужна нам эта надежда.

Батюшка, с людьми, которые проходят катехизацию, занимаетесь только Вы или есть еще катехизаторы? И как проходят эти занятия – по группам или индивидуально?

Занятия проходят и индивидуально, и в группах. В основном, веду их я. Есть еще два человека, но по разным причинам они пока несут небольшую нагрузку.

Насколько опасно для мирянина становиться катехизатором? Я имею в виду опасность почувствовать себя выше, умнее, праведнее тех, с кем человек занимается.

Я за это переживаю, на самом деле. И поэтому не многих делаю учителями. Это, действительно, опасно. Но выход есть.

Ты занимаешься с человеком. Ты, действительно, больше знаешь, чем он. Это правда. Но только тебя это лучше не делает. Ты лучше знаешь, как исповедоваться и прочее? Ты можешь поделиться этим знанием? Так не выпендривайся и делись. Вот примерно такое рассуждение. И, соответственно, все строится таким образом. Должно, по крайней мере, строиться.

Батюшка, Вы видите результаты этой деятельности?

Результаты... А результатов никаких нет. (Смеется). Ведь смотря что считать результатами. Конечно, количественный показатель в этом смысле интересен.

Количественный показатель тех, кто регулярно причащается?

Количество людей, которые молятся в храме, причастников, активных прихожан и тому подобное. Конечно, выросло число причастников. И это – постоянные прихожане. Не гости столицы, не паломники, а люди общины. Их стало больше. Это один момент.

А второй момент – атмосфера стала другой, настрой изменился. Когда подходит древняя бабушка – ей лет 80 с лишним, она читать не умеет – и говорит: «Батюшка, поучите меня», – это сильно, это крайне ценно, хоть я и понимаю, что она с намного большим удовольствием пригласила бы батюшку на пельмени. Серьезное это событие, при том, что она в храм чуть ли не всю жизнь ходит. Но человек почувствовал этот общий настрой, и он действительно этим озаботился.

Теперь уже у меня нет задачи что-то переломить. Теперь уже катехизация стала нормой. А тем, кто этим не занимается, уже не совсем удобно. Хотя, конечно, я не подхожу

и не спрашиваю грозно: «Ты записался на катехизаторские беседы?» Но, когда батюшка десятый раз подряд, десятое воскресенье, подобно Катону, говорит, что Карфаген должен быть разрушен... Серьезно, похоже, говорит. Все, деваться некуда.

А дальше идут проблемы организации. Это уже сложнее, мне кажется. Там есть важный переломный момент, когда после основ вероучения, после основ покаянной практики, мы переходим к беседе покаяния и разбираем конкретные грехи, и человек готовит свою исповедь.

Если бы мне кто-нибудь сказал, когда я только еще приходил к Церкви: «Хочешь, чтобы с тобой батюшка позанимался?» – я, наверное, умер бы со страха. Но, все равно, это было бы здорово. Мне бы список литературы кто-нибудь подсказал. Я бы не настолько зависел от случайности. Кто-то мне подсказал бы многие моменты, которых я с той поры не знаю и могу до сей поры не знать. Такой человек, наверное, мог бы меня обидеть, но это не сразу бы произошло. Потому что я был изначально лоялен ко всем.

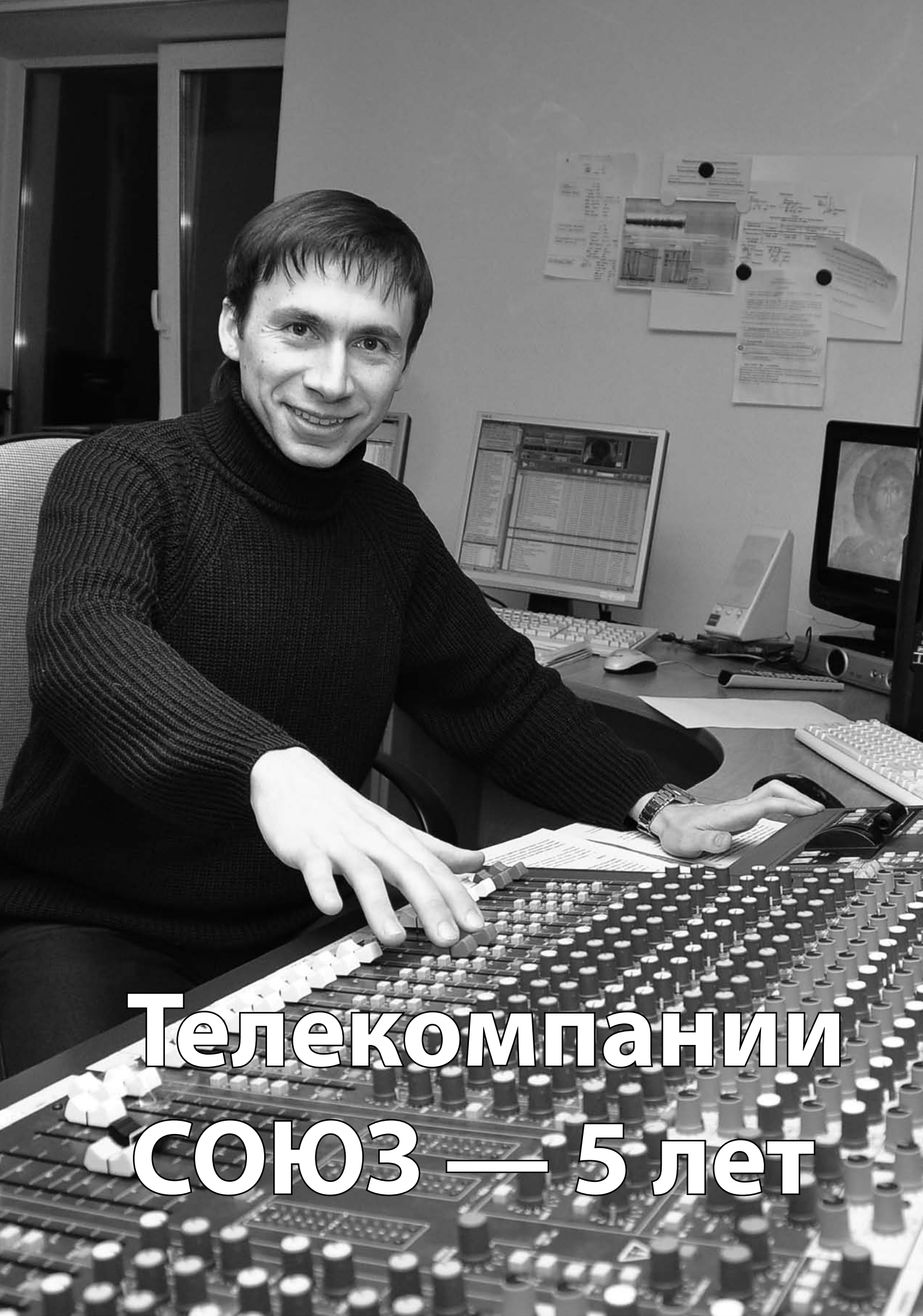
И даже если бы мне сказали: «Давай ты пока не будешь креститься», – я бы не расстроился. Люди, которые сразу обижаются, мне кажется, изначально не совсем лояльны к Церкви. Они изначально ждут, что кто-то здесь их обидит.

Конечно, рассуждая так, я понимаю, как настоящее меняет прошлое. Но все равно мне не кажется, что я подменяю то, что было, тем, что есть сейчас. Мне кажется, это было бы хорошо лично для меня.

Отец Алексей, давайте вернемся к началу нашего разговора и подведем некий итог. Катехизация – это этап, который должен следовать за миссионерством, и которого у нас раньше просто не было?

Да, именно так. И эти пустоты мы сейчас и пытаемся заполнить.

*Беседовала
Светлана Ладина*

**Телекомпания
СОЮЗ — 5 лет**

Игумен Димитрий (Байбаков): «Мы говорим о вечном»

Первопроходцам всегда тяжело. На них смотрят с недоумением и неудовольствием, и даже крутят пальцем у виска – мол, что спокойно не живется? Больше всех надо, что ли? Потом, когда новое дело, о котором многие и помыслить не могли, оказывается вполне реальным (благодаря невероятным трудам и жертвам все тех же первопроходцев), его начинают критиковать и высмеивать со всех сторон. Когда же, несмотря ни на что, новшество продолжает развиваться и становится общепризнанным, первопроходец обязательно услышит в свой адрес: «Ну, конечно, с его-то возможностями...» И немногие при этом вспомнят, с чего и как все начиналось. Об этом и многом другом мы беседуем сегодня с основателем и руководителем медиа-холдинга Екатеринбургской епархии игуменом Димитрием (Байбаковым).

Батюшка, давайте начнем этот разговор с того момента, как Дмитрий Байбаков понял: Бог есть – и пришел в Церковь. Когда и как это произошло?

Мне было тогда 14 лет. Шел 1982-й год – последний год правления Леонида Ильича Брежнева, то есть ни о какой перестройке не было и речи. Мой приход в Церковь – это самостоятельный путь. У меня не было каких-либо озарений, откровений, в то же время, не было никаких трагедий и потрясений. Был определенный путь, определенное созревание, взросление.

Семья наша не была религиозной. Но советское воспитание очень близко было воспитанию христианскому – конечно, тогда, когда это делалось не лицемерно, а искренне. А мои родители именно искренне воспитывали меня в духе коммунистической нравственности, из которой была изъята идея Бога, но оставлено внешнее содержимое: нельзя обманывать, нельзя красть и так далее. Моральный кодекс строителя коммунизма ведь был основан на евангельских заповедях. Если кто помнит, слова апостола Павла: «Кто не работает – тот не ест!» красовались на всех советских лозунгах.

Моя мама никогда не была партийной, но лишь потому, что она считала себя недостой-

ной высокого звания коммуниста. У нее партбилет был не в кармане, а в сердце. И таким образом она воспитывала и нас. Такое честное, цельное воспитание давало определенные плоды. Годам к 14-ти у меня стали зарождаться некоторые мировоззренческие вопросы – в частности, вопрос о смысле жизни. Традиционные для того времени ответы на него удовлетворять перестали. Они были такими: служить своей Родине, построить дом, родить и воспитать детей, посадить дерево и так далее. В то же время, это был период холодной войны, когда постоянно нам говорили о ядерной угрозе. И было понятно, что в любой момент этот самый ядерный взрыв начавшейся войны уничтожит все – и детей, и дома, и деревья, и Родину... То есть, смысл жизни получался каким-то ненадежным, что ли. И я стал думать, что или его вообще нет, или он, все же, в чем-то другом.

Я был ребенком читающим, думающим, и в числе прочих книг мне попадались различные атеистические издания. Я с интересом их читал. А прочесть там можно было примерно следующее. Приводилась какая-либо цитата из Евангелия – и на нескольких страницах давалось пояснение, почему это изречение является «опиумом для народа», и какой обман оно в себе таит. С логикой у меня проблем не было, и

различные демагогические приемы я замечал и отслеживал очень четко. А именно ими и была полна атеистическая критика Библии. Больше как раз западали в душу те Евангельские цитаты, что приводились на страницах этих изданий, чем не больно-то умная критика в их адрес. И со временем я понял, что есть на свете такая мудрая книга – Евангелие, и мне очень захотелось ее прочитать.

У нас в Талице был действующий, властями никогда не закрывавшийся, храм во имя святых апостолов Петра и Павла. Там служил молодой тогда священник – отец Владимир Зязев. Вокруг отца Владимира всегда было много людей. К нему приезжали и «диссиденты», и творческая интеллигенция, и преподаватели советских ВУЗов, и молодежи в храме тоже было немало. Все это по тем временам было далеко не безопасно для батюшки, которого могли обвинить в ведении религиозной пропаганды и очень серьезно наказать, вплоть до уголовного преследования. Но отец Владимир, человек, кстати сказать, семейный, с немалым количеством детей, на этот риск, тем не менее, шел. Вот у него-то я и решил попросить «мудрую книгу Евангелие».

Удалось мне это лишь со второй попытки. Потому что в первый раз, когда я дошел уже до храмовой ограды, мне вспомнилось, что, по действующей Конституции, Церковь отделена от государства. То есть, что же это получалось? Что, переступив порог церковной ограды, я тем самым покину мое родное советское государство и попаду просто в какой-то Бермудский треугольник? Выйти за территорию государства я в тот раз так и не решился и вторую попытку предпринял где-то через полгода. Дело было летом 1982 года. Я подошел к отцу Владимиру и сказал примерно следующее: «Святой отец! Не могли бы Вы дать мне почитать мудрую книгу Евангелие?» Отца Владимира этой своей просьбой я поставил в очень непростое положение.

Дело в том, что, в соответствии с действующими тогда законами, дав книгу религиозного содержания 14-летнему мальчишке без ведома его родителей, батюшка тут же бы подпал под статью Уголовного кодекса, запрещающую вовлечение в религию несовершеннолетних. Тем не менее, вместо того, чтобы ответить мне что-

нибудь вроде: «Иди, мальчик, гуляй», – отец Владимир сказал, что у него, к сожалению, нет сейчас возможности дать мне Евангелие. Но эта книга, наверное, есть у его дочери Светы – почему бы мне не попросить у нее? Понимаете? Если 13-летняя Света одолжит 14-летнему Диме Евангелие – это уже, конечно, трудно будет подвести под статью Уголовного кодекса о религиозной пропаганде...

Словом, я пошел со своей просьбой к Свете, а она сказала, что дать мне Евангелие на руки не может, чтобы не случилось каких-либо неприятностей, но приглашает приходить к ним домой хоть каждый день и читать книгу в гостиную столько, сколько понадобится. Так оно и стало происходить. Благодатные ощущения от этого первого в жизни прочтения Евангелия словами, наверное, не передать. Я словно летал от той радости, которая мне открывалась. Со временем в гостиную, где я теперь регулярно читал «мудрую книгу», стал заглядывать отец Владимир. Он отвечал на какие-то мои вопросы, мы беседовали, все было просто замечательно. Но Талица – город маленький, и моей маме доложили, что ее Дима часто стал заходить в «поповский дом». В семье началось противостояние, которое не прекращалось вплоть до окончания мною школы. Позже мама, слава Богу, пришла к вере, и все разрешилось само собой.

Как складывался Ваш путь по окончании школы?

Я поступил в тогда еще свердловский Медицинский институт – на это было благословение моего духовника, и это был осознанный шаг служения людям. Будучи студентом, я регулярно посещал храм. Тем более, что медицинский институт и церковь во имя св. Иоанна Предтечи – в нескольких минутах ходьбы друг от друга. Из района Керамического завода, где я снимал комнату, я доезжал на трамвае до остановки Гурзуфской и шел через Ивановское кладбище в храм. Там в это время как раз заканчивалась ранняя литургия, и я всегда попадал на водосвятный молебен, меня кропили святой водичкой – и через три минуты я был уже в аудиториях медицинского института, слушал там лекции, проходил практические занятия и т.д.

После первого курса, согласно действовавшему тогда законодательству, я был призван в ряды вооруженных сил на Северный флот, где отслужил срочную службу с военной специальностью «Электрик корабельного оборудования атомной подводной лодки».

После окончания службы вернулся на второй курс мединститута для дальнейшего обучения. Естественно, продолжал ходить в храм. Когда я учился на третьем курсе, православным уральцам была возвращена Вознесенская церковь – третий храм, который был возрожден после Спасского храма на Елизавете и Всехсвятской церкви на Михайловском кладбище. Я пришел как-то в Вознесенку на службу, и тогдашний настоятель, отец Николай Кострубяк, предложил мне стать алтарником. Я тогда, честно говоря, будучи прихожанином и не очень, может быть, вникая в приходскую «кухню», слабо себе представлял, что такое алтарник. Потому что обычно я приходил в храм, находил там какой-то укромный уголок, где меньше всего ходили, толкались, и где за кем-нибудь не было закреплено его постоянного места стояния на протяжении последних 30-ти

лет, и в этом уголочке тихонько молился.

Меня мало интересовало, какие должности как в храме называются, кто что делает и кто за что отвечает. То есть я вел интенсивную личную духовную жизнь, совершенно не интересуясь приходскими, церковно-общественными вопросами. Но, когда настоятель Вознесенского храма предложил мне быть алтарником, то я в ответ сказал ему: «Батюшка, как благословите. Но только я понятия не имею, что это такое и, к тому же, учусь на дневном отделении мединститута». Но отец Николай все, что нужно, мне объяснил; с учебой это у меня, с Божьей помощью, совместилось – с некоторыми, конечно, трудами, но, тем не менее. Так я стал в 90-м году алтарником Вознесенского храма г. Екатеринбурга. Тогда там было очень много молодежи, причем и молодежи в прямом смысле этого слова – людей 18-ти, 20-ти лет, и молодежи относительной – лет по 30, по 40. Бабушки, конечно, были, но, все-таки, у нас традиционная «бабушкинская» церковь – Ивановская.

Через два года моего служения алтарником в Вознесенском храме его настоятель, отец Николай, уехал на Украину, и старшим священником стал отец Александр Железнов. И он настойчиво, требовательно, в ежедневном режиме стал мне говорить: «Почему ты не рукополагаешься? Иди к Владыке за благословением!» Я ему отвечал, что о рукоположении у меня и мыслей нет – я, конечно, служу алтарником, но ведь я же еще и студент, собираюсь стать врачом, у меня дневная форма обучения. «Нет, иди к Владыке», – настаивал отец Александр. Батюшек тогда в Вознесенском храме было мало, отец Александр служил, практически, каждый день; я служил тоже, практически, каждый день – и наш разговор повторялся и повторялся. Наконец, наступил момент, когда послушаться отца Александра было уже просто неприлично. Все-таки, это священник, настоятель храма, человек, старший меня если не в три, то в два с половиной раза – и я уже просто за послушание сказал, что схожу к Владыке, раз уж батюшка так настаивает.

Владыка Мелхиседек был старец суровый, и мне, как алтарнику, попадало за каждым архиерейским Богослужением от него по поводу и без повода. Тогда это было для меня ужас-

но обидно, потому что я перед архиерейской службой, как правило, не спал всю ночь, наводил порядок в алтаре, чистил, гладил, убирал, вытирал, цветочки всякие расставлял, украшал... Все, вроде бы, блестело и сверкало, но Владыка Мелхиседек каждый раз находил какой-то повод, чтобы меня отчехвостить, причем не просто ругаясь вообще, в принципе, а совершенно конкретно в мой адрес, с названием моего имени и перечислением того, какой я плохой и так далее. Сейчас я, конечно, понимаю, что все это было для смирения, но в то время мне не то что было обидно – мне было обидно до слез. Но я утешал себя тем, что так, значит, надо, значит – поделом.

Когда я с благословения отца Александра пришел к Владыке Мелхиседеку, он меня, конечно же, узнал. Я изложил Владыке суть дела. Он выслушал очень внимательно, задал мне какие-то смирительные вопросы, растрогался моими на них ответами и отпустил меня, ничего определенного не сказав. Я же, выйдя от Владыки, вообще забыл про это думать. Потому что у меня в планах никакого рукоположения не было. Я собирался быть врачом, а в храме служил не ради карьеры, зарплаты или еще чего-нибудь подобного. Мое служение в храме – это была не работа, не стремление к какой-

то церковной карьере – это была просто часть моей духовной жизни. Меня попросили – я за послушание пошел служить в алтаре. Для меня каждая служба всегда была огромным потрясением. Алтарь во время службы просто напоминал космический корабль, который куда-то уносится – Бог знает, куда. И когда я гляжу на некоторых современных наших алтарников, то недоумеваю на их разговоры, шутки, на отсутствие благоговения.

Где-то через месяц-два после приема у Владыки подошло время моего первого отпуска. Я уже был официально оформлен в храме – и, проработав год, заработав первый в своей жизни официальный отпуск, получил отпускные, спланировал, куда я поеду – в Оптину пустынь, к своему духовнику схиархимандриту Власию (Перегонцеву) в Пафнугиево-Боровский монастырь в Калужской области – в общем, я уже порхал на крыльях этой поездки по святым местам. И, по-моему, уже даже выпархивал жизнерадостно из собора, когда мне повстречался все тот же ... отец Александр Железнов... Я ему говорю: «Батюшка, я поехал в отпуск, благословите на поездку!» «А куда ты поехал? Ты у Владыки отпросился?» «Так я, вроде, не такая фигура, чтобы у Владыки отпрашиваться». Но, тем не менее, отец Александр меня заставил

пойти к Владыке за благословением на отпуск, что я и сделал – опять же, за послушание.

Владыка, увидав меня, на несколько минут задумался, а затем сказал: «Сейчас сколько времени? Три часа? Ну, вот, в пять часов вечера у тебя – ставленническая присяга и рукоположение». Мне, с одной стороны, «подурнело», с другой стороны, перечить архиерею я не мог – и промямлил что-то вроде: «Как благословите, Владыка». И, не понимая, что, собственно, происходит, стал думать, что же делать дальше. А дальше я только успел съездить за подъярником в Вознесенский храм и вернуться в Иоанно-Предтеченский собор к вечерней службе на присягу и рукоположение в дьякона.

Вот так 7 июля 1992 года, в день памяти св. Иоанна Предтечи в Иоанно-Предтеченском кафедральном соборе студент мединститута, которому оставалось учиться еще два года, стал дьяконом. В душе я с этими переменами, происшедшими в моей жизни столь неожиданно, смирился, в моей голове все это более-менее уложилось, хотя я, конечно, был в полной растерянности. И тут после литургии Владыка, которого я и так-то побаивался, мне очень сурово сказал: «Послезавтра в соборе Александра Невского – рукоположение во священники». Я чуть по стеночке в алтаре не сполз от полного шока, но, тем не менее, сказал: «Владыка, как благословите», – и 9 июля, в день Тихвинской иконы Божией Матери, в храме св. Александра Невского состоялось мое рукоположение во священники. Так, в течение двух дней, я нежданно-негаданно по благословению Правящего Архиерея стал священником.

Вообще, все, что происходит в моей жизни, происходит по послушанию. По послушанию я, будучи врачом-психиатром, а не строителем, стал строить храм. По послушанию я стал заниматься издательскими делами епархии. По послушанию я, по молитвам Владыки, запустил телеканал «Союз», не имея никакого отношения к телевидению и на момент начала этой работы очень слабо себе представляя, как эти волны телевизионные устроены. Одним словом, студент мединститута стал игуменом Димитрием Байбаковым по послушанию.

Отец Димитрий, если говорить о послушаниях, как о порученных делах – у Вас их

так много, и все они очень ответственны. Руководство епархиальным Информационно-издательским отделом, организация работы православного телевидения, заботы о благоустройении храма – как Вы все это успеваете? Кроме того, в наше время всеобщей расслабленности Вам приходится организовывать работу большого количества людей, а для этого надо самому быть человеком предельно организованным. Как Вам все это удается?

Ну, во-первых, на стройный, упорядоченный образ жизни меня еще в детстве ориентировало родительское воспитание. Оно было построено на принципе: свобода и ответственность.

Кроме того, жили мы совсем даже не богато, и с 14-ти лет я начал работать (у меня сейчас уже такой трудовой стаж, что страшно подумать, каким он будет к пенсии). Служба в вооруженных силах, да еще не где-нибудь, а на подводной лодке, тоже меня как-то структурировала и дисциплинировала; приучила к тому, что поставленные задачи должны выполняться, причем качественно и в срок.

А самое главное – это помощь Божия. «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать». Я ведь не ищущего своего, а просто несу возложенные на меня послушания. Если спросить, какие у меня в жизни задачи или желания – да никаких, я просто занимаюсь теми делами, которые посылает Господь.

А бывает ли у Вас свободное время, успеваете ли Вы отдыхать?

Как известно, лучший отдых – это смена вида деятельности. С этой точки зрения, работая сразу на многих фронтах, я только и делаю, что отдыхаю. И, говоря так, я не кокетничаю. Мне все это, действительно, очень нравится. Вот сегодня я занимался работой телеканала, потом – издательского отдела, под вечер вернулся в храм и буду возле него цветы высаживать. Не жизнь, а сплошной отдых.

Раз уж речь зашла о храме – вопрос к Вам, как к его строителю и настоятелю. Храм целителя Пантелеимона известен, люди приезжают сюда из разных районов города. Особенность храма, царящей в нем

атмосферы, можно, наверное, выразить так: здесь умеют радостно верить во Христа и готовы делиться этой радостью с другими людьми. Кроме того, не в традициях храма грубыми замечаниями встречать людей, делающих в Церкви первые шаги и приходящих, может быть, в неподобающем виде или совершающих какие-то ошибки по незнанию. Как все это сложилось, как устроилось?

Ничего специально не придумывалось. Лично для меня христианство – это религия радости, это именно радость встречи со Христом. Наш телеканал часто ведет съемки в различных приходах, и мне бывает непонятно скорбное выражение лиц прихожан, собравшихся в храм на Пасху или на престольный праздник. Конечно, должны быть и покаяние, и скорбь о грехах – но всему же свое место и время. А тут посмотришь на людей – не радость у них, а просто катастрофа какая-то. Наверное, это неправильно.

Что касается «шикающих» бабушек – у нас это, действительно, не принято. С этим явлением церковной жизни я, конечно, встречался – и просто делал для себя выводы, что так быть не должно. А как должно быть – я видел еще в Талице, где отец Владимир Зязев всегда с любовью встречал своих прихожан, знал их по именам, был в курсе их проблем.

Храм у нас молодой. А в «молодые» храмы больше молодежь и приходит. Ведь совершенно излишне говорить вам, какой у нас возрастной состав на службах – сколько детей причащается по воскресным дням. Это, безусловно, меня радует, это очень здорово, это – великая милость Божия к людям, у которых рождаются и растут эти детишки, и к храму, у которого такие прихожане. И я, как человек монашествующий, бездетный, чисто по-человечески просто поражаюсь тому количеству детей, которое, согласно гегелевской диалектике, по-моему, просто уже переходит в какое-то новое качество. Поэтому я наш храм по воскресеньям называю детским садом.

Да, и благоустройству территории вокруг храма любой детский сад или парк позавидуют.

Так это все делается для прихожан, и на

их пожертвования. Я ведь не лукавлю, когда говорю, что у нашего храма нет спонсоров, и он выстроен на средства прихожан. А мы просто этими деньгами распорядились вот таким образом – не утащили их, а использовали на благо храма и людей, в него приходящих. Ведь священническое служение – это не только служение Богу, это еще и служение людям.

Наверное, то, что Вы сейчас сказали о храме, можно отнести и к телеканалу? Это ведь тоже служение людям, и осуществлять его дают возможность пожертвования «телевизионных прихожан» – телезрителей?

Совершенно верно. Первый всероссийский православный телеканал «Союз» существует исключительно на пожертвования своих зрителей. У нас нет инвесторов, спонсоров, благодетелей, рекламодателей (если бы это было неправдой, они бы сейчас навсегда обиделись) – у нас есть только наши зрители. Ну, а поскольку 100 рублей в месяц, которые мы просим нам перечислять – это не очень большие деньги даже для тех, кто, может быть, и сам небогато живет, то кризису мы не подвержены. Инвесторов не теряли, рекламы не лишались. Слава Богу! Многие лета нашим зрителям. Спасибо им за то, что мы есть...

Расходы телеканала «Союз» составляют около 2 миллионов рублей в месяц. Сумма большая. Это круглосуточное вещание со спутников на территорию всей России и ближнее зарубежье, вещание в открытом эфире Екатеринбурга, производство программ, текущие расходы на приобретение видеокассет, бензина, содержание московского корпункта, зарплата 70 сотрудников... На развитие, конечно, остается очень-очень мало... Но слава Богу за все!

Первый всероссийский православный телеканал. Когда-то этого, наверное, не было и в самых смелых мечтах, а теперь это – констатация факта. Причем, факта уникального.

«Союз» сегодня действительно уникален. Во-первых, тем, что это – единственный телеканал, вещающий на всю страну не из Москвы или Петербурга и при этом вызывающий интерес во всех регионах. А начинали мы в 2005

году с вещания в эфире одного-единственного уральского городка Первоуральска со 100 тысячами населения. Наш телеканал – это инструмент просвещения, образования, воспитания. Ведь что такое религия? Религия – это союз человека с Богом. Кстати, отсюда и название «Союз». Мы говорим о вечном. Без сенсаций, без сиюминутности, без шума и грохота, без стремления к рейтингам... Просто о вечном... И люди все больше и больше слышат наш голос.

Батюшка, на «Союзе» принято говорить: «Самый Главный Режиссер» или «Самый Главный Редактор», подразумевая действие Промысла Божия, который временами скрыто, а порой и явно действует в работе телеканала. Неожиданно возникают нужные кадры, появляются нужные люди, программы выходят в эфир как нельзя кстати, и много еще чего...

Абсолютно все – создание телеканала, запуск, все лицензирования и разрешения на вещание, все эти годы круглосуточной работы, преодоление множества непреодолимых труд-

ностей – было бы просто невысказано без содействия Божьего Промысла. Не имея ни средств, ни опыта, ни знаний, создавать практически на пустом месте то, чего никогда не было, – я имею в виду православное телевидение – можно только верой и молитвами многих людей, и только с благословения Божия.

Отец Димитрий, чем бы Вы сами хотели завершить наш сегодняшний разговор?

Я хотел бы сказать, что благодарен Богу за то, что на всем жизненном пути Он посылал мне людей с искрой Божьей в душе: родители, духовный отец, Правящий Архиерей, мои сотрудники – это все люди с яркой искрой Божьей.

Кроме того, я благодарен всем тем людям, которые были и есть рядом со мной. Все, чего, по милости Божией, удалось достичь – это плод коллективного труда священников и мирян – и всем им я земно кланяюсь.

*Беседовала
Светлана Ладина*

*Одна из самых популярных передач
ТК СОЮЗ «Беседы с батюшкой».*

Директор телекомпании «СОЮЗ»

Елена Костина:

«У нас нет времени и сил на тщеславие»

Несколько лет назад корреспондент самарской газеты «Благовест» Антон Жоголев сделал замечательное интервью с директором телекомпании «Союз» Еленой Владимировной Костиной. Настолько замечательное, что мы решили не изобретать велосипед, а воспользоваться уже существующим материалом, дополнив его интересующими нас с точки зрения сегодняшнего дня вопросами. Результат такого совместного творчества мы и предлагаем вниманию наших читателей.

Елена Владимировна, расскажите о Вашем вхождении в журналистику.

Я потомственный журналист, моя мама работала ответственным секретарем газеты «За власть Советов», ставшей впоследствии «Областной газетой» в Екатеринбурге. Я с детства говорила: «Не знаю, кем я буду, но точно знаю, кем я ни за что не буду – я никогда не буду журналисткой! Это такая профессия, из-за которой в семье страдают дети: они допоздна остаются дома одни». С такой уверенностью я прожила довольно долго. Но... Сейчас у меня двое детей, которые, наверное, тоже несколько страдают от моего ненормированного рабочего графика, как в свое время страдала и я. Но все понимают значимость того православного дела, которым я занимаюсь, и стараются мне помогать.

А путь мой в журналистику был довольно гладок. Были публикации, потом учеба на факультете журналистики... Но это лишь внешнее. А судьбу мою решил один случай. Моя мама выиграла на каком-то конкурсе путевку в Международный Дом журналиста в Варне (Болгария) и взяла меня с собой. Там я познакомилась с журналистом эстонского радио Константином Дмитриевичем Любченко, и он стал моим «крестным отцом» в профессии журналиста. Но не только в профессии! Общение с ним заставило меня впервые задуматься о религии.

В Болгарии есть маленький городок, названия которого я уже не вспомню – там Любченко повел меня в храм святых Константина и Елены, предупредив: «Я покажу тебе то, что ты никогда не должна забывать». В том храме я впервые духовно встретилась со святой, чье имя ношу – Еленой! Сейчас я очень чту и люблю «свою» святую, но тогда я о ней почти ничего не знала...

Именно Константин Дмитриевич убедил меня заняться журналистикой. Когда я узнала о его смерти, то решила в память о нем взять журналистский псевдоним Костина (от его имени Константин). А вскоре вышла замуж за человека, который носил фамилию... Костин! Псевдоним вдруг слился с фамилией. С тех пор в моем имени-фамилии присутствуют имена сразу двух святых – Константина и Елены.

А как начался для Вас путь к осознанной вере?

Я не сразу начала воцерковляться. Да, я считала себя верующей, но было ощущение, что все это к моей жизни не имеет прямого отношения... До поры... К настоящей вере меня привело тяжелое потрясение.

Когда моему старшему сыну было пять лет, он заболел менингоэнцефалитом. Это тяжелейшее поражение головного мозга. Если при менингите поражается только оболочка головного мозга, то при менингоэнцефалите страдает само серое вещество... Ребенок три недели пролежал в реанимации, врачи мне предлагали отключить его от системы жизнеобеспечения. Сказали, что сделали все возможное, и не надо дальше мучить ребенка, так как надежд выжить у него нет никаких. А если он и выживет, то будет «как растение».

Я, конечно же, отказалась от такого страшного предложения. Сказала: пусть будет то, что будет. Оставалось одно – молиться! И тут я каждой клеточкой своего организма вдруг поняла, какое место в жизни человека должна занимать религия. Ситуация эта тянулась очень долго и сложно. Ребенок выжил, мы начали выкарабкиваться из последствий заболевания. Сейчас мой сын учится на четвертом курсе радиофака Уральского политехнического университета, это один из сложнейших факультетов вуза. Еще он окончил лингвистический колледж и неплохо владеет английским, немного занимается борьбой. Это вполне состоявшийся молодой человек, переживший многое в своей жизни. Вместе с ним и моим младшим сыном мы исповедуемся у одного духовника. Так что для меня это – большое утешение.

Как Вы пришли в телевизионную православную журналистику?

Раньше я была газетчиком. С телевидением не сталкивалась. И вот пришла мне в голову мысль сделать на «Союзе» телепередачу об истории. Предложила это отцу Димитрию, не особо надеясь, что программа может состояться. Но он дал «добро». И с апреля 2005 года я стала вести программу «Наследие», потом добавилась передача «Православная трапеза», которую мы делали с помощью сестер Ново-Тихвинского монастыря. Чуть позже отец Димитрий предложил мне занять должность руководителя отдела художественного вещания телеканала «Союз». А с 2006 года меня назначили директором телеканала.

Легко ли руководить телеканалом «Союз»? С какими проблемами Вы сталкиваетесь?

По существу функции генерального директора выполняет отец Димитрий (Байбаков). Как руководитель Информационно-издательского отдела епархии и как священнослужитель, он несет на своих плечах гигантскую ответственность за махину церковного медиа-холдинга, решает, в том числе, вопросы стратегического развития и финансовые.

Иногда люди видят только одну сторону игумена Димитрия: что он бывает жестким, критичным руководителем. Но порой не видят другой стороны – его самоотверженности в работе! Я общаюсь с ним уже достаточно для того, чтобы уверенно сказать: в душе он сохраняет священническую мягкость и понимание наших немощей. Он тратит колоссальное количество сил, чтобы наш телеканал светил людям, а мы ему помогаем.

Как директор, я обеспечиваю процесс наполнения контента канала, контролирую качество работы наших отделов, занимаюсь кадровыми вопросами и многим другим, поскольку у нас гораздо меньше работников, чем на других каналах, вещающих на такой огромной территории. В силу того, что мы идем по неизвестным тропам и решаем проблемы, которых никто не решал, мы создаем телевизионный продукт, аналогов которому в стране нет. Есть другие телеканалы, рассказывающие о Церкви, но у них взгляд на Церковь, скорее, снаружи церковной ограды, а не изнутри. Так что наш канал, в этом смысле – единственный. И этот новый продукт оказался интересен огромному количеству людей. Хотя мы прекрасно понимаем собственное несовершенство.

В чем, на Ваш взгляд, оно заключается?

Несовершенство телеканала «Союз» – это, прежде всего, несовершенство кадрового вопроса. За эти пять лет мы подрастили кадры, которые научились работать лучше, чем в начале нашего пути.

Безусловно, когда в одном лице сочетаются воцерковленность и профессионализм – это замечательно. Но такие совпадения очень редки по той простой причине, что у общества пока не было возможности вырастить достаточное количество таких кадров. Они появляются, но очень и очень постепенно.

Иногда светский журналист приходит в церковную журналистику, и ему настолько становится интересным то, что здесь происходит, что переворачиваются его представления о мироустройстве. Так начинается воцерковление человека. А в результате происходит и его становление как церковного журналиста.

Бывает, что воцерковленный человек, обладающий образным мышлением, имеющий определенные способности, приходит из другой профессии; но, понимая, какие задачи перед ним ставит Церковь, болея за это сердцем, он вписывается в процесс, учится у коллег и постепенно становится зрелым церковным журналистом. Так что ответ на вопрос, откуда берутся кадры, индивидуален каждый раз.

Но бывает, что кто-то застрекает либо на том, либо на этом отрезке движения. Существуют люди, которые воцерковлены, которым все интересно на телевидении, но они не имеют необходимого потенциала, и потому, даже по прошествии времени и учебы у коллег, все равно не могут создать качественный продукт. А бывают профессионалы, которые приходят со своими вымышленными, иллюзорными представлениями о Церкви, и так с ними и остаются: нет духовного роста, нет участия в Таинствах, и это все равно приводит к тому, что человек не может работать на канале.

За наши 5 лет работы бывало всякое. Бывало, что люди уходили на полпути, даже если им что-то удавалось. Уходили, в том числе, и по материальным причинам. Наши сотрудники получают не то что в разы, а порой на порядок меньше, чем на других каналах. Какие-то кадры мне было жаль терять. Но сейчас мы с удивлением обнаружили, что, практически, на всех екатеринбургских телеканалах работают наши бывшие сотрудники. А это значит, что они в состоянии на достойном для светского канала уровне снимать жизнь Церкви и рассказывать о ней.

Широко известен случай, когда отец Димитрий потребовал, чтобы журналисты приходили на работу в подобающей православным людям одежде, – в светских СМИ поднялась целая буря возмущения!

А ведь отец Димитрий потребовал самый минимум – чтобы женщины ходили в юбках, чтобы декольте у них не были столь «откровенными»... В светской журналистике не обра-

щают на это должного внимания, но у нас без такого элементарного порядка просто нельзя. Начались возмущенные крики о том, что это «нарушение свободы» и пр.

Но если, например, врачи носят белые халаты – это же не считается нарушением их свободы! Если укладчики шпал носят оранжевую униформу, тоже все относится к этому с пониманием. И в деловом мире есть такой термин, как дресс-код – это соответствие твоего делового облика тому месту, где ты работаешь. Это часть деловой этики. Представьте, на православном канале передачу будет вести женщина в короткой юбке или брюках, да еще с декольте!.. Как бы ни старалась она, эффект все равно будет отрицательный. Зрители будут оценивающе «коситься» на ведущую, и то, о чем она говорит, попросту не услышат.

Есть ли у вас на телеканале «узнаваемые» телеведущие?

Конечно, есть. Наверное, в телевизионной журналистике без этого не обойтись. Но у нас нет времени и сил на тщеславие. Однажды по этому поводу я на «летучке» вспомнила известную ситуацию, когда преподобный Серафим Саровский говорил сестрам Дивеевской

обители, просившим у него благословения заниматься иконописью: «Матушки, лучше вам в огород! Там искушений меньше... Так что – в огород, в огород...» Такого «огорода» у нас предостаточно. Работы много, и когда исчерпываешь свой возможный ресурс и выходишь на невозможный, уже становится не до тщеславия.

Так кто же сегодня трудится в вашем телевизионном «огороде»? Кто делает ТК «Союз»?

В штате телеканала работает человек 70, но это без учета нашего московского корпункта, нашего сотрудника в Петербурге и, разумеется, без учета наших добровольных помощников из других епархий, а сегодня это порой – целые епархиальные телестудии. Нам часто помогают и верующие журналисты, живущие в самых разных уголках мира.

На ключевых постах телеканала сегодня работают глубоко и искренно верующие люди, обладающие приличным высшим образованием и стремящиеся повышать свой духовный и профессиональный уровень. И это наше достижение. Потому что сформировать такую команду, поверьте, нам было очень непросто. Среди сотрудников также есть выпускники или сту-

денты Екатеринбургской духовной семинарии, а также люди, которые посещают различные курсы по повышению церковной грамотности.

А вместе с тем, работники телеканала – обычные люди. Живущие в тех же условиях, что и среднестатистические граждане нашей страны. Потому мы так близки нашему зрителю, который чувствует в нас родственников. Большая часть наших сотрудников ездит на общественном транспорте.

Я помню времена, когда мы не имели возможности осуществлять ночные развозы наших журналистов, вынужденных работать до поздней ночи. И помню ситуации, когда мне самой приходилось, уже будучи директором, готовить еще две программы, и после этого ночью бежать домой пешком. У канала не было денег на бензин для таких ситуаций. И, когда бежишь по ночному городу, только и думаешь: «Господи, помилуй!». Я не говорю о том, что мы – герои, просто это было. Сегодня, благодаря пожертвованиям наших телезрителей, мы имеем возможность развезти людей ночью после работы по домам.

Я могу бесконечно говорить о людях, которые работают на телеканале, и все же глубоко уверена, что его, на самом деле, делаем не мы. В какие-то особые моменты мы переглядываемся и между собой говорим, что у нас есть Программный Директор, Он же Главный Режиссер и Главный Редактор – все с большой буквы. Потому что множество примеров подтверждают непостижимое действие Промысла Божия и Его помощь. И все наши усилия и трудности потом осознаются как уроки, которые даются для того, чтобы мы не возомнили себя делателями этого телеканала.

Расскажите, пожалуйста, о таких особых моментах.

Мне очень памятно, как мы заканчивали работу над фильмом «Земля греха и покаяния» (*фильм рассказывает о местах убиения Царственных Страстотерпцев и уничтожения их останков, о храмах, возведенных на этой святой земле, об уральских святынях – прим. ред.*). Тогда лично для меня сплелся клубок проблем, и я была близка к тяжелому унынию. У канала существовали серьезные финансовые трудности. Несколько месяцев не выплачивалась заработная плата, были большие задолженности перед партнерами, и даже мне, при

огромной любви к каналу, сама возможность его существования представлялась порой невероятной.

Мои физические возможности, как мне тогда казалось, были на исходе. Фильм мы делали в основном по ночам, так как в течение дня была обычная нагрузка, которую с меня никто не снимал. А фильм делался по благословению, и для меня было делом чести его закончить. Тема была мне очень интересна, но ни у телеканала, ни у меня на тот момент, пожалуй, не было никакого внутреннего ресурса на осуществление такого проекта.

И вот днем в Екатеринбург была доставлена десница Иоанна Предтечи. У нас с коллегами не было возможности встретить святыню с крестным ходом. Но, увидев, что ее несут к храму Иоанна Предтечи, мы вышли в церковный двор. Я еще не увидела ковчежец, но благоухание уже несло по двору. И вдруг почувствовалось предвкушение радости, облегчения, надежды. В церковном дворе просто было яблоку негде упасть, и мы поняли, что в храм не попадем ни при каких обстоятельствах; развернулись и ушли работать. Еще несколько попыток мы делали, но очередь ничуть не редела – ни в 2 часа ночи, ни в 4 утра. И только в 6-м часу утра, пробившись к самому входу, мы буквально чудом смогли пройти к святыне. И тогда ощущение непосильной ноши слетело с плеч.

До этого момента мы все спорили о названии фильма, потому что оно никак не рождалось. У нас были только черновые варианты, а до эфира оставались буквально часы. И, побывав у святыни и выйдя из храма, мы, не сговариваясь, посмотрели друг на друга, и название фильма было произнесено вслух: «Земля греха и покаяния».

Кроме того, в эту ночь снялась и еще одна, пусть бытовая, но проблема: а как я побегу ночью пешком? Мы проработали до 6-ти утра, когда уже пошел транспорт. А еще на следующий день сотрудники получили заработную плату, и канал рассчитался с партнерами.

У телеканала «Союз» существует живая обратная связь с телезрителями – они активно звонят и пишут письма. Поделитесь, пожалуйста, каким-нибудь откликом, наиболее запомнившимся Вам.

Бывают совершенно потрясающие письма.

У меня на памяти письмо женщины, отец которой был атеистом, причем, критично настроенным по отношению к Церкви и не принимающим Бога в принципе. На седьмом десятке лет его парализовало, он не мог говорить, только мычал. Телевизор ему включали, как отвлекающую игрушку – иначе он просто не давал покоя никому из домашних, недовольство лежащего человека постоянно в чем-то выражалось. Переключая каналы, его родные наткнулись на телеканал «Союз» и с удивлением заметили, что папу наши передачи как-то успокаивают. Для них это стало решением чисто физической проблемы. Они создали ему возможность как можно дольше смотреть «Союз», и папа всем своим поведением показывал, что его это устраивает.

В конце концов, к нему ненадолго вернулась речь, и он попросил, чтобы его крестили. Священник крестил и причастил его на дому, а на следующий день этот человек отошел в мир иной. Человек пришел к Богу! И его дочь в письме рассказывает о том колоссальном впечатлении, какое эти события произвели на всю семью. После похорон отца они задумались над тем, что же на самом деле произошло. Их сердца были затронуты, их души были разбужены, они услышали зов Бога, обращенный к ним. Таких историй много. И для нас очень важен этот отклик людей.

Какие программы на телеканале «Союз» пользуются наибольшей популярностью у телезрителей?

Безусловно, программа «Архипастырь». Это когда наш Владыка в прямом эфире на протяжении двух часов отвечает на звонки телезрителей. Шквал звонков! Не все даже могут дозвониться... Владыка Викентий понимает значимость таких эфиров. При том большом храмовом строительстве, которое сегодня ведется, иногда у священства не хватает сил, чтобы донести до людей смысл Православия. До сих пор очень многое в вере подменяется обрядовыми вещами. И возможность услышать из уст Архипастыря самое главное о нашей вере очень дорога для многих людей.

Однажды в командировке, в поезде где-то под Смоленском я случайно встретила с человеком, который смотрит телеканал «Союз». И он, не зная, где я работаю, рассказывал мне про программу «Архипастырь» с особенной

радостью. Он сказал: «Эта передача помогает мне навести порядок в моих мозгах, в моем сердце. Раньше я думал про себя, что я православный человек, а когда я эту передачу послушал, то понял, что я еще язычник. И мне надо еще идти и идти к подлинному христианскому мировоззрению».

Наверное, очень благодатно работать в эфире со священниками?

По-разному бывает. Порой наши журналистские требования мешают батюшкам заниматься их работой. Иногда возникает некий «конфликт интересов». Конечно, когда мы им говорим: «Это же миссионерская деятельность!» – они идут нам навстречу. Но для некоторых это оборачивается неким тонким искушением.

Например, мы осуществляли прямую трансляцию из Свято-Троицкого кафедрального собора, когда встречали мощи святого благоверного Александра Невского, и попросили провести эту передачу иеромонаха Иеронима. Он пришел на эфир, очень хорошо провел передачу. Но после эфира, когда я поблагодарила его за эту замечательную работу, он признался, что все-таки хотел бы заниматься своим прямым делом и встречать святые мощи в храме, а не за микрофоном перед телекамерой...

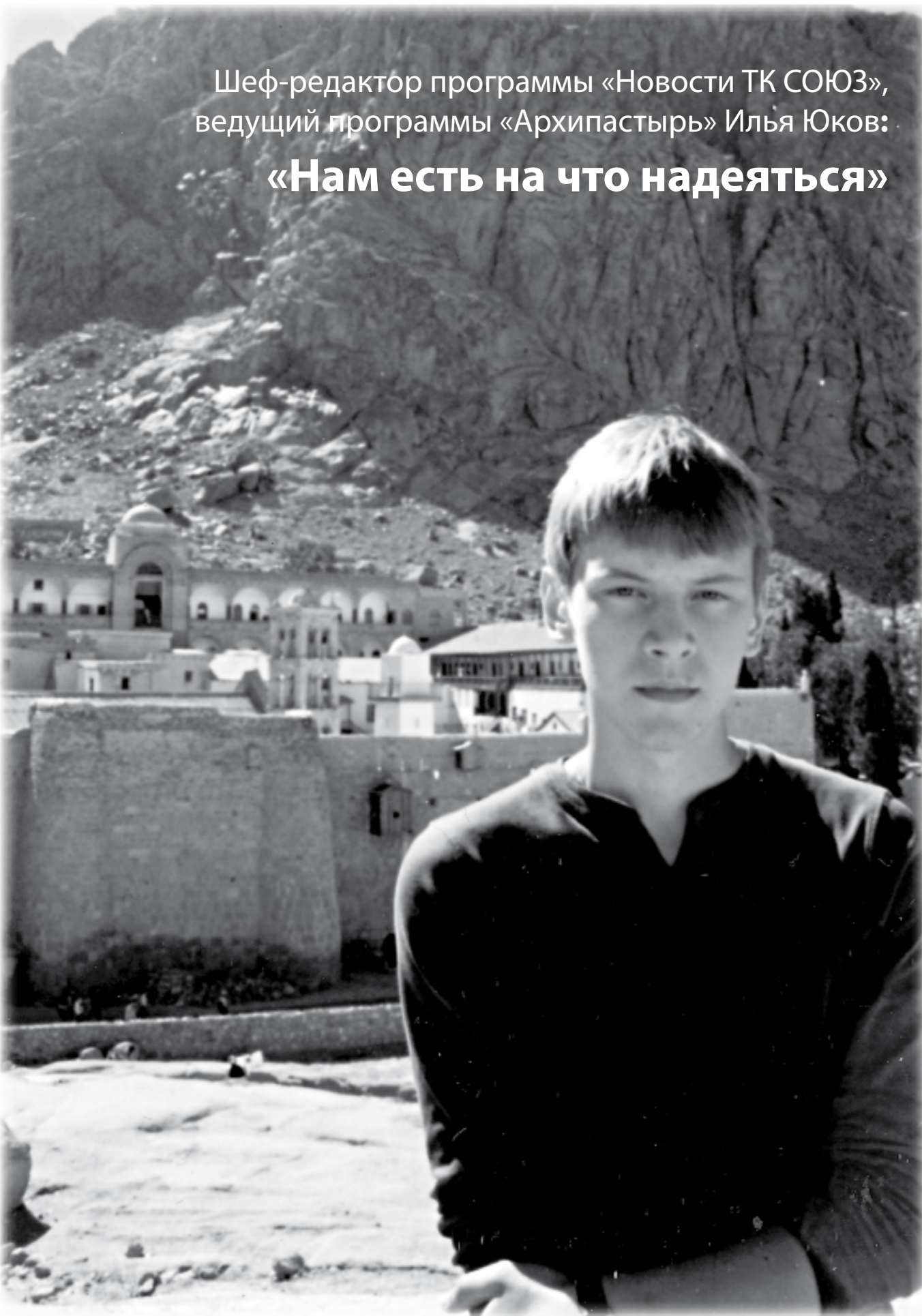
Как удалось расширить вещание телеканала на 800 (!) городов России? С этим много сложностей возникает?

У нас нет специального отдела, который бы занимался распространением вещания по разным городам. Все 800 городов вышли на нас сами! Там есть региональное кабельное телевидение, и представители 800 коммерческих структур сами вышли на нас, заключили договоры. И это идет именно снизу! Телезрители требуют у руководителей телевизионных сетей включить и «Союз» в сетку вещания, бомбардируют их звонками... Руководители этих компаний справедливо посчитали, что православный канал для них будет рентабельным, привлечет новых телезрителей. Значит, на православное телевидение есть спрос! И с этим сегодня всем приходится считаться.

*Беседовала
Светлана Ладина*

Шеф-редактор программы «Новости ТК СОЮЗ»,
ведущий программы «Архипастырь» Илья Юков:

«Нам есть на что надеяться»

Илья, как давно Вы пришли на «Союз»?

Почти со времени его основания. После школы я поступил в Уральскую государственную юридическую академию. Учебу на третьем, четвертом и пятом курсах совмещал с работой на телеканале. Потом уволился, но вновь вернулся и сейчас уже год как работаю на «Союзе».

Что побудило Вас вернуться?

Ответить на этот вопрос односложно не получится. Когда я уволился, я ушел совсем, то есть не вел никаких передач и даже вообще не заходил на студию. Хотя, конечно, тянуло меня на «Союз» постоянно. Потом представилась возможность раз в месяц вести программу «Архипастырь». Что я и стал делать, одновременно работая юристом в коммерческой организации.

На протяжении моей светской работы меня не покидало чувство какой-то «ненастоящести» того, что я делаю. Да, я участвовал в судах, да, по закону я делал все правильно, пытался найти истину. Но это была истина человеческая, и ее всегда можно было оспорить. Если ты выигрываешь суд в области, то всегда можно подать апелляцию и оспорить это решение в суде, например, Уральского федерального округа и так далее. То есть, эта истина никогда не будет истиной в последней инстанции. И, на мой взгляд, в любой светской организации дойти до истины практически невозможно. Наверное, возвращение мое на «Союз» можно назвать крестовым походом в поисках истины.

«Союз» – это уникальное место с тех позиций, что здесь ты можешь искать истину, и при этом тебе еще платят зарплату. Иногда вечером приходишь домой и перед сном задумываешься: христианам первых веков приходилось столько претерпевать, чтобы идти за Христом, а тебе за это еще и доплачивают. Я думаю, это просто милость Божия, но до сих пор не могу понять, за что Господь так милостив к нам.

Конечно, невозможно сказать, что работа на телеканале «Союз» – это некая сказка, в которой все всегда хорошо, радостно и светло. Любое телевидение – это в первую очередь производство, которое имеет достаточно жесткие рамки. Это не вольная, свободная философия: сегодня у меня есть настроение, и я

пишу, а завтра у меня нет настроения, и я не пишу. Здесь всегда есть жесткие временные рамки и достаточно жесткие условия, которые нужно соблюдать.

Получается это в силу немощей человеческих не всегда. Бывает, сидишь, пишешь сюжет, а в это время зарождается мысль: «Илья, ты что делаешь? Ты же юрист. Учителя, мама, папа тебе говорили, что ты будешь блестящим адвокатом. Ну, что ты делаешь? Бросай все, увольняйся отсюда». И раньше я очень легко шел на поводу у таких мыслей: раз пять писал заявление об увольнении с «Союза». Но со временем личное общение с Владыкой и с отцом игуменом многие вещи расставил на свои места. Когда сейчас зарождаются такие мысли – а они зарождаются иногда по-прежнему – стараюсь просто как-то так выдохнуть, не предпринимать никаких радикальных действий, и на следующий день они отступают.

Легко ли наладить рабочий процесс?

Наладить его непросто. Казалось бы, такой канал должны делать или профессиональные журналисты или люди с богословским образованием – например, семинаристы. Но семинаристов у нас только два, а профессиональных журналистов практически нет. Удивительно! В итоге телеканал «Союз» делают юристы, экономисты, учителя истории.

Коллектив у нас молодой. Это первое, что замечают гости, которые приходят на телеканал. Конечно, всем хочется и погулять, и отдохнуть, особенно в субботу и воскресенье. Но приходится как-то себя ограничивать, я называю это «вести себя по-человечески», находиться в мало-мальском послушании.

Что вдохновляет Вас на работу?

Вдохновляет видение результата своей работы. Это дает силы и приободряет. Вдохновляют письма телезрителей. Бывает, читаешь письмо какой-нибудь бабушки, которая рассказывает о военных годах, о том, как она всю жизнь работала, воспитывала детей, как эти дети теперь от нее отвернулись, как она осталась одна. И этот человек признается, что живет только тем, что у нее на какой-то кнопке пульта есть «Союз».

Таких писем приходит очень много. И иногда, когда из-за чего-нибудь замучаешься, бе-

решь эти письма, перечитываешь – и становится намного легче.

Профессиональные журналисты на различных конференциях часто говорят о том, что телеканал «Союз» – это такое явление, которого в принципе не должно было быть. Это говорится в негативном смысле: мол, должны быть религиозные передачи, но только по утрам – и не более того. Все, это ваше место. Вам осталось день-два – и загнетесь. Вот такие «оптимистические» прогнозы, которые, слава Богу, пока не сбываются.

Телевидение – это огромные деньги, а у телеканала «Союз» нет ни одного крупного спонсора. И вот постоянно бежит наша просьба о помощи по экрану. Насколько же человеку это должно быть нужно, чтобы он встал с теплого дивана, вышел из теплой квартиры, пошел в банк, отстоял там очередь, потратил деньги, силы и время! И когда этих платежей по сто рублей приходят просто огромные пакеты, когда

из них складываются суммы, которые необходимы для оплаты вещания, это просто поражает! Это действительно чудо – то чудо, которое мы не всегда замечаем. А замечать его надо.

Вспоминается одна из последних передач «Архипастырь». Звонит какой-то парень и говорит: «Владыка, у нас все плохо. Грядет конец света. Уровень духовности падает и т.д.» Владыка отвечал-отвечал про конец света и про все остальное – а это был последний вопрос в программе, заканчивать на такой пессимистичной ноте было просто нехорошо. И я спросил: «Владыка, там же вторая часть вопроса была – про то, что падает уровень духовности и нам всем вообще недолго осталось». Владыка в ответ: «Нет, почему, у нас в храмах сейчас много молодежи.

Причем, идет процесс, когда молодежь приводит в храм родителей, бабушек, дедушек». На этом мы передачу закончили, и уже за кадром Владыка добавил: «Раз мы с тобой

сидим в этих креслах и имеем возможность вещать, значит, не все так плохо».

А негативные отзывы к вам приходят?

Конечно. Я вполне четко представляю: то, что мы делаем, не идеально. Это не верх совершенства, и даже не пятьдесят процентов того, к чему мы должны стремиться. В свете этого, конечно, приходит критика. Ее можно условно разделить на две части. Одна критика конструктивная, когда говорят: поправьте это, это и это – и станет лучше. Мы соглашаемся, исправляем. Отец Димитрий в этом плане очень мобилен, ему ничего не стоит переделать все от начала и до конца. А есть критика просто удивительная. У человека идет негативный поток сознания. И, читая такое письмо, видишь, что его автор собирает и записывает все, что ему шепчут на левое ухо.

Бывают и люди, которые сначала критикуют, а потом превращаются в искренних по-

клонников. Был у нас такой случай. Нам стал писать полковник КГБ в отставке. Приходит письмо: «У вас ежедневно в десять вечера вещает какой-то дед. Он людям пудрит мозги. Я полковник КГБ в отставке, я знаю, что так людям пудрить мозги нельзя. Дайте мне эфирного времени, я с ним буду спорить». Эфирного времени ему никто не дал. Алексей Ильич Осипов, если вы поняли, о ком идет речь, продолжает вещать у нас в десять часов вечера. Проходит месяц или два, мы получаем другое письмо: «Ваш дед-то вещает, конечно, бред полный, но я увидел там какое-то рациональное зерно. Хочу развить это рациональное зерно». И развивает эту мысль в своем письме.

Проходит еще два месяца: «Слушайте, все, кто у вас там вещает – так себе. Но вот этот дед-то – он говорит хорошо!». Проходит еще два месяца: «Я вот посмотрел, послушал – у вас там кроме деда есть еще батюшки». В итоге он сходил в ближайший храм, и сейчас это во-

церковленный человек. Причем, ходит в храм уже с супругой и детьми.

Говорят, что в России есть два православных телеканала – «Союз» и «Спас»...

Да, и еще при этом говорят о том, что «Спас» – это канал миссионерский, он для тех людей, которые еще не в Церкви, а «Союз» – это уже для таких упертых мракобесов, которые только и делают, что молятся и жизни другой не знают, платки надели и пошли, потупив глаза. Я не согласен с этим. Потому что, на мой взгляд, миссионерство – это не красное словцо, не красивая картинка, не тот православный глянец, когда мы взяли звезду (известного режиссера, актера) – и на первую станицу. А если послушать то, что эта звезда говорит, то получается, мягко говоря, «вольноватая философия». Я думаю, что миссионерство – это личный пример.

Понимаете, если завтра вместо Ильи Юкова на телеканале «Союз» передачу будет вести схиигумен, это будет другой канал. И это будет такая миссия! Тут Ольга Валентиновна Баталова сделала программу «Уроки Православия» с

Петром Мамоновым, который играл в фильме «Остров». А у него жизнь-то была действительно непростая. Он же бывший рокер, чего он только ни видел и чего только ни делал. Его спрашивают: «Как вы решили, что с той, старой жизнью, надо покончить?» Он рассказал, что после премьеры «Острова» съемочную группу пригласил к себе в рабочую резиденцию в Чистом переулке Святейший Патриарх Алексий Второй. И была возможность десять минут побыть рядом с Патриархом. А Патриарх Алексий – это был человек, от которого просто исходила благодать, он мог вообще ничего не говорить. Вот это миссионерство!

И мы стараемся, в меру своих возможностей, миссионерствовать именно делом. Пусть иногда телеканал «Союз» прихрамывает, пусть ударения мы не так ставим в силу своей молодости. Но, тем не менее, этот телеканал есть двадцать четыре часа в сутки триста шестьдесят пять дней в году. И мы не знаем, когда именно человека, абсолютно случайно включившего «Союз», что-нибудь так «зацепит», что он захочет стать чуть-чуть лучше или что-то в своей жизни изменить.

Когда я учился в юридической академии, мне все пророчили место на кафедре или адвокатскую карьеру. Но параллельно с этим я работал на «Союзе». Мои одноклассники и преподаватели начали замечать меня на экране и говорить: «Ты что с попами связался?! Беги оттуда! Они запудрят тебе мозги!». Тогда меня это просто выводило из состояния равновесия. Я очень подолгу из-за этого переживал. Но потом произошла интересная ситуация. Отец Дмитрий попросил меня подвезти его до храма целителя Пантелеимона. Я его привез, захожу в храм – и вижу своего одноклассника, который говорил мне подобные вещи. А теперь он с мамой покупает свечи и ходит в храм. Я был поражен!

А второй случай, который тоже произвел сильное впечатление, связан с девятой городской детской больницей. У моего одноклассника отец работает там детским хирургом. Хирург в силу профессии – это человек, который видит каждый день жизнь и смерть. Во время дежурства им привозят деток после ДТП, иногда маленьких совсем. Страшная картина. И они очень прямолинейны, в какой-

то мере очень циничны, они всегда называют вещи своими именами. Как-то раз мы с другом заехали в больницу, а в это время его отец вместе с коллегами сидел в ординаторской, у них был включен телевизор, и там вещал «Союз»! Я тогда даже не осмелился спросить, почему именно «Союз», но это согрело.

С какими еще сложностями Вы сталкиваетесь?

Большая сложность на «Союзе» – это отсутствие примера, ориентира, куда нам идти. На самом деле ведь нет аналога тому, что мы делаем. Поэтому мы и двигаемся во многом наощупь. Даже не во многом, а во всем. Возьмите хоть православные новости – мне, как шеф-редактору, эта тема близка. Вот, представьте себе, наступает какой-то праздник. Нам приходят видеоматериалы из нескольких епархий, да еще и сами мы снимаем в наших храмах Божественную Литургию. В результате нам нужно написать семь-восемь сюжетов об одном и том же празднике в разных храмах.

Что писать? Историю праздника? Хорошо, в одном сюжете мы об этом написали. А в

шести других что писать? Историю храма или что? Ведь Литургия, священнодействия одинаковы во всех храмах. Люди, которые приходят на богослужение, тоже часто похожи друг на друга. Есть прихожане, которые просто не понимают, зачем они сюда пришли. И Святая Троица для них – это Иисус Христос, Николай Чудотворец и Дева Мария. Такие бывают сложности.

Говорят, что Россия – православная страна, что у нас 80-90% верующего населения. Из этого, я извиняюсь, верующего населения половина не знает, с какой стороны и на какую крестятся, еще половина знает, как надо креститься, но не крестится. Вот и вся верующая страна. Конечно, если бы у нас была на самом деле православная страна, и на самом деле 90% населения было бы православными христианами не по имени, а по сути, тогда «Союз» уже давно перепрыгнул бы новостные каналы. Поэтому что мы могли бы рассказывать обо всем.

Если бы Господь сопровождал русского человека каждый день на протяжении всей его жизни, то мы могли бы показывать и концерты, и спортивные соревнования – хоть что. Представляете – картинка: идут Олимпийские игры, стоит сборная России по лыжам и перед стартом читает молитву на всякое доброе дело. Могли бы мы на «Союзе» это показывать? Могли бы. Если бы у нас заседание Государственной Думы начиналось с общей молитвы, могли бы мы такое показывать? Могли бы. Это было бы, если бы 90% населения действительно были верующими.

Кроме того, я и по самому себе, и из общения со своими ровесниками знаю, насколько теплохладен современный человек. Это самая большая проблема. Он постоянно в депрессии. Ему напели, что депрессия – это бич нашего времени. И он все сидит и думает, почему же все так плохо. Но при этом ничего не хочет изменить. А начинать надо с себя. И ведь никто не требует от нас каких-то великих подвигов духовных. Каждый на своем месте может совершать подвиг каждый день, ограничивая хоть немного свою волю – ну хоть чуть-чуть. Никто не требует от тебя великих жертв, слава Богу, не распинают. Просто маленькие шажки, маленькие шажки. То, что ты можешь делать сейчас, надо делать. Вот тогда бы все преобразилось.

Сколько раз себя ловил на том, что на работе я один, а дома или во дворе другой. И пока есть это двуличье, дорога к Богу не кончена. Я не понимаю фразу «обрести Бога». Все люди разные. Наверное, кто-то обретает сразу, раз – и обрел, такие бывают потрясения в жизни. Но у меня почему-то эта дорога затянута.

А с чего вообще началось воцерковление?

Просто. Говорят: где просто, там ангелов до ста. У меня прабабушка была очень верующим человеком. И всегда, когда я был маленьким, она водилась со мной и читала молитвы. Она уже была лежащая, я с ней на кровати лежал, и она молилась. Потом я ходил в церковь один раз в год на пасхальную службу. Мы собирались своей компанией и шли в Иоанно-Предтеченский кафедральный собор. Пришли, постояли – и с чувством выполненного долга, с чувством собственного достоинства пошли по домам. Это продолжалось лет с пятнадцати до девятнадцати – двадцати. Изменения произошли с приходом на «Союз».

Началось с Великого Поста. Отец Дмитрий говорит:

- Ты поститься-то будешь?
- Какое поститься? Нет, я мясо люблю.
- Слушай, ты басурманин, что ли?
- Вроде нет.
- Значит, постись.

В тот пост я как-то продержался. Хотя мяс на самом деле хотелось. Приезжаю на пасхальную службу в храм целителя Пантелеимона:

- Ну что, постился?
- Да.
- Надо причаститься.
- Нет-нет, я не буду.
- Так ты басурманин, что ли?

Вот так пришлось и попоститься, и причаститься. После этого у меня был период окрыленности. Я очень часто причащался. Потом, когда уволился с «Союза», год не причащался и вообще в церковь не ходил. Ну, а сейчас причащаюсь по мере сил. Но, по большому счету, часто не причащаюсь из-за лени. От лени, вообще, много проблем. Ведь в человека Богом заложено знание, что такое хорошо и что такое плохо. Но по лени ты идешь на какие-то компромиссы, сделки. Тебе совесть говорит, что надо сделать вот так, а лень шепчет: «Ну, ни»

чего, мир же не рухнет». А в итоге так проходят дни, недели, месяцы, годы. Просыпаешься – а тебе уже двадцать пять лет. Я думаю, так однажды проснешься – а тебе уже на пенсию пора. Чем меньше этих компромиссов, тем лучше, просто надо брать себя в руки и делать так, как надо делать. И не беседовать со своими помыслами.

Знаете, что еще мне не нравится? Мне не нравится штамп «православный христианин». Например, в сюжете говорят: «Сегодня у православных христиан великий праздник». У меня сразу такая ассоциация: люди приходят в зоопарк, там зверек сидит в клетке, а на клетке написано: «Род медведей, вид бурый». Вот точно так же: «Род человек, вид христианин, подвид православный». Получается, что это другие люди, другая разновидность, очень редкая, очень малая популяция. А последствия такого разграничения: пусть они все делают хорошо, но меня-то это не касается, у меня подвид другой.

Расскажите, легко ли другие епархии делятся своим видеоматериалом для новостей?

Нет, конечно, не легко. Епархий, которые присылают нам видео постоянно, пять-шесть. Еще пять-семь епархий присылают сюжеты периодически. Но при этом в стране сто пятьдесят епархий. И если бы сто пятьдесят епархий присылали нам по сюжету даже раз в неделю, мы могли бы давать в новостях по двадцать сюжетов в день, и это были бы абсолютно разные сюжеты. Но так не происходит. И не происходит так потому, что никакие 90% православных христиан Россию не населяют. И есть такие епархии, где священник один на тысячу квадратных километров. Ему, конечно, не до съемок для телеканала «Союз».

А есть другая позиция, с которой периодически приходится сталкиваться. У нас в Питере и Москве есть свои операторы, которым мы платим зарплату. И иногда бывает следующая ситуация. Звонишь в какой-нибудь московский храм, чтобы договориться о разрешении на съемку, а там отвечают: «Нет, храм – это очень интимное место, для уединенной молитвы, нам здесь камеры не нужны». А ведь мы работаем с благословения Владыки, а теперь уже и Святейшего Патриарха! Видимо, с точки зрения

некоторых батюшек Святейший Патриарх или Владыка Викентий неправильно воспринимают храм. Но спорить в таких ситуациях невозможно.

Является ли светская тележурналистика для Вас ориентиром?

Телевизионная журналистика – это на восемьдесят процентов картинка. То есть, успех передачи на восемьдесят процентов зависит от картинки. Причем, человеку интереснее смотреть на всякие гадкие вещи, бандитов, красивую жизнь, убийства, эротику. И светские журналисты на этом нагло спекулируют. Основная проблема светских журналистов состоит в том, что они чрезмерно толерантны, у них сплошные полутона, у них нет черного и белого, все серенькое, все можно оправдать. Они стараются смотреть на жизнь с разных позиций, а своей-то, получается, нет.

И второе – это гордость, которую в современном обществе в человеке воспитывают чуть ли не с пеленок, это раздутое, непомерное «Я». Один я – д'Артаньян. Журналист обсуждает действия депутатов Госдумы. Ведущий, сидя в Екатеринбурге, обсуждает то, что сделал президент России. Его ли уровня такое обсуждение? Что, он бы сделал лучше? Когда на это смотришь, смешно. В этом плане нам со светской журналистикой, конечно, не по пути.

А журналистика церковная – она лишь в стадии становления. Поэтому мы стараемся больше давать святых отцов, больше показывать Литургию, показывать молитвы, потому что это непреходящие вещи. Сложно писать на духовные темы. Сложно, с одной стороны, от недостатка знаний, а с другой – из-за личного духовного уровня. Я думаю, тот же профессор Осипов, работая шеф-редактором, делал бы такие новости, что ого-го-го! Но он, к сожалению, не работает в новостной программе...

Вы часто по долгу службы общаетесь с Владыкой Викентием. Расскажите, какой он человек?

Неземной человек. Помню, я отцу Димитрию однажды задал вопрос: «Вот сказано: «горе тому, кто введет в искушение ближнего своего». Вы мне говорите: «Читай утреннее и вечернее правило». Я начинаю читать утреннее правило, а у меня мама в это время в комнату

заходит, и я ввожу ее в искушение». Он: «Ну-ну. Я тоже иногда к Владыке Викентию захожу, а он молится, зависнув в воздухе – ох, какое у меня искушение!» Вот этим все сказано, какой Владыка человек.

Он все время в движении, хотя ему уже пятьдесят шесть лет. Это еще надо поискать человека, который в пятьдесят шесть лет через три ступеньки перепрыгивает! Да еще и в рясе. А как он передвигается во время Крестного хода! Посмотришь: он от Храма-на-Крови до Ганиной ямы проходит за три часа, а там идти не близко и не просто.

А как он на вопросы в «Архипастыре» отвечает! У него нет никакой отсебятины. Я вообще никогда не слышал, чтобы он что-то говорил от себя. Ведь святые отцы написали, наверное, ответы на все вопросы, которые могут встать перед человеком. И Владыка всегда отвечает по-святоотечески и никогда не говорит: «Вот я считаю...».

Недавно наша съемочная группа была в Ялте, в Крыму, в командировке; мы делали репортаж о Симферопольской епархии. А там накануне побывал Владыка Викентий. Он сопровождал Святейшего Патриарха в поездке на Украину. Местные прихожанки нам рассказывали о том, как их удивил наш Владыка. Он зашел в их воскресную школу, так скажем, образцово-показательную. Эта школа большая, роскошная, с бальными залами, и Владыка зашел ее посмотреть. Рядом с ним не было никого из сопровождающих, он сам нес свои вещи, был даже без клобука. А в Ялте «Союз» показывает, и прихожанки его узнали. Конечно, это очень простой, приветливый человек, очень добрый.

А как он принимает людей в соборном доме на Репина! Он принимает всех, начиная от министров, олигархов, бизнесменов и заканчивая просто бездомными. Бывает, уезжаешь с работы в десять вечера. Думаешь: «Ну, вот, опять поздно поехал». Смотришь, а у Владыки в приемной свет горит. Запись программы «Архипастырь» заканчивается в одиннадцать вечера. Владыка после этого не спать идет, а снова в приемную, где у него еще целая очередь сидит. Я не знаю, он их до трех утра принимает, что ли? А утром в шесть ему на Литургию. И при этом ведь человек доброжелателен и спокоен.

Есть ли у канала какие-то планы, стратегия на будущее? Может быть, выйти на мировое вещание?

Такие задумки есть. Но это, я думаю, вопрос не ко мне. «Союз» живет по одному-единственному закону. Каждый из нас делает то, в том объеме и в таком качестве, что он может делать здесь и сейчас. То есть, грандиозных задач по воцерковлению десятков тысяч жителей Российской Федерации нет. У нас достаточно напряженная работа, каждый делает максимум того, что может. Нет такого, как в светских организациях: один рабочий, пять начальников, и всегда можно кем-то заменить. Тут если кто-то заболевает, сразу все сыплется, и кому-то приходится работать еще и ночью. Поэтому у нас нет времени на какое-то проектерство.

Что Вы читаете?

Из духовной литературы последнее, что читал – святителя Игнатия (Брянчанинова). А по большому счету мне на работе настолько хватает духовного чтения, что дома я читаю Есенина. Многие его стихи знаю уже наизусть. Просто созвучен. Интересно, что в советские времена из Есенина сделали певца уголовников, а на самом деле он гораздо глубже. Ну и очень трагичная судьба.

Как Вы проводите выходные?

По-разному. Частенько со своими друзьями. Так получилось, что мои одноклассники стали моими одногруппниками по академии. То есть, мы знакомы уже очень давно (десять лет в школе, пять лет в институте и два года после института – семнадцать лет). И мы всей честной компанией обычно ездим на дачу, купаемся, ходим в баню.

Пожелайте что-нибудь нашему журналу.

Я вам пожелаю, чтобы у вас искорка в глазах никогда не пропадала, и чтобы вы в сложные моменты всегда находили источник для своих сил, и чтобы ваши глаза всегда сияли – тогда все будет хорошо. А вода камень точит, капелька по капельке. Можно перефразировать слова Владыки: «Пока вы печтаетесь, не все так плохо». И есть на что надеяться.

Беседовала Елена Макеева

Редактор и ведущая программы
«Новости ТК СОЮЗ» Наталья Козынцева:

«Наши новости – пицца для души»

Всегда хочется знать, что происходит вокруг и почему, поэтому «Новости», тем более телевизионные, попадают в круг интересов любого человека. Благодаря программе новостей мы, зрители, не выходя из дома, можем оказаться на месте события и практически ощутить те же эмоции, что чувствует корреспондент, находящийся порой за сотни и тысячи километров. О том, как создаются новости и подбираются темы для сюжетов, чем православные новости отличаются от светских, какие особенности встречаются в работе журналистов, рассказывает редактор и ведущая программы «Новости телекомпании «Союз», старейший – но, конечно, не в смысле возраста! – сотрудник медиа-холдинга Екатеринбургской епархии Наталья Козынцева.

Наталья, расскажите, как Вы попали на телеканал «Союз»?

Я работала в издательском отделе епархии, где выполняла сразу несколько обязанностей: была дизайнером, редактором просветительской газеты «Голос Православия» и секретарем издательского отдела. И когда появился «Союз», мы с телевизионщиками долгое время ютились в одном помещении. Конечно, я со стороны видела, как происходит весь процесс создания «Новостей» и других передач, появившихся на канале. Одно время у нас был недостаток кадрового ресурса, и я, продолжая работать в издательском отделе, вела прямые эфиры в качестве диктора. Тогда думала, что это временно, но так получилось, что весной 2007 года я окончательно перешла работать на телеканал, став шеф-редактором программы новостей и одновременно журналистом.

Вы сказали, что думали о работе в «Новостях» как о чем-то временном. Не жалеете, что все так затянулось, не хотелось бы попробовать себя в чем-нибудь еще?

Наверное, Бог приводит человека работать в Церковь на любое поприще. Человек сначала может даже не понимать, зачем он здесь и чем это для него закончится. Еще во время учебы в университете я пришла помочь о. Димитрию (Байбакову): ему был необходим секретарь в издательский отдел, который бы занимался рассылкой печатной продукции по другим епархиям.

Я заканчивала учебу, и какого-то конкретного желания, куда идти после университета,

не появилось. Но было понятно, что в Церкви всегда найдется полезное дело. Я выполняла какие-то простые обязанности, которые не требовали высшего образования. Потом стала дизайнером – это было совершенно новое для меня дело, о котором я не думала до этого. Поприща были разные, и всегда это было интересно, была возможность для творческого подхода. Ну, а кроме того, я всегда понимала, что работа должна приносить пользу людям.

Когда занимаешься выпуском «Новостей», часто погружен в работу с головой, ведь нужно все делать очень быстро: новости не должны устаревать. И когда кто-нибудь звонит и говорит большое спасибо за то, что мы что-то хорошо и интересно сделали, тогда понимаешь, что люди смотрят «Новости», что им это действительно нужно. И тогда становится особенно интересно этим заниматься. Я всем желаю, чтобы работа нравилась и приносила пользу.

Как создаются православные новости? Ведь епархий по стране много, а вы находитесь в Екатеринбурге.

«Новости» – результат общих трудов. Здесь важно все: начиная с того, насколько качественно снял событие оператор, заканчивая стилем написанного для сюжета текста. Сейчас к созданию программы прилагают усилия не только журналисты нашего коллектива, но и люди из других епархий.

В нашем журналистском коллективе есть разделение по направлениям. Например, я пишу сюжеты из Москвы, о деятельности Патриарха. Кроме того, занимаюсь подготовкой

новостей из других епархий – Сыктывкарской, Воронежской и др. Надо заметить, что в Москве, Санкт-Петербурге есть операторы, которые состоят в штате «Союза», но знакомы мы с ними только по их работам – видеоматериалам. Из других епархий нам присылают готовые сюжеты либо отснятые видеоматериалы, для которых мы уже сами пишем тексты. Также наши журналисты готовят местные новости, освещают служение владыки Викентия, приходящие события епархиального масштаба.

Часто бывает, что у корреспондента нет возможности присутствовать на съемках, тогда оператор, выезжая на событие, берет заранее подготовленные вопросы и задает их сам в качестве журналиста. Важную функцию выполняют координаторы, которые созваниваются с епархиями, узнают о предстоящих мероприятиях, которые могут быть интересными и договариваются об организации съемок.

В «Новостях» мы стремимся отражать православную жизнь практически всех регионов нашей страны. В основном это сюжеты, связанные с богослужениями, праздниками и мероприятиями церковно-общественного значения. Конечно, это всегда должны быть интересные

и не рядовые события. Например, недавно я делала сюжет про республику Коми. Владыка посетил несколько разрушенных храмов в каких-то небольших селах, где сохранились церкви XVIII-XIX веков, исторические памятники. Когда-то люди на последние копейки строили в своем селе эти храмы. И задача нашего поколения – эти храмы восстановить. Казалось бы, обычная поездка по селам, ничего особенного. Но это интересно, потому что этот частный случай характерен для многих регионов, где люди тянутся к Церкви, хотят наладить свою приходскую жизнь.

Отличается ли понятие «интересная новость» на православном и светском телеканалах?

Наверное, да. Судя по тому, что я, как зритель, вижу на экране – разница есть. Нередко, особенно в новостных программах местного масштаба имеется сильный уклон в сторону «жилищно-коммунальной проблематики». Понятно, что и это сторона нашей жизни, но иногда ощущается перебор сообщений на тему ЖКХ, разного рода происшествий. Мы стараемся, чтобы наши сообщения были не просто

потоком информации, но и смысл имели, для чего мы это рассказываем. Мы стараемся, чтобы наши новости не просто отражали какой-то информационный повод, но и имели нравственную окраску, наталкивали зрителя на какие-то мысли. Если мы рассказываем о праздничном богослужении, нам важно показать, какое непосредственное отношение к современным людям может иметь событие, которое, может быть, произошло две тысячи лет назад. В этом отношении новости могут быть интересны всегда.

У светских новостей, наверное, другой подход и другие приоритеты. В качестве примера приведу недавний сюжет. Прихожане храма во имя свт. Иннокентия Московского однажды услышали в программе «Архипастырь» мнение владыки Викентия о том, что нужно подбирать мелкие монетки, на которых изображен св. Георгий Победоносец. Это был простой призыв: давайте подбирать монетки, чтобы изображение святого не попиралось и не валялось в грязи.

Люди восприняли это правильно, буквально. Некоторые из прихожан собирали эти монетки, их накопилось довольно много. И на свой престольный праздник они подарили владыке своеобразное изделие: копьё, как у святого Георгия, отделанное подобранными монетками. Смысл этого деяния был ясен: не-

обходимо дорожить святыней и почитать изображения святых, пусть даже и изображенных на монетках. И в этом поступке был своего рода пример всем нам. Но в светских новостях это все отошло на второй план, на некоторых каналах этот смысл вообще не прозвучал. Их в большей мере заинтересовала сама по себе телевизионная «картинка»: вот люди дарят необычное копьё. А «мораль сей басни» как бы осталась за кадром. Так журналисты могут подчеркнуть или завуалировать, сделать неясным для зрителя смысл события.

Часто в «Новостях» появляются сюжеты о кружках, деятельности какой-нибудь воскресной школы? Это важные новости?

Новость эта может быть важной, может быть интересно подана. Конечно, и в воскресной школе могут быть свои особенности. Например, недавно к нам приезжали из Заречного с предложением снять сюжет о православном образовательном учреждении. Там дети под руководством учителей собираются ездить по району и обустраивать могилки людей, чтимых местным населением, известных благочестивой жизнью, героев войны.

В этом событии есть смысл и есть посыл: это может кого-то побудить к действию. Здесь настоящее патриотическое воспитание: детям не просто знания передают, которые они могут

и позабыть, но им предлагают что-то сделать самим, формируют у них свое личное отношение к тем давно ушедшим людям. Такая деятельность воспитывает в них уважение к истории.

То есть у православных новостей должна быть четкая воспитательная задача?

Да. Это должно быть не просто отражение жизни. Недостаточно сказать: сегодня произошло то-то и то-то. Мы хотим, чтобы зритель не просто владел информацией, но чтобы она что-то изменила в его жизни, вызвала какое-то движение души. И чтобы было не так: посидели, посмотрели, переключили кнопку и – все. Мне кажется, что в идеале все наши материалы должны учить чему-то, мораль должна быть обязательно. Но, конечно, хорошо суметь ее выразить без поучительного тона, без навязывания, чтобы не вызвать отторжения.

Это может быть сюжет достаточно легкий по своему содержанию, по форме, но и там может быть зерно – нравственное, просветительское, воспитательное – которое принесет пользу.

И действительно, иногда мы получаем отзывы наших зрителей на форуме или просто в разговорах: люди говорят, что они случайно переключились на «Союз», увидели какой-то сюжет, и это их «зацепило».

Как Вы думаете, достаточно ли православному человеку новостей телеканала «Союз» или они могут служить дополнением к другому информационному потоку?

Я не считаю, что нужно как-то эти два потока противопоставлять. У нас есть своя специфика: все-таки это новости только православной жизни. Понятно, что зрители могут здесь слово Патриарха услышать, увидеть, как живут православные люди в других регионах, где, может быть, основное население даже и не православное, как например, в Калмыкии. Но нам присылают оттуда сюжеты и видно, что там тоже активная церковная жизнь, им тоже есть, о чем рассказать. И некоторым людям вполне достаточно телеканала «Союз» – они узнают здесь все, что им нужно. Светские новости для них вообще мало что значат. Однако мы же не освещаем события политической, экономической жизни страны, других сфер. А в курсе этих событий тоже нужно быть, как мне кажется.

Есть и другой смысл в вопросе о достаточности канала: достаточно ли наших передач, чтобы чувствовать себя православным? Если человек молится во время нашей передачи утреннего и вечернего правила, смотрит трансляцию воскресной службы, достаточно ли этого для его православной жизни? Конечно, нет! Надо не за прямой трансляцией богослужения

следить, а идти в храм. Вообще все наши передачи имеют миссионерскую направленность. Зрители смотрят наши передачи и улавливают главное: надо воцерковляться, приобщаться к церковной жизни. В этом смысле все наши труды на телевидении направлены на то, чтобы тот человек, который пока от храма далек, все-таки нашел туда свою дорогу.

А на канале работают невоцерковленные люди? Что их сюда приводит? Распространяется ли миссионерство на них?

К нам приходят и специалисты, и студенты. Бывает, что они не воцерковлены, им не хватает церковных знаний, бывает и наоборот: человек хочет работать в Церкви, но ему не хватает навыков, например, журналистской работы. Мы не предъявляем к своим сотрудникам четких требований, чтобы они были православными, исповедовались, причащались. Кто далек от этого, может, и не задержится, но в любом случае опыт какой-то приобретет. С другой стороны, и каналу полезно, если приходит человек со знанием своего дела, особенно если это знание касается технической стороны работы.

За то время, пока мы работаем, у нас сменилось большое количество людей: кто-то уходит, кто-то приходит, заканчивает учебу, уезжает. Это естественный процесс. И для многих время работы на «Союзе» было временем незаметного приобщения к церковной жизни. По крайней мере, были люди, которые сначала ко всему скептически относились. Им приходилось снимать, например, архиерейскую службу, для них это казалось смешным и странным, некоторые вообще в первый раз в храм приходили.

Они не представляли, что в современной жизни все это может присутствовать, что есть люди, которые воспринимают это всерьез и что это потребность их души. Со временем их отношение менялось: сначала ушло ехидство, потом появился интерес, затем сочувствие и понимание. В конце концов, даже переходя на какую-то светскую работу и не позиционируя себя верующими людьми, они говорили, что совершенно точно в каких-то жизненных обстоятельствах будут руководствоваться тем, что они узнали здесь о Церкви, о Боге.

Как Вы взаимодействуете с коллегами из других СМИ, как происходит обмен опытом?

Что-то перенимаем у светских новостей, что-то – у наших православных коллег, например, из Нижнего Новгорода, где есть своя теле-студия. Сейчас церковные средства массовой информации активно развиваются, наверное, нет такой епархии, где не выпускают хотя бы печатных изданий. В прошлом году в Москве в храме Христа Спасителя состоялась первая встреча руководителей, журналистов православных средств массовой информации, где мы обменивались опытом. Кроме того, у нас есть сотрудники, имеющие большой стаж работы на телевидении. Они, конечно, помогают молодежи в профессиональном плане.

Наталья, расскажите, какими бы Вы хотели видеть «Новости»?

У меня нет конкретного списка пожеланий. Когда начали работать, никто не знал, что получится телеканал такого уровня. Мне было бы странно, если бы мне тогда сказали, что за пять лет у нас будет то, что есть сейчас. Сначала у нас было пятнадцать минут эфирного времени в день – это 2-3 сюжета в программе. Но тогда это был огромный шаг вперед.

Потом последовали другие шаги, которые где-то даже наощупь делались – мы пробовали что-то новое, желая улучшить программу. Новшества, которые нас устраивали – прижились, что-то отсеялось. Загадывать что-то определенное... я не знаю, мне сложно. Мы в постоянном поиске: так сейчас у нас первые пробы работы двух дикторов в студии во время вечерних прямых эфиров. Понятно, что оформление студии хотелось бы улучшить – но это вопрос финансовый, сложный.

Определенно могу сказать лишь то, что касается непосредственно нас, сотрудников – обязательно надо профессионально расти, творчески подходить к работе – журналистам, операторам, дикторам. Будем работать, развиваться дальше, а что получится – покажет время.

*Беседовала
Наталья Евстюгина*

Автор и ведущая программы «Уроки Православия» Ольга Баталова: **«Вся сила – Божия, вся немощь – наша»**

Ольга Валентиновна, первый вопрос насколько традиционный и даже банальный, настолько же и важный: как Вы пришли к вере?

Пришла тем путем, который описан в Евангелии, который очень красиво переложил в стихах иеромонах Роман:

Одно из мест Евангельского чтения
 Волнует сердце скорбью без конца.
 ...Юнейший сын, взяв долю от имения,
 Пошел далече от Любви Отца.
 И, окунаясь в блудные стремнины,
 Познал впервые мрак голодных дней.
 И прилепился к жителю чужбины,
 И тот его послал пасти свиней.

... ..

Я жрал рожцы мечтаний и деяний,
 И был рабом у общего врага.
 Изведал горе горькое скитаний,
 И не дерзаю пасть к Твоим ногам.
 И, все-таки, когда приду с Надеждой,
 Убогости моей не отвратись.
 Я обойдусь без дорогой одежды -
 Мне без Тебя уже не обойтись.

Вот вкратце – такой путь. Он же проиллюстрирован заставкой на рабочем столе компьютера – картиной «Возвращение блудного сына». Я иду этим путем. Не думаю, что я оставила все свои рожцы, все свои скитания и блуждания – конечно, нет. Иногда их обнаруживаешь в такой красивой обертке, в какой даже и не подумал бы, что может быть упакована «свинская еда». Но, когда разворачиваешь, то понимаешь: все еще на чужой стороне, все еще далече от любви Отца, и надо к Нему возвращаться. И вот в дороге, по пути попало телевидение.

А еще раньше по пути попался епархиальный Отдел культуры?

Да, а перед ним – епархиальный реабилитационный центр для наркозависимых, где я работала психологом.

И все же, если конкретизировать, когда и как состоялся Ваш приход в Церковь?

Это был 1999 год. Я работала медицинским психологом в наркологии в г. Каменске-Уральском. Для специализации меня направили в Екатеринбург, в Медакадемию. Руководителем кафедры медицинской психологии был Сергей Евгеньевич Вогулкин. В Горздраве предупредили, что Вогулкин принял сан, стал

священником. А я в то время уже развернулась в сторону Церкви. Всеобщая беда, связанная с наркоманией и тупиковость этой проблемы заставляли крутить головой по сторонам в поисках выхода.

И оказалось, что выход есть. Оказалось, что наркотики и алкоголь оставляются, и проблемы разрешаются, когда человек перестает жрать рожцы. Когда он ухватывается за ризу Христову и начинает вопить: «Господи, помоги!». И так получилось, что на специализации Сергей Евгеньевич, читая нам лекции и отвечая на наши вопросы о вере, сказал: «Чтобы понять, что это такое, попоститесь». Как раз начался Великий Пост. Для меня он прошел под руководством Сергея Евгеньевича – отца Сергия. Так появилось желание двигаться дальше в этом направлении. И я подумала, что храм Целителя Пантелеимона – самое подходящее место, он как раз по моему профилю. И, когда я прилепилась к этому храму, отец Евгений Попиченко познакомил меня с Ингой Владиленовной Корольковой, руководителем реабилитационного центра для наркозависимых. 3 июня 2000 года я вышла на работу в этот центр.

А два года спустя я оказалась в Отделе культуры – надо было готовить фестиваль «Царские дни». Для того, чтобы сегодняшней домик моей души или хотя бы стенка в этом домике были построены, кирпичики складывались все эти годы. И очень многое в основание было заложено именно в Отделе культуры, потому что основной для нас была тема фестиваля «Царские дни» – тема Царской Семьи.

Первый фестиваль разнес нас - его устроителей, в ключья, потому что мы пришли прикоснуться к святой теме каждый со своими рожцами – тут-то и обнажились все наши страсти, все наши амбиции. Это было очень показательно. Сразу после фестиваля я поняла, что никуда не попала – ни на Крестный ход, ни на богослужение, что мы только фестивалили, организовывали внешнее, и добрых плодов от этого никаких нет. Хотя и горькие плоды тоже были поучительными. Целебным лекарством стало тогда паломничество на Ганину Яму и затем, совершенно для меня неожиданно – в Дивеево, к батюшке Серафиму. И страх появился, и ответственность, и внимание. И стало понятно, что можно делать самые разные внешние культурные проекты, но если при этом ты внутренние проекты по изменению своей души будешь

оставлять, все будет заканчиваться крахом. И только как последняя реанимационная мера – походы на Ганину Яму и в Дивеево. Но нельзя же все время в реанимации жить.

Эта испытанная однажды испуганность очень помогла сверчку знать свой шесток и устроиться на нем попрочнее. Вспомнились стихи Маяковского, которые мы учили в школе: «Ничего я не умею, воробей меня умнее». Отец Андрей Канев, в то время руководитель Отдела культуры и мой духовный наставник, услышав эти стихи, сказал: «Это самое правильное христианское состояние».

И вот в этом воробьином состоянии мы стали продвигать уже не межпланетные турниры «Царские дни», а потихонечку что могли, то и делали. И, как только хватало мужества признаться в немощи, так сразу Господь все устраивал. Как только ты становился мощным, все расстраивалось. И отец Андрей, руководивший не столько культурными проектами, сколько нашим духовным состоянием, в таких случаях говорил: «Господь захочет – будет, не захочет – не будет. Мы можем только молиться и идти, выверяя свои шаги: чего хочет Бог, чего не хочет. Все могущество – Его, вся немощь – наша».

Когда ты эту мысль усвоил опытно и пытаешься изложить человеку, воспитанному в мире светской жизни, он зачастую реагирует: «Так что ж теперь, руки сложить и ждать, что Господь начнет что-то делать?» Конечно, нет – там, где бездействие, никакого движения не будет. Но твои движения должны выверяться и направляться в наилучшую сторону. А наилучшая – какая? Чтобы у тебя была возможность увидеть себя и покаяться. И двигаться дальше.

Ольга Валентиновна, соприкосновение с темой Царской Семьи не могло пройти бесследно. Поделитесь, пожалуйста...

С годами стало осознаваться собственное счастье, и счастье всех уральцев. Рядом с какой святыней мы живем! К этой Семье можно приходить, припадать – в скорби, в радости. Смотришь ли на материнский подвиг Александры Феодоровны – вот у кого учиться материнству. Смотришь ли на нее как на супругу Государя – вот у кого учиться супружеству. То же самое про Николая Александровича можно сказать. А фотографии их! Как часто люди говорят о том, что смотрят на эти снимки и глаз отвести не могут. Невозможно насмотреться на всю эту красоту,

будь то фотографии, документальные съемки, письма, дневники. Я их потихонечку полюбила, познакомилась.

И встречи были – ну, вот одну такую расскажу, невероятную. Очередной фестиваль «Царские дни». Передо мной стоит задача привезти со склада книги – подарки для участников фестиваля. А привезти их не на чем. Я сидела за столом, а передо мной была икона святых Царственных Страстотерпцев, и я обратилась сугубо к Ольге Николаевне. Наверное, потому, что мы носим одно имя, у нас одна небесная покровительница, и таким образом наши узы чуть-чуть потеснее с ней, чем со всеми остальными. Я попросила: «Ольга Николаевна, миленькая, помоги! Ты видишь – мне подарки надо привезти, а я не могу».

И стала обзванивать всех, кого могла. В том числе позвонила режиссеру Наталье Витальевне Мильченко. В тот год к Царским дням она готовила глубокий, пронзительный спектакль о Царственных Страстотерпцах «Чаша скорби, чаша милости». Через 5 минут Наталья Витальевна мне перезвонила и сказала: «Сейчас к вам приедет Марина – та, что Ольгу Николаевну играет – и привезет книги». Я зашла в кабинет отца Андрея и сказала: «Сейчас Ольга Николаевна привезет нам книги». Отец Андрей посмотрел на меня настороженно – не уработалась ли я. Когда мы ехали с Мариной в епархию, я, конечно, понимала, что со мной едет актриса Марина Савинова, но дружеская рука Великой Княжны, протянутая в трудную минуту, ощущалась – крепчайшая рука, хотя и девичья.

И первый в моей жизни сценарий празднования Царских дней, написанный для ТЮЗа, сложился также с этой чудесной помощью. Поначалу даже приступить к его написанию было и страшно, и трудно, и, казалось бы, невозможно, но потом все вдруг сложилось, все выстроилось. Все последующие сценарии, теперь уже телевизионных программ, тоже пишутся только с помощью – с помощью Божией, с помощью тех святых, которые в них упоминаются.

Теперь самое время спросить о том, как Вы попали на телевидение.

Работая в Отделе культуры, мне приходилось периодически давать интервью телеканалу «Союз» – тогда еще православной телестудии, – анонсируя наши проекты, рассказывая о каких-то акциях, концертах, выставках. Тогда

же отец Димитрий предложил мне поучаствовать в программе «Человек веры». Дважды я отказывалась. И тогда батюшка сказал, что это, на самом деле, повод рассказать не обо мне, а об Отделе культуры. Ну а об Отделе культуры хотелось рассказать, особенно в свете Царских дней.

В процессе съемок «Человека веры» произошел следующий эпизод. В Отдел культуры приехала автор программы, Валентина Федоровна Ефремова, вместе с оператором. И я стала рассказывать им о книгах, которые незадолго перед их прибытием нам привезли. Я говорила, какие это замечательные книги, и делала это, что называется, «с выразью». В результате, вернувшись на студию, они «сдали» меня отцу Димитрию. Рассказали, что Ольга Валентиновна с увлечением пела песни про свою – отдельскую книжную полку, и эти же песни можно петь на телевидении. Так я попала к отцу Димитрию в кабинет, бывший одновременно и студией. В результате чего пять лет я провела «У книжной полки». В середине марта 2004 года на меня «Полку» поставили, а в середине марта 2009 года ее с моих плеч сняли.

Как человек, принявший «Полку» на свои плечи, не могу не спросить о том, как она делалась изначально.

Сначала «Полка» шла полутораминутным блоком в программе «Православное утро». Эта передача выходила то на АТН, то на 4 канале. Позже, когда канал стал круглосуточным, о.Димитрий решил реформировать «Православное утро», и оно расширилось до размера суток: из этой программы вышли новостийный блок, песнопения для души, «Уроки Православия», «У книжной полки». И, как показывает опыт, те или иные ниши эти программы заняли, все они оказались востребованными телезрителями.

Программа «У книжной полки» стала десятиминутной. Пользу она мне принесла необыкновенную. Моя психологическая практика сформировала определенный язык, определенный стиль общения – напомним, что общалась я в основном с алкоголиками и наркоманами, то есть с людьми зависимыми, в том числе от сильного и даже убийственного действия страсти, что не могло не накладывать отпечаток на речь, на общение. И сегодня я могу свидетельствовать о том потрясающем и очищающем действии,

какое оказала на меня эта программа: хорошее слово, правильная речь, слово освященное, слово, сказанное святыми – все это очищало и ум и чувства. Можно сказать, что «Книжная полка» была прачечной моих мыслей. Именно здесь я училась говорить о событиях и явлениях, связанных с жизнью Церкви, с духовной жизнью человека.

И я очень благодарна этой программе! Хотя не меньше благодарна и за то, что «Полку» сняли с моих плеч. Ноша должна быть посильна. Когда сил стало меньше, меня от нее освободили.

Ольга Валентиновна, еще одна Ваша программа, «Уроки Православия», раньше была «Часом Православия». Я помню один из давних выпусков, когда у программы была другая ведущая. Лекцию отца Андрея Кураева она периодически перебивала, появляясь на экране и буквально пересказывая то, что он только что сказал. Очень это раздражало, помнится...

У меня тоже были такие выпуски. А происходило это потому, что во время записи лекции или беседы оператор был вынужден менять кассеты, и эти дырки в тексте приходилось закрывать собой, приходилось ставить такие заплатки, чтобы не нарушалась логика повествования. Отцу Димитрию звонили зрители и говорили: «Пусть эта тетенька поменьше вмешивается в слова отца Андрея Кураева! Она-то нам зачем?» А я бы и рада была «не высовываться», да телевидение – штука такая, что, делая добро, приходится вызывать огонь на себя.

Самым первым ведущим «Часа Православия» изначально был сам о. Димитрий, потом ведущий сменился. И, если программу «У книжной полки» я в течение двух лет совмещала с работой в Отделе культуры, то «Час Православия» стала вести, лишь полностью перейдя работать на телеканал. Этот переход произошел в мае 2006 года. Я очень благодарна отцу Димитрию за то, что он дал мне время, чтобы научиться. Я писала сценарии программ в стол, они должны были накопиться, потому что сразу к эфиру была не готова. Но, лишь только батюшка принял решение, что пора, как тут же весь мой запас исчез, и начался режим постоянного кормления эфира.

Это сродни тому, как многодетная мама трудится на кухне (знаю это по себе): только при-

готовила – дети все съели, только снова приготовила – они опять все съели. И так без конца. И хотя все это готовится с любовью, с желанием накормить и вкусным, и полезным, усталости и перегрузок не избежать!

«Час Православия» создавался в поиске. С одной стороны, в епархии проводилось много конференций, форумов, чтений – все это требовало освещения. В 2006 году Екатеринбургская епархия буквально звенела от напряжения, организовывая все эти мероприятия. И они давали обильную пищу для программы.

В какой-то момент я услышала: «Какая скукотень – все эти лекции, доклады». И когда я с этим вопросом подошла к о. Димитрию, он помог мне увидеть ситуацию иначе: где бы еще люди смогли услышать, как говорят верующие генералы, верующие писатели, верующие врачи, верующие политики, верующие учителя! А здесь – уникальная возможность получить пищу для ума, для души. Да, по форме это все не поет, не пляшет, руками не машет, фейерверки не крутятся, дым по сцене не стелется, но при этом говорится СЛОВО.

И стоит вслушаться и вдуматься в его содержание и через слово погрузиться в новые знания. Конечно, сейчас утрачен навык слушания и слышания. Телеканалы дают информацию, которая будит работу мысли, очень дозировано. И какое счастье, что мы можем себе позволить давать людям настоящее СЛОВО. И, судя по откликам, у нас есть аудитория, которая умеет слушать и слышать.

Было желание наполнить «Час Православия» и какими-то явлениями, событиями в жизни Церкви, помимо конференций. Рассказать, например, о социальном служении, о делах милосердия. Через эту призму можно было глубоко и прицельно взглянуть на души: что с людьми происходит, почему они стали бомжами? А почему мы отворачиваемся от них? Перед онкологическими больными их родные и близкие закрывают двери, а хосписная служба приходит и помогает совершенно незнакомым людям. Но ведь только глазами веры можно видеть разлагающуюся плоть – и не ужасаться, а помогать, и сострадать. Поводов для таких разговоров было много.

Я все боюсь, что они когда-нибудь иссякнут, но утешаю себя тем, что только по нашей невнимательности темы для программ якобы закончатся.

А каким образом «Час Православия» перешел в «Уроки»?

Канал рос, развивался, и тяжеловесные часовые программы, надолго заполняющие эфир, оказались стратегически неверными. И отец Димитрий перевел меня в режим получасовок. Лекции были выделены в отдельную программу. А из «Часа Православия» получились «Уроки Православия». Найти название помог отец Андрей Канев. Став моим наставником еще в Отделе культуры, батюшка не бросил меня и на телевидении и помогает духовно «оформлять» содержание «Уроков». Он же подсказал и музыкальную заставку к передаче: «Се, Жених грядет в полуночи. И блажен раб, его же обрящет бдяща» То есть не спать, учиться, чтобы не проспать вот эту встречу с верой, с Богом. А видеоряд для заставки помогли создать сестры Ново-Тихвинского монастыря. Мы сняли в иконописной мастерской кадры, как тщательно, как бережно выписывается Лик Христа – Божественного Учителя, к встрече с Которым мы и готовимся на «Уроках».

Учитель – слово евангельское, так обращались к Спасителю ученики. И раз есть Учитель и есть ученики, то должны быть и уроки. И вот только в таком евангельском понимании эти уроки пытаюсь строить – с Божией помощью, с помощью отца Андрея, с помощью нечастого, но очень точного руководства отца Димитрия. Если он видит, что есть хорошая тема, которую я не замечаю, он обязательно ее подаст. Так получилась, например, передача с Петром Мамоновым. Я даже не знала о том, что Виталий Савкин будет записывать его в Москве, и не предполагала, что такое золото и бриллианты могут оказаться у меня в руках. Но оказались – и я очень порадовалась и за себя, и за зрителей.

Или, например, знакомство с Василием Ирзабековым. В Храме-на-Крови снимали его лекции, из этих записей я делала «Часы Православия». И, поскольку это очень интересный человек, и он много дал и зрителям, и мне самой, я написала ему письмо по электронной почте. У нас завязалась переписка. И когда нынче летом я поехала в отпуск, мы договорились о том, что в Москве запишем Василия Давыдовича для «Уроков Православия». Он сам предложил тему «О святости».

Наглядным – или, как шутят школьные учителя, ненаглядным – пособием в «Уроках» может стать и Реабилитационный центр для без-

домных, и матушка Фекла, много лет собирающая на городской площади пожертвования для монастыря в Алапаевске, и батюшка, у которого наболела какая-то тема, и он готов об этом рассказать... И если кто-то увидит в жизни какой-то замечательный урок и захочет им поделиться или прийти и приготовить его вместе с нами – с удовольствием примем. Знаете, как говорят в иных передачах: «Каждый может стать участником нашей программы». Грустно участвовать в создании программы «Криминальные хроники», но в «Уроках Православия» может участвовать, действительно, каждый, приглашаю всех.

Еще одна – очень, по-моему, дорогая Вам и по достоинству оцененная зрителями программа – «Ветхий Завет» с Константином Владиленовичем Корепановым.

«Ветхий Завет» – это еще один урок, просто другой учитель и другая подача материала. Как рождаются программы, я не знаю. Об этом знает Господь. Если Богу угодно, все получится. Если нет – хоть устарайся, ничего не выйдет. У нас на ТВ наступают такие моменты, когда мы почти шепотом произносим: все устраивает Главный Редактор, и при этом понимаем, что каждое слово пишется с большой буквы. Но, когда говорим об этом несведущим людям, они начинают уточнять имя этого Редактора: «Отец Димитрий?». (А отец Димитрий и сам боится и очень чтит нашего Главного Редактора и Главного Режиссера.) Вот, видимо, и на «Ветхий Завет» была Редакторская заявка.

Константин Владиленович Корепанов вел миссионерско-просветительские курсы в Храме-на-Крови. Об этом я была наслышана и, побывав однажды на его лекции, пригласила прочитать все то же самое на телевидении. «Ветхий Завет» вышел Великим постом. И, когда мы все записали, оформили, посмотрели, послушали отзывы, то поняли, что будем продолжать дальше. Этим летом мы сделали программы по ветхозаветным историческим книгам, а в ближайшем будущем нас ждет знакомство с книгами пророков.

Каждому из нас на протяжении жизни Господь дает какие-то уроки, обучая нас через трудности, которые мы должны преодолевать, или показывая нам пример других людей. Хотелось бы развить эту тему в нашем разговоре.

Я расскажу вам еще один детский стишок:

Оказывается, оказывается,
Солнце не сразу показывается.
А высунет маленький краешек
И осветит маленький камушек,
А потом большую гору.
Только мы спим в эту пору.

Вот если не спать и маленький краешек увидеть, то такими небольшими моментами, которые высвечиваются по ходу работы, картинка раскрашивается, дополняется, становится более понятной. Отсюда складываются уроки.

Когда я впервые заглянула на телевидение, еще будучи сотрудником Отдела культуры, то телестудия располагалась в маленькой каморке. Меня поразило то, что в этой каморке, где теснилась масса людей, где в три этажа стояли компьютеры и монтажные установки, где люди сидели друг на друге, – всегда стояла у порога обувь. Потому что отец Дмитрий как доктор следил за элементарной гигиеной. Иначе люди, приносящие в это маленькое пространство грязь на своих башмаках, этой грязью бы и дышали. И начало «телевизионного» порядка я увидела в ровных рядах сменки, как в детском садике. Это было очень ярким критерием порядка, без которого никакие дела не делаются.

Когда я пришла работать на «Книжную полку», студией был кабинет отца Дмитрия. Телесуфлеров у нас не было, все тексты учились на память, по рукописным листочкам, и запись занимала много времени. И замечу, что на записи второй или третьей книжки я почувствовала себя курицей-гриль. Потому что тогда для освящения использовались лампы накаливания, софиты нагревались со страшной силой, и буквально через полчаса после того, как вся эта техника включалась, из нас можно было делать жаркое. В том числе и из батюшки, который в это время работал за столом и все это терпел и, что называется, «жарился за компанию».

Позже, когда телестудия оформилась в телеканал «Союз», потребовалось больше декораций для большего количества передач. И тогда я получила еще один очень мощный, глубокий урок – как «дела делаются»: какими качествами и поступками людей. Вы, наверное, помните аттракцион «гонки по вертикали», когда мотоцикл ездит по стене.

Примерно такие же гонки происходили в кабинете отца Дмитрия. Кабинет разгородили полукруглой стеной, и у каждого ее сегмента

писалась какая-то программа. Все это заняло большую часть помещения, а по другую сторону «аттракциона» остались только углы. И в одном из этих углов находилось рабочее место руководителя медиа-холдинга – игумена Дмитрия (Байбакова). В той «каморке» не было ничего кроме стола, компьютера, телефона и темноты, а еще там ютился руководитель – сидел там совершенно смиренно и работал. Это «сидение» было не демонстрацией смирения, но оно воочию показывало: без таких уступок, без таких жертв и самоограничений, без самоуменьшения, смирения и терпения дела не делаются, по крайней мере, те дела, от которых ждут добрых плодов.

Второе мое наблюдение связано с Еленой Владимировной Костиной. Еще работая в отделе культуры, для того, чтобы успевать готовить полку, я приходила на телеканал к 8-ми утра. И всегда на рабочем месте в это время была еще одна сотрудница, руководитель программы «Наследие». Мы очень ценили это раннее время, и убеждались, что, если не спать в эту пору, то увидишь большую гору. Прошло почти 4 года, как я постоянно работаю на «Союзе».

И каждый раз, приходя на работу рано – не от рвения, а просто решая все транспортные проблемы, добираясь с мужем на машине из пригорода, я также застаю свет в кабинете Елены Владимировны, теперь уже директора телеканала. Нет у нее никакого предписания придти так рано. Но она это делает, потому что так надо для дела, так для него полезнее! Это вовсе не революционные порывы, за которыми должны были бы следовать призывы ко всем остальным: «Делай, как я! Вперед! На баррикады!». Нет, это другое.

И хотя внешне такая самоотдача делу напоминает где-то Павку Корчагина, но та идея, ради которой все делается, не позволяет захлебнуться людям в революционной горячке, или как говорят святые отцы, в ревности не по разуму. Все эти «закутки» и «утренники» проходят неприметно, в тишине, но за ними выстраивается целое пространство «Союза». И если мы нечаянно заметили и для своей пользы списали такие уроки у других, то значит, мы все равно эти уроки получили.

*Беседовала
Светлана Ладина*

Виталий Савкин. Увидеть добрый луч.

Любить детей, быть с детьми, понимать их, помогать им, не мешая, могут совсем немногие люди. Виталий Савкин – автор программы «Всем привет» на телеканале «Союз» и редактор детских и юношеских программ на радио «Воскресение» – человек, излучающий удивительные добро и теплоту, наверное, поэтому ему удается любить детей и работать с ними.

Виталий, расскажите, как Вы пришли на православное телевидение?

Мне всегда хотелось работать на телевидении. Я проходил мимо телестудии, в душе возникало необычное чувство – мне хотелось попробовать свои силы. Когда я был совсем маленьким, то играл в радио: забирался в тумбочку, соединял там какие-то провода и вещал. Моя старенькая бабушка очень удивлялась, когда слышала из радиоприемника голос любимого внука. Позже на телевидении моего родного города Заречного я пробовал вести программу для детей. Затем попал на радио «Воскресение», где работал пять лет редактором детских и юношеских программ. Первая передача для детей, которую мы сделали, называлась «Веселые нотки». Это было время проб и экспериментов. Наш первый ведущий, Павлик Лобанов, интересный мальчишка, во время записи передачи часто залезал под стол... ну, и я забирался туда же, когда не видели остальные сотрудники радио, чтобы не смущать их.

На наших глазах создавался православный телеканал «Союз», где теперь я и работаю. Телевидение для меня всегда являлось своеобразной высокой планкой, до которой еще нужно дорасти. И я думал, что вряд ли когда-нибудь смогу работать на профессиональном телевидении, так как у меня только семинарское и музыкальное образование, а журналистского образования нет. Но все-таки в один момент появилась решимость создать программу для детей и подростков. Дело в том, что однажды я увидел на нашем канале программу для детей, которая мне страшно не понравилась. Эта передача меня вдохновила, дала надежду: раз уж такая программа могла оказаться на телеканале, то я смогу сделать что-то лучше. И вот с мая 2009 года была запущена программа «Всем привет!».

А как появилась в Вашей жизни именно детская тема?

Признаюсь, мне самому больше нравится общаться именно с детьми по одной простой причине – дети более искренние, они более чисты сердцем, они говорят, что думают. А взрослые часто говорят одно, подразумевают другое, а мотивы у них третьи. Общаясь с детьми, многим вещам я у них учусь. Пусть

даже ребенок не православный, в его природе заложена какая-то целостность, которая и мне помогает в духовной жизни. Ребенок более радостен, незлобив, открыт, любознателен. В процессе общения я как бы заново открываю в себе какие-то важные духовные качества, которые взрослые подчас потеряли. Очень хорошо запомнились слова священника Александра Ельчанинова, что «детскость утрачивается в жизни и восстанавливается в святости». До святости мне весьма далеко, но дети помогают делать подвижки в нужном направлении. Сказано ведь: «С преподобным преподобным будеши, с мужем неповинным неповинен будеши, со избранным избран будеши, а со строптивым развратишися». Вот поэтому мой круг общения – дети, которые мне помогают, и которым я стараюсь чем-то помочь, найти свое призвание в деле тележурналистики. Ведь в нашей программе работают не только взрослые, но и совсем юные корреспонденты.

Ради чего Вы работаете? Как бы Вы определили цель создания детских телевизионных передач?

У современного православного телевидения есть одна очень серьезная проблема – здесь одно сплошное Православие. Я считаю, что о вере с детьми нужно говорить, но делать это дозировано, чтобы «не перекормить». Ребенку очень многое в мире интересно: это и техника, и мир животных, и приключения. Делая программу для подростков, мы должны быть очень внимательны к тому, что мы даем зрителю. Излишек Православия, думаю, может человека только оттолкнуть. Говорят: «У нас есть множество светских каналов, на которых ребенок найдет для себя передачу и о животных, и о технике. Зачем православному телевидению это?». Но ведь наша задача – удержать зрителя именно на нашем канале, чтобы он не переключался.

Я очень люблю читать святых отцов IV-V веков, так вот в их произведениях слова «литургия», «причастие», «исповедь» и так далее встречаются реже, чем в наших православных СМИ. Может быть я ошибаюсь, но мне иногда кажется, что в некоторых наших православных СМИ жизни не осталось, осталось одно «сухое православие».

А ведь Православие – это не просто религия, это особый взгляд на мир. Поэтому мне очень хотелось бы делать передачи, в которых не говорилось бы напрямую о вере и Церкви, но в которых мы рассказывали бы зрителю о том, что его интересует, исходя из православного миропонимания. Тогда нам, действительно, удалось бы в ненавязчивой форме, без морализаторства донести до ребенка нравственные истины. Мы не должны говорить: «Ребята, вы должны быть верующими, вы должны ходить в храмы, исповедоваться...» – это оттолкнет ребенка. Мы должны показывать на конкретных примерах, как вера оживает в делах.

Например, мы только что вернулись со съемок сюжета о мальчишке, который спас девочку, провалившуюся под лед. Под Артемовским ударили морозы, и водоем затянулся льдом. Девочка попросила у мальчишки из соседнего класса коньки покататься, и лед не выдержал. «Если бы я думал, спасти ее или не спасать, то могло оказаться поздно», – говорит этот мальчишка. Поэтому он тут же бросился в ледяную воду и помог девочке выбраться. «Обращался ли ты к Богу в этот момент?» – «Да, обращался».

И это не единичные истории. Был сюжет о парне, спасшем бабушку из горящего дома; о шестиклассниках, нашедших 45 тысяч рублей и вернувших их ограбленному накануне почтальону; о мальчишках, задержавших преступника. Это интересно и, вместе с тем, поучительно. Поэтому я использую это как прием: на примере таких историй мы рассказываем ребенку, во-первых, что Высшее Начало для нас имеет первостепенное значение, а во-вторых, что мы не просто должны верить в Бога, но и воплощать эту веру в наших делах.

Получается, что я постоянно ищу какие-то интересные события. Правда, не все, что интересно, можно показывать детям. Например, недавно я узнал, что в Екатеринбурге живет женщина, которая воскресла в море. Подросткам-то, думаю, это не страшно, они и не такое видели-слышали. Но как подать это событие, чтобы не испугать маленьких зрителей?

Еще один прием, который мы используем для интересного разговора о вере, это интервью со «звездами». Каждое лето мы уезжаем в творческую командировку в Москву. Мы

встречались с исполнителями главных ролей фильма «Приключения Электроника», братьями близнецами Владимиром и Юрием Торсуевыми, с Дмитрием Иосифовым, исполнителем роли Буратино, с актерами Петром Мамоновым и Михаилом Боярским, композиторами Евгением Крылатовым и Евгением Догой, священником Артемием Владимировым и многими другими. Эти люди привлекают внимание и через них мы тоже можем говорить о духовных, нравственных вещах.

А как Вы готовите детей к встрече со «звездой» и «звезду» к встрече с детьми?

Безусловно, едут не все наши юные корреспонденты, а только те, кто победит в конкурсе на самые незаурядные вопросы. Это для них и стимул, и повод разузнать что-то о человеке. Конечно, прежде чем мы обращаемся к известному человеку с просьбой об интервью, я просматриваю Интернет и ищу, есть ли что-то связанное с Православием в его творчестве.

«Звезды» очень хорошо откликаются на предложение встретиться. Например, нас очень тепло встретил Олег Газманов. У подъезда его ожидали журналисты НТВ, но он сказал: «НТВ подождет». Он свободно и достойно пообщался с детьми, ответил на все их вопросы.

С Михаилом Боярским встреча была неожиданной. Нам не удалось заранее узнать его отношение к вере, не встретилось ни одного высказывания. Поэтому мы начали разговор с музыки, с его отношения к песнопениям, к духовным сочинениям Чайковского, Рахманинова... И разговор перешел к православию. Он высказал очень интересную мысль о том, что в будущем он оставит актерскую деятельность, так как православие и актерство несовместимы. Вот так рискуем, пытаемся, пробуем, и слава Богу, что-то получается.

Были ли на советском телевидении передачи, которые являются для Вас образцовыми? Или которые оставили особенно теплый след в вашей душе, и теперь Вы работаете, как бы памятуя о них?

Мне очень нравилась программа «До 16 и старше», во многом воспоминания о ней и подтолкнули меня придумать программу «Всем привет». Также замечательно теплой и доброй

передачей была «В гостях у сказки». Много было хороших детских фильмов, которые учили добру, отваге, жертвенности, вере в чудо и дружбу.

А что есть сегодня для подростков на светском телевидении? Есть передачи для малышей, есть познавательные-информационные программы для подростков, но совершенно нет программ, в которой бы обсуждались и решались актуальные для подростка нравственные вопросы. Только наша программа на православном телеканале «Союз». Это произошло из-за коммерциализации телевидения. Светские каналы не занимаются детскими программами, так как они считаются малоприбыльными. Но ведь все зависит от того, как сделана программа. Если она интересная и яркая, то найдется и зритель, и прибыль.

Как Вы сотрудничаете с детьми и что самое сложное в этой работе?

Далеко не все журналисты умеют общаться с детьми. Они обращаются к детям как к несмышленышам, заигрывают, «сюсюкаются» с ними. Если посмотреть на обычное интервью с ребенком, то видно, что дети почти не отвечают или отвечают односложно. Журналист задает вопрос, в котором уже есть готовый ответ:

– Скажи, Юлечка, тебе нравится праздник? Да?

– Да, нравится...

– А как ты относишься к тому, чтобы съездить в паломническую поездку? Это ведь здорово?

– Здорово...

Когда мне нужно поговорить с ребенком, то сначала я стараюсь удалить всех мам-пап или учителей, так как они своим присутствием могут помешать. Только так у ребенка появится возможность сказать то, что он сам думает.

Один из моих принципов работы с детьми – воспринимать их и общаться «на равных». Это позволяет и найти контакт, и задавать им подчас очень серьезные вопросы. Но «на равных» не означает, что я впадаю в ребячество. Дети бывают разными, поэтому приходится за ними очень строго смотреть. Если у ребенка начнет подниматься нос кверху, то мы можем не допустить его к записям, на время отстранить от работы. Потому что гордыня и тщеславие – это очень серьезные страсти, которые могут уловить детскую душу в делании самого хорошего дела. Особенно опасно это для телеведущих.

Но при этом нельзя вставать на эдакую менторскую, назидательную позицию – это убьет живое общение, которое так важно в работе с детьми. Благодаря такому живому общению в процессе подготовки передачи (а мы можем где-то даже и в ляпки сыграть) и появляется та радость, которую мы стремимся передать в наших программах.

Трудно найти ребят, с которыми будет не просто интересно, но с которыми можно делать программу?

Состав наших юных корреспондентов постоянно обновляется, так как они просто вырастают. Мы объявляем кастинг. Тогда мамы и бабушки начинают к нам приводить детей. Иногда, как только ребенок зашел, по глазам или по поведению сразу видно, что он не способен заниматься журналистикой. Я обращаю внимание на мышление ребенка и на то, как он общается. Например, ребенку предлагается придумать пять вопросов Деду Морозу, президенту или священнику. Если ребенок спрашивает у священника: «Верите ли вы в Бога?» – это интересно. А если он спрашивает: «Батюшка, в каком храме вы служите и сколько вам лет?» – это не интересно. Интересно, что с этим заданием лучше всего справляются мальчишки.

Девчонки более осторожные, правильные... Вот, например, даем мы ребенку в руки сотовый телефон: девчонка будет его долго рассматривать, а мальчишка его откроет, вытащит батарейку или посмотрит, что находится внутри. Эти мальчишечьи черты очень важны в журналистике. Мальчишки не боятся спросить и видят, подчас, суть явления и в вопросе выражают ее. Может быть, именно по причине разности подходов мальчишки и девчонки к миру девочке гораздо труднее поступить к нам в программу, да и вообще быть журналистом.

То есть Вам нужны в хорошем смысле хулиганы и провокаторы?

Да, но при этом не нужно забывать об этике. Правда, не всегда это у мальчишек получается. Но я всегда им говорю, что есть волшебное слово «Простите». У мальчишек материалы получаются гораздо более интересные, чем у девчонок. Один из «выпускников» нашей

студии – Иван Кевбрин – поступил в этом году на факультет журналистики МГУ.

Бывает так, что на кастинге Вы видите, что ребенок не подходит, а его мама или бабушка очень хотят его устроить, сильно переживают за него? А на самом деле это они хотели бы быть «юными» журналистами...

Да, такое часто бывает. Тогда я говорю: «Если бы Вы были сейчас ребенком, то я бы Вас взял».

Мамы и бабушки, наверное, сами бы хотели обратно в детство, в интересную и яркую жизнь. Не было ли у Вас задумки привлечь какую-нибудь талантливую, интересную, активную бабушку, чтобы она тоже делала детскую программу?

Может быть, это вариант. Мы всегда рады, когда наши телезрители так неравнодушно реагируют на программу, предлагают какие-то интересные идеи. Если найдется такая бабусенька (пусть ей будет даже 90 лет), то пусть она составит концепцию своей программы, позвонит нам в редакцию и сделает свою программу для детей. На радио и телевидении сегодня кризис – нам не хватает детей. И мы были бы рады пополнить наш коллектив не только талантливыми ребятами, но и замечательными бабусеньками.

Виталий, обо всем ли можно говорить с детьми? Есть ли темы, которые Вы точно не будете поднимать в детских передачах?

Здесь многое зависит, скорее, не от поднятой темы, а от способа ее подачи. Например, мы готовим сюжет о вреде курения, рассказываем о классах, которые бросили курить, принимая участие в конкурсе. Тут нужно быть очень осторожным, чтобы не подтолкнуть ребенка попробовать то, что в передаче описывается как «плохое», чтобы не сработал «эффект антирекламы»: «Может быть, попробовать то, что запрещено! Чего они там все время говорят «нельзя»? Может быть, это как раз интересно». Ребенок – максималист и, подчас, он хочет делать именно то, что взрослые запрещают.

Одна из проблем современной православной детской субкультуры заключает-

ся в том, что герои, предлагаемые сегодня, очень плоские, предсказуемые и типажные. Если это герой, то он очень положительной, послушный, постник и молитвенник. А если это антигерой, то он грешник, воплощенное зло... И тот, и другой неправдоподобны и не интересны настоящим детям. Какого героя вы хотите предложить зрителям?

Проблема современных православных СМИ – «причесанность» и слащавость материалов. Один владыка замечательно сказал: «Стремитесь к объективности». Думаю, что материалы только тогда будут интересными, когда они будут приближены к реальности (хотя о некоторых моментах стоит умолчать). Журналист, при всей своей избирательности, должен показывать жизнь. В жизни раскрывается такая драматургия, на которой строятся и хорошие фильмы, и хорошие программы. Так и герой должен быть настоящим. Уход в нереальность, в вымышленных героев – бо-

лезнь православной журналистики. У каждого человека есть плюсы и минусы, падения и подъемы, грех и покаяние. В одном случае главным для нас будет – показать путь героя, его стремление к свету, желание покаяния. Например, у Петра Мамонова была жизнь греховная (тут и курение, и наркотики), и, тем не менее, в его словах, в его сердце и уме есть светлый луч. Ефрем Сирийский сказал: «Церковь – это общество кающихся грешников». В другом случае героем станет ребенок, который еще не искалечил себя грехом, в его глазах есть свет, в его сердце есть доброта и кротость, в его душе живет добро... В каком-то смысле он – земной ангел. Вот этот добрый свет и нужно увидеть, сохранить и донести до всех людей.

Помогай Господь!

*Беседовала
Ксения Возглицева*

Автор и ведущая программы «Скорая социальная помощь» Евгения Вахрушева:
**«Не проходите мимо тех,
кому нужна помощь»**

«Когда человек помогает другим, он и сам становится лучше» – эти слова для Евгении Вахрушевой, автора программы «Скорая социальная помощь», что выходит на телеканале «Союз» – не пустой звук. «Скорая социальная помощь» – это программа о людях, которые оказались в сложной жизненной ситуации, один на один со своей болезнью, когда, казалось бы, уже нет надежды на чудо, на то, что вдруг кто-то поможет.

Евгения, расскажите, как Вы попали на телеканал «Союз»?

Я учусь на факультете журналистики УрГУ. После второго курса в числе остальных студентов я искала место для прохождения практики. Так и оказалась на «Союзе». Просто пришла и сказала: «Здравствуйте, я давно пишу для различных изданий, в ТВ-журналистике ничего не умею, но очень, очень хочу научиться. Возьмите, попробуйте?». Это было полтора года назад. Именно столько я здесь и работаю. Начинала с новостей, потом перешла на авторскую программу «Скорая социальная помощь». Это еженедельная «пятнадцатиминутка», в которой мы рассказываем о людях, попавших в сложные социальные ситуации. Это и дети, и взрослые-инвалиды, и многодетные семьи, и матери-одиночки... Список можно продолжать очень долго.

Как Вы готовитесь к съемкам?

Вопросы для интервью готовить заранее практически бесполезно, потому что я никогда не знаю, в какую семью приеду. У меня есть, к примеру, данные о том, кем работают родители, чем болен их ребенок и чем ему можно помочь... и все. При этом я не знаю, какие это люди, как они относятся к своей ситуации, насколько они воцерковлены. Я, конечно, стараюсь заранее искать какую-то информацию, потому что все равно нужно иметь представление о людях перед встречей с ними. Но в основном структура будущей программы рождается уже во время реального общения.

Кто становится героем программы? Как люди попадают к Вам?

Мы снимаем сюжеты не только о екатеринбуржцах, довольно часто ездим по области. Конечно, в столице Урала немало тех, кто мог бы стать героем программы, но в маленьких городах их еще больше. К тому же, там людям на-

много сложнее заработать даже относительно небольшую сумму – заработная плата меньше. Раньше я искала героев, обращаясь в Министерство социальной защиты населения, различные организации инвалидов и так далее. А сейчас уже меня многие знают и часто сами предлагают снять сюжет о том или ином человеке. Часть героев ко мне попадает через Отдел социального служения епархии. Нередко люди сами звонят и просят рассказать о них. Тогда я узнаю об этом человеке подробнее, и мы принимаем решение, будем или нет снимать о нем передачу.

Я стараюсь показывать именно такие случаи, когда люди могут стать примером того, как нужно жить со своими болезнями, с болезнями близких, с трудными обстоятельствами в жизни. Чтобы история героя не ушла в пустоту, и зритель, включив телевизор и посмотрев программу, не забыл тут же увиденное, а провел параллели со своей судьбой, о чем-то задумался, что-то переосмыслил. Это очень важно.

К примеру, прошлой зимой мы показывали историю, когда мужчина без ног, имея жену-инвалида и двух сыновей, ежедневно был вынужден проезжать на инвалидной коляске (!) десятки километров по обочинам дорог, чтобы доехать к своей маме и помочь ей по дому. Чтобы попасть в квартиру, расположенную на втором этаже, он брал в руки коляску (а весит она немало) и ползком поднимался на второй этаж. Таким же способом он ездил и в школу к сыновьям на родительские собрания. Эта история нашла очень большой отклик телезрителей, стала ярким примером: нет у человека ног, но он с этим живет настолько достойно (!), что не каждому здоровому такое под силу.

Евгения, тяжело ли Вам работать с такой проблематикой, возникают ли проблемы в общении с людьми во время съемок?

Когда я только начинала работать над этой

программой, было тяжело. Я увидела очень много человеческих страданий, боли. Особенно страшно, когда болеют дети. Бывало, что и неизлечимо... Но я стараюсь «отключиться» от своих эмоций и сосредоточиться на том, чтобы сделать максимально возможно хорошую программу.

О чем Вы разговариваете с людьми? Только о том, чем они болеют и какая нужна помощь?

Мы много говорим о повседневной жизни героя программы, о том, какие заботы и трудности есть у человека в связи со сложившимися обстоятельствами, о том, как он учился жить со своей болезнью (или с болезнью близкого человека), как изменилось его отношение к миру, к другим людям, к самому себе. Часто люди понимают, что только оказавшись в таких критических ситуациях, они по-настоящему узнают, что такое любовь, вера, надежда. Что только через такое терпение и смирение обретается настоящее счастье. И вот истории о том, как люди живут со своими бедами, учатся принимать их – это, наверно, одна из целей программы.

Действительно ли передача помогает собирать деньги нуждающимся, оказавшимся в сложном положении людям?

Практически каждая программа находит отклик в сердцах нескольких десятков людей. Когда я делала первые выпуски, то даже не ожидала, что будет столько отзывов, такого зрительского неравнодушия. Думала, что если одному человеку в месяц помогут, соберут нужную сумму, значит, не зря все это. А помочь удается практически всем. Очень многие телезрители помогают не только деньгами. Часто бывает, что помимо финансовой помощи нужна моральная поддержка: буквально пара добрых, ласковых слов. И когда после выхода эфира герою программы поступает десять-двадцать звонков, и незнакомые люди искренне желают не отчаиваться, быть сильным... Даже трудно описать словами, насколько это важно.

Постоянно слышишь от героев: «да, я ждал, что будет отзыв от программы, но не ожидал, что он будет такой большой, что столько людей поддержат!». Конечно, у нас очень большая аудитория, телеканал «Союз» вещает на территории всей России, но не все смотрят эту передачу, а

из тех, кто смотрит, далеко не каждый пойдет на почту и перечислит 500 рублей, например. Мне кажется, такая возможность есть практически у каждого, более того, большинство зрителей готовы пожертвовать, но для этого нужно отложить в сторону все свои дела и сходить на почту или в банк, сделать перевод, набрать номер телефона, узнать, дошли ли деньги...

Бывает, что после выхода программы люди оказывают помощь не разово, а постоянно – зрители не забывают героев. Нередко и сами привозят, например, игрушки для детей, или же предлагают чем-то помочь по хозяйству. Часто после выхода программы начинается тесное общение между зрителем и героем. Однажды даже дошло до замужества.

А Вы поддерживаете в дальнейшем связь с героями программы?

Да, конечно, после того, как программа выходит в эфир, мы не забываем героев, а снова приезжаем к ним в гости, чтобы сделать так называемые «минутки благодарности» – маленький сюжет в начале программы. В нем герои прошлых выпусков, которым уже удалось собрать нужную сумму, могут поблагодарить зрителей за помощь. Эти «минутки» очень важны: даже если зритель не видел сюжета о человеке, которому уже помогли, он все равно может своими глазами увидеть, что переводы не пропали даром, а пригодились именно на лечение. Это повышает доверие к программе, да и просто вызывает у людей добрую улыбку.

К тому же случается, что буквально за несколько «послеэфирных» месяцев жизнь наших героев очень сильно меняется. К примеру, мы снимали передачу про восьмилетнего мальчика, больного гидроцефалией. На момент первой съемки Ванечка не ходил, не говорил, одним словом, лежачий ребенок, который почти не понимает мира вокруг... Очень тяжелая была программа. Этой семье помогли десятки зрителей, и на собранные деньги Ванечка с мамой съездили на важную операцию. Через год мы снова приехали снимать передачу про эту семью, так как им опять была необходима помощь. Я ожидала увидеть снова того же лежачего мальчика, но все было иначе: захожу в комнату, а ко мне навстречу шагает (сам!) пухленький мальчуган, берет меня за руку и зовет играть. И это все за год!!! У меня был шок.

А бывает ли так, что герои программы помогают зрителям?

В конце программы, в титрах, среди прочих координат, мы размещаем адрес моей электронной почты. За счет этого у меня есть уникальная возможность постоянного общения со зрителем. В основном в почту поступают просьбы дать координаты для переводов, но бывает такие случаи, когда люди просто делятся впечатлениями от просмотра того или иного сюжета. Одна женщина из Москвы написала, что ее дочь, ученица младшей школы, посмотрела выпуск программы о многодетной семье, живущей в очень стесненных условиях, а после этого, когда ее младший брат отказался кушать, сказала ему: «Ты вредничаешь, а кому-то кушать нечего». Наверное, вот так и выглядит помощь героя зрителю.

Наверняка, полугодовая работа с программой и общение с ее героями изменили Вас.

Общение с героями программы «Скорая социальная помощь» не может не изменить человека, не повлиять на душу и сердце. Ведь когда ты видишь, с чем сталкиваются люди в жизни, как любят, терпят, страдают – это не может пройти бесследно. Становится больше неравнодушия и способности сочувствовать и сопереживать. Бывало, идет по улице мне навстречу ребенок с ДЦП, для постороннего человека его походка выглядит неправильной, но я-то знаю, сколько усилий приложили родители, сколько лет (!) тренировок потратил ребенок, для того чтобы ходить вот так. И я просто подойду и скажу: «Женщина, я знаю, что у Вас ДЦП у ребенка, Вы такая молодец». Раньше я, наверное, прошла бы мимо.

А Вы получаете удовольствие от того, что Вы делаете, от того, что зрители помогают героям программы?

Ммм... удовольствие... Я не могу сказать, что есть моя заслуга в том, что нуждающиеся люди получают помощь. Я рада, что знакома с такими людьми, что у них все налаживается постепенно. И горжусь тем, что зрители телеканала «Союз» такие неравнодушные, действительно помогают, поддерживают – это очень важно, потому что, когда человек помогает другому человеку, он же и сам становится лучше, светлее от того, что своим вниманием подарил ему радость, поучаствовал в созидании его счастья, а не просто переключил кнопку на пульте телевизора. Были такие случаи, когда сюжеты с просьбой о помощи показывали на других телеканалах, публиковали истории этих же героев в газетах – и

ничего, никакого отклика среди светской аудитории. Показываем мы – идет шквал звонков, собираем все необходимое. За время моей работы ни разу не было программы, после которой не откликнулся бы ни один человек.

Ради чего Вы работаете?

Поначалу я работала для опыта, для того, чтобы дальше развиваться в профессии. А сейчас, когда опыт уже наработан, даже трудно подумать: «Ну, уйду я, а кто на мое место, а вдруг это будет человек, которому будет все равно, который будет меньше любить моих героев? А как я без программы жить буду?...». Я уже настолько привыкла к этому режиму, к постоянным съемкам, к программе, к записи, к людям, с которыми постоянно общаюсь – как без этого уже? Конечно, хочется помогать. Одно дело, когда я просто с человеком общаюсь, другое, когда я знаю, что мы приедем и снимем программу, что потом хоть чуть-чуть, но ему все же станет легче. Для этого, наверно, и работаем.

Евгения, чем Вы планируете заниматься после учебы в университете?

Я пока об этом не думаю, потому что сейчас нужно окончить университет, написать диплом, сложно сказать, что будет. Пока есть возможность, я буду с этой программой работать. За полтора года моей работы в передаче было около семидесяти героев, и, несмотря на это, я про всех помню – конечно, не детально, но все-таки... Почему-то считается, что журналисты сразу же забывают о героях. Нет, когда снимаешь, когда готовишь передачу к эфиру, так или иначе думаешь о человеке, о котором эта передача, он даже родным в чем-то становится.

Что Вы пожелаете нашим читателям?

Не проходить мимо людей, которым нужна помощь, потому что это действительно очень важно. Не всегда есть возможность помочь деньгами или, к примеру, самому съездить в детский дом и поиграть с детьми. Но иногда важным может оказаться даже просто ласковый жест, доброе слово, улыбка, взгляд. Это не так трудно, как могло бы показаться. Но очень и очень важно.

*Беседовал
Евгений Алабушев*

Автор и ведущая программы
«Семья» Анна Васильева:

**«Мы пытаемся возродить в людях такие
понятия как любовь, преданность и вер-
ность»**

Героям передачи «Семья» на телеканале «Союз» приходится порой нелегко. К ним домой приезжает настоящая съемочная группа с видеокамерой и несколько часов они рассказывают журналисту о том, как совместно решают возникающие проблемы, находят компромиссы, воспитывают детей. Автор программы «Семья» Анна Васильева поведала нашему корреспонденту о том, как происходит процесс подготовки программы и в чем ее главная ценность.

Анна, расскажите, пожалуйста, как Вы оказались на телеканале «Союз»?

Сюда я попала сразу после окончания университета, это было чуть больше двух лет назад. Еще во время учебы на факультете журналистики я попробовала себя на разных телеканалах, но ни на одном из них я не смогла остаться. Сегодня основное направление светской журналистики – это журналистика информационная и аналитическая, а авторских программ, как таковых – вы, наверное, сами видите – маловато. Именно это и не привлекало меня с самого начала, «не цепляло». Что привело на «Союз» – не знаю, так получилось. Но именно здесь я увидела возможность реализовать себя, раскрыть свои способности, глубже осмыслить мир, понять его – светская журналистика не давала такой возможности. И практически сразу я стала работать в программе «Семья».

О чем эта программа?

Название «Семья» говорит само за себя. Это передача о семье и для семьи, в ее основу заложена популяризации как православных, так и общечеловеческих семейных традиций. Ведь сегодня это перевернулось с ног на голову, например, разводы стали совершенно нормальным явлением в нашей жизни... Сегодня, к сожалению, многие ценности утеряны. И мы пытаемся возродить в людях такие понятия как любовь, семейное благополучие, преданность, верность.

Кто становится героем Вашей программы?

Мы снимаем только православные семьи и поэтому ищем их на приходах, просим помощи у батюшек, иногда героями программы становятся знакомые знакомых. Это самые обычные

люди, которые, как правило, впервые общаются со съемочной группой. Конечно, у них не всегда получается раскрепоститься перед камерой, но наша задача в том и состоит, чтобы зритель увидел, какие это люди, что они тоже не идеальны, что у них, как и у всех, есть свои проблемы и сложности, которые они пытаются преодолевать.

С чего начинается знакомство с людьми?

Начинать разговор всегда непросто и здесь все очень индивидуально. Насколько трудно бывает разговориться с одним человеком, а тут целая семья (!). Как правило, семья – это не только мама, папа и ребенок, часто бывает, что в семье несколько детей, а также бабушки и дедушки. Поэтому когда я прихожу в гости к героям, всегда думаю сначала, что можно говорить, а что нет. Во время интервью нужно расположить их к себе так, чтобы они мне доверились и были уверены, что я не выдам в эфир какие-то моменты жизни, личные переживания, которым не место на экране. Поэтому даже одно слово, сказанное не так, может повлиять на дальнейший ход съемок программы.

Героям программы нелегко рассказывать о своей личной жизни совершенно незнакомому человеку, а когда перед тобой еще и камера стоит – это еще труднее. Мне бы хотелось, чтобы люди в этом отношении шли нам навстречу, понимая, что это нужно не только мне лично, не только нашему телеканалу, но и всему обществу.

Вы заранее что-то узнаете о людях, с которыми предстоит встретиться? Как Вы готовитесь и проводите интервью?

Как правило, я не знаю, с какими людьми мне предстоит встретиться, кроме информации, кем они работают и сколько в их семье детей. Мы не говорим с ними о чем-то неземном, ведь семья – это ежедневный труд, поиск компромиссов, решение проблем, забот... Я иногда спрашиваю: «А что, если Ваш супруг захочет идти на охоту, а у Вас день рождения? Как Вы поступите в такой ситуации?». Конечно, иногда я заранее готовлю какие-то темы для разговора: «А может спросить об этом, а может об этом...?». Вот, например, идет пост или какой-нибудь праздник – я уже планирую, что

поговорю с героями о том, как они готовятся к нему, как его проводят. Но сама структура сюжета и его тематика складываются уже после проведения съемок, именно когда я работаю над подготовкой программы к выходу в эфир.

А что, по мнению ваших героев, является самым важным в семье?

В том-то и дело, что для каждого из наших героев самым важным является что-то свое. Вот это «свое», это индивидуальное, эту особенность семьи нам и нужно раскрыть. Для кого-то, действительно, семейным стяжанием является терпение, для кого-то важны чувства, кто-то видит свою семейную жизнь только в воспитании детей.

Тут однозначно сказать нельзя.

Бывает ли такое, что Вы рассказываете историю не семьи, а одного человека?

Да, бывает, но это, скорее, исключение. Нам пришло письмо от телезрительницы, ко-

торая просила рассказать о матерях-одиночках, как им приходится жить в такой непростой ситуации. И вот мы специально сделали такой выпуск. Но это может быть одна программа на тысячу. Все-таки у нас основные задачи другие. Мы должны представить идеал семьи, потому что современный человек, к сожалению, не знает, что это такое.

В передаче еще выходит рубрика «Чей я цветок?». Расскажите, пожалуйста, о ней.

Одной из главных проблем нашего общества являются брошенные дети, так называемые «социальные» сироты, то есть дети, у которых живы папы и мамы, но, которые оказались ненужными. Мы показываем таких детей и рассказываем о том, какие они замечательные, как они растут, что уже умеют делать, а что еще пока учатся. Мы подыскиваем новые семьи, ищем людей, которые готовы усыновить их, взять на себя такую ответственность. К счастью, такие люди находятся, но их немно-

го. На пути усыновления ребенка очень много препятствий. Есть свои нюансы, формальности, нужно собрать много бумаг.

А трудно ли Вам общаться с такими детьми?

Трудновато, конечно. На них сразу виден отпечаток того, что они выросли без семьи, без заботы, внимания и любви, они защищены какой-то оболочкой от этого жестокого мира, существуют в своем маленьком узком мирке и, как правило, не дают туда пробраться. Иногда встречаются дети очень открытые, раскрепощенные, а иногда такие, которым ничего не надо, они ничего не хотят.

Это дети постарше, лет восьми-десяти. Они уже привыкли к одиночеству и не знают, что такое семья, ласка, забота. И берут их крайне редко, потому что понимают, что основа воспитания закладывается в возрасте до трех лет и изменить такого взрослого ребенка уже будет очень трудно.

Что является самым сложным в Вашей работе?

После того, как ты нашел людей для своей программы, безумно сложно ехать на каждую съемку. Трудно настроить себя на встречу с новыми людьми, приходится себя буквально переламывать. Но самым сложным, все-таки, является подготовка самой программы – когда материал уже собран и все лежит на кассете, когда ты сидишь, расшифровываешь и пишешь текст для программы.

Для меня написание текста – это, наверное, самое сложное, потому что нужно пропустить через себя то, что тебе рассказали, пережить это самой, нужно представить себя на месте героев: «А как бы я поступила в этот момент?». Ты примеряешь на себя различные ситуации, они в тебе живут: ты спишь – видишь героев программы, приходишь с работы домой – продумываешь, как нужно показать и рассказать о героях, может быть, показать так, как они сами себя не видели.

И тут уже появляется авторская точка зрения, без которой, на мой взгляд, любая программа теряет свою особенность. Если бы эту программу вел другой человек, то он, может быть, показал ее в другом ракурсе, разговаривал бы с героями программы по-другому, затрагивал иные аспекты жизни семей.

Есть ли отзывы на передачи?

Отзывы есть, вы можете посмотреть на нашем сайте, их немного, но они есть, положительные отзывы. Пишут те, кто действительно интересуется этой темой.

Вы сами чувствуете какую-то отдачу, что не зря выходит эта программа?

У меня есть надежда, что нас смотрят не только люди, которым это все близко, которые постоянно задумываются на эту тему, но еще и те, кто случайно переключил канал и попал на программу, «зацепился», увидел наших героев – таких же, как и он сам, обычных людей. Кстати, поэтому, как правило, мы снимаем обычных людей, а не семьи священников, хотя семьи священников очень интересны воцерковленным людям.

Занимаетесь ли еще чем-либо на телеканале «Союз»?

Если бы вы знали объем моей работы! Я просто подумать ни о чем, кроме «Семьи», не могу. «Семья» – это мое детище, к которому я привыкла, и чем-то другим я заниматься не успеваю.

То есть, у Вас все время уходит на создание программы?

Практически да. Работать приходится еще и в выходные, так как именно в выходные дни чаще всего происходят съемки программы. Но, помимо работы, с этого года я еще получаю второе высшее образование.

При таком режиме работы остается время?

Несмотря на объем работы, я выделяю себе два дня на отдых, на приведение себя в порядок, чтобы со свежими мыслями ехать в воскресный день на съемки. Но даже в эти два дня я не могу забыть о том, что у меня было на неделе. Это постоянная жизнь в работе, это как служение. Священники говорят, что они не работают, а служат, вот у меня, практически, то же самое.

Есть ли у вас какие-то увлечения?

Есть. Я люблю вышивать, и в свои выходные дни стараюсь посвятить себя рукоделию, как бы старомодно это ни звучало на сегодняшний день. В это время забываешься, мечтаешь

о чем-то. Это те моменты, когда приводишь себя в спокойствие, в гармонию с этим миром. Есть еще и другое увлечение, совершенно не похожее на первое, оно современно – я люблю управлять мотоциклом.

На дорогах, не в компьютере?

На дорогах, конечно. Но это происходит где-нибудь подальше от города, чтобы не травмировать психику людей (смеется).

Анна, скажите, ради чего Вы работаете?

Если честно, я ожидала такой вопрос. Отвечу так, что работа мне помогает реализовать себя. Общаясь с героями программы, я задумываюсь все больше о том, что происходит во мне самой. Пытаюсь разобраться в самой себе, посмотреть на себя изнутри. После каждой программы я получаю жизненный опыт, задумываюсь над тем, как же я себя веду в этой жизни. Работа в православной журналистике позволяет заниматься самопознанием.

А повлияла ли на Вас каким-то образом двухлетняя работа с программой «Семья»?

У меня изменилось отношение к семье. Раньше я не понимала, почему люди счастливы в семье. Ведь в жизни есть столько развлечений: экстремальные виды спорта, интересная работа – для кого что. А в семье-то почему люди счастливы? Мне всегда казалось, что семья – это что-то обязательное, само собой разумеющееся, что она просто должна быть у каждого человека. А сегодня я понимаю, что семья – это не какая-то сфера жизни, одна из... Семья – это сама жизнь, вокруг которой концентрируется уже все остальное: работа, увлечения и так далее. Без семьи человек – не человек, если это не монах.

Что Вы можете пожелать читателям нашего журнала?

Читателям я пожелаю долгой совместной семейной жизни. А тем, которые еще не связали себя узами брака – хороших отношений с родителями, веры и надежды на то, что появится тот спутник, с которым вместе они будут идти ко спасению.

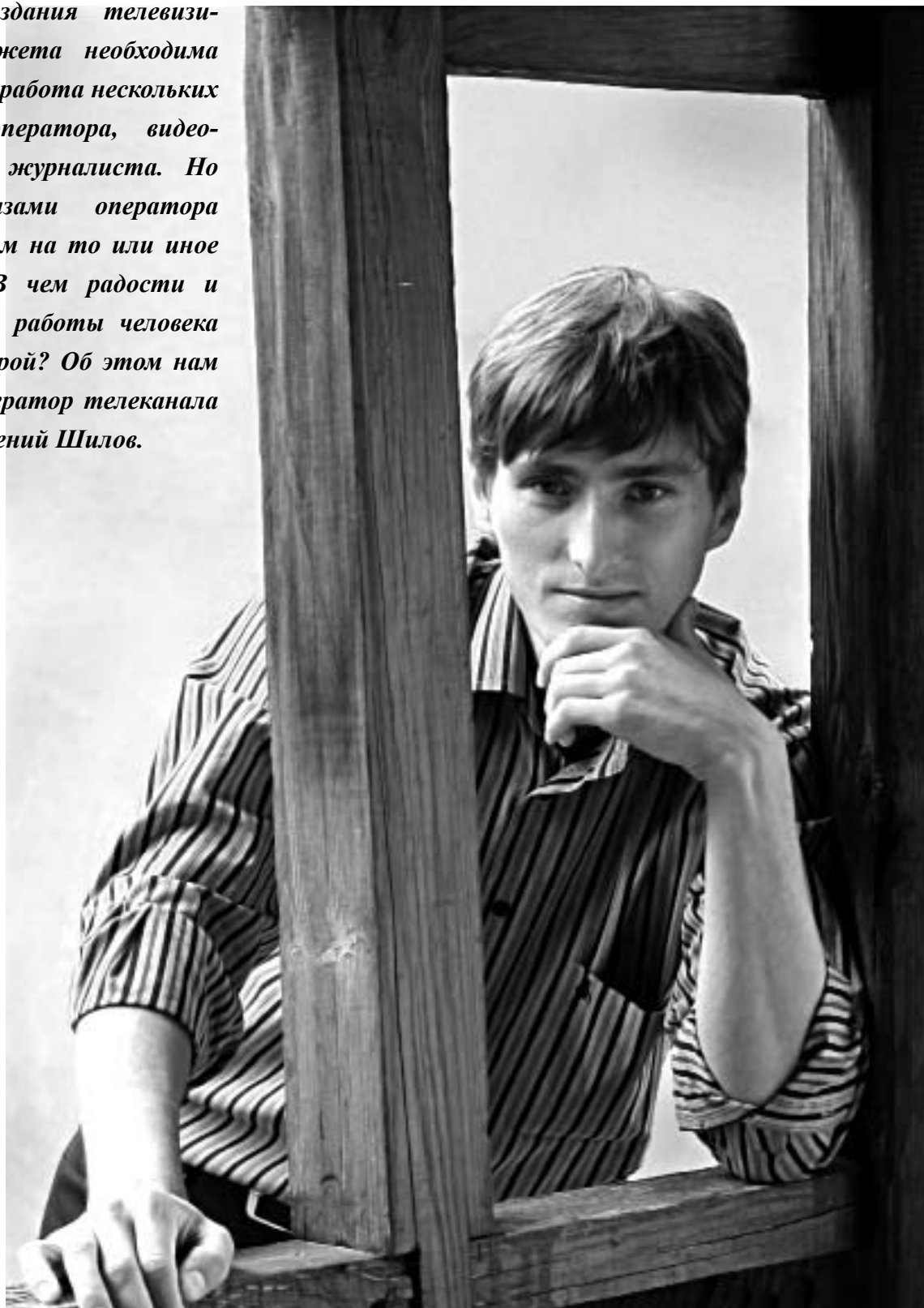
*Беседовал
Евгений Алабушев*

«Зверушки – не игрушки» – одна из рубрик программы «Семья»

Оператор Евгений Шилов: «На Союзе я оказался в атмосфере Евангельской проповеди»

Для создания телевизионного сюжета необходима слаженная работа нескольких человек: оператора, видеоинженера, журналиста. Но именно глазами оператора мы смотрим на то или иное событие. В чем радости и сложности работы человека с телекамерой? Об этом нам поведал оператор телеканала «Союз» Евгений Шилов.

Евгений, расскажите, как и когда Вы оказались на «Союзе»?

Я работаю здесь дольше всех операторов – три с половиной года. Из молодых сотрудников – самый старый. Когда я сюда пришел, еще не думал о том, чтобы послужить Богу и Церкви, а просто хотел работать по профессии. Сейчас, конечно, осознаю, что Господь не случайно привел меня на «Союз» – именно здесь я стал верующим.

Школу я окончил плохо. И слава Богу, что не связался ни с какими дурными компаниями, а устроился работать на заводе. Но однажды задумался о том, что очень хотел бы заниматься чем-нибудь другим. А что мне нравится? Мне всегда нравилось смотреть кино! И я подумал, что мог бы работать, например, киномехаником в кинотеатре, и решил в кратчайшие сроки сменить профессию.

Друг помог мне найти училище (сейчас это лицей «Стиль»), где можно быстро выучиться на киномеханика. Учеба оказалась делом увлекательным. Практику я проходил на 41 канале (сейчас на такие съемки уже не поехал бы...). Когда пришло время выбирать место работы, я разместил в интернете свое резюме, но никаких предложений о работе не поступало. И тогда мой товарищ, работавший журналистом на «Союзе», привел меня сюда.

И началась стажировка – я ездил на съемки вместе с другими операторами, смотрел, учился. Какая-то техника была мне знакома, я мог легко освоить ее или даже сразу на ней работать, какая-то оказалась абсолютно новой, высокопрофессиональной – с такой я раньше не сталкивался. Первая съемка была очень волнительной, но прошла благополучно. Вот так я стал одним из операторов «Союза». Через несколько месяцев начались звонки с других телеканалов с предложениями работы – эти искушения длились около двух лет, но чем дальше, тем меньше возникало мыслей о том, чтобы уйти с «Союза».

Здесь совместились моя профессия, мое увлечение и служение Богу. Здесь я оказался в атмосфере Евангельской проповеди. Приходилось ездить по разным храмам, слушать проповеди самого Владыки Викентия, различных священников нашей епархии. У многих из них есть дар слова, они умеют зажечь в душе человека огонек веры.

Вот про огонек веры, пожалуйста, подробнее.

Моя бабушка была мусульманкой, и окрестили меня только в 12 лет, после ее смерти. Мама привела меня в храм Петра и Павла в Первоуральске. Мотивация у нее была прагматическая, можно сказать, языческая: у меня были хронические заболевания, и мама хотела, чтобы я меньше болел. Ни в какую воскресную школу меня не водили. Именно после крещения в моей жизни начали появляться какие-то юношеские прегрешения, а потом и смертные грехи. В конце концов я бросил школу, был в отчаянном состоянии... Тогда я не понимал, почему это происходит, ведь я был благополучным ребенком, а жить мне не хотелось.

И, все-таки, интерес к христианству у меня был. Я помню, как на первом курсе нам показали нашумевший фильм Мэла Гибсона «Страсти Христовы», и я, абсолютно неверующий на тот момент человек, не носящий даже крестика, с большим состраданием смотрел этот фильм. Меня интересовала, притягивала Личность Христа.

Работая на Союзе, я получил ответы на многие волновавшие меня вопросы. Я снимал передачу «Читаем Евангелие вместе с Церковью» и, конечно, слушал то, что говорили в ней отец Петр Мангилев, отец Аркадий Логинов – известные пастыри, обладающие даром слова. Мне часто приходилось снимать «Церковный календарь», при этом я за один раз выслушивал семь житий святых и семь проповедей священника. У меня возникло чувство, что человек это делает искренне, говорит от сердца. И каждый раз на записи «Календаря» отец Евгений Попиченко умел чем-то зацепить мое сознание.

А однажды к нам на практику пришла одна девушка, Анна, и она со мной как-то поделилась, что перед съемкой всегда мысленно благословляется. Она говорит так: «Господи, Боже мой, помоги мне потрудиться во славу Твою и во благо людям». Я эту фразу запомнил и стал ее про себя повторять, начал мысленно благословляться на съемку и возносить славу после нее, хотя бы кратко. Это очень помогает, ведь у оператора особенно напряженная работа: если журналист может сделать перерыв в работе, то оператору нужно снимать непрерывно.

Мне нужно было снимать, а я чувствовал, что еще ничего не умею, уверенности в себе

нет (ее и сейчас во мне, правда, нет, и это хорошо). Обращение к Господу очень помогает.

Весь жизненный ритм подчинен «Союзу», свободного времени почти нет, поэтому обязательно нужно уделять на съемках хотя бы какую-то частичку времени молитве, тому, чтобы послушать проповедь священника, услышать слова Евангелия, не просто посмотреть, а увидеть святые места. Кроме того, если съемка не проходит в суматохе, то есть время, чтобы действительно увидеть красоту. Объектив, видеоискатель камеры порой мне даже помогает сосредоточиться на духовном восприятии образа, например, Божией Матери. Я вижу его крупно, я вижу, как воздух перед Ликом Пречистой колеблется от свечи... Это зрительное восприятие влияет на духовное состояние оператора. И тогда я чувствую, что счастлив в своей профессии. Это редкие минуты и секунды, может быть. Но они бывают – и слава Богу. А так работа на «Союзе» – это обычный каждодневный труд, который порой ничем не отличается от работы на заводе.

А нет ли у Вас в связи с этим ощущения, что Вы вкладываете себя во что-то временное, проходящее? Вышла передача один раз – и все, на этом ее жизнь закончена...

В Царствии Небесном культуры земной не будет. Как отец Андрей Кураев об этом говорит: культура – «костыли человечества», она дана человечеству в изгнании. Искусство не самодостаточно, не самоценно. Только то можно назвать культурой, что приводит человека ко Христу. Она важна только здесь, на земле, и то, что человек посмотрел передачу один раз и больше к ней не вернется – в этом нет ничего страшного, потому что после всеобщего воскресения культуры вообще не будет.

А, кроме того, это может помочь человеку, который пытается себя творчески реализовать, бороться с собственным тщеславием. Всегда же хочется снять что-то такое, что люди через 10 лет увидят и воскликнут: «Ах, как здорово!» Меня иногда хвалят, но я понимаю, что тщеславие – та колючка, которую, как ни поверни, постоянно колется, как сказал преподобный Иоанн Лествичник. И бывает, что похвала и признание даже мешают. Вот недавно я пришел к мысли, что, наверное, так и надо работать: снял – получилось – слава Богу, отдал на монтаж – и можно даже не смотреть.

А Вы сами смотрите «Союз»?

Когда осенью я был в отпуске, то почти не бывал в Екатеринбурге, а общение с христианами у меня происходит именно здесь, оно почти полностью связано с «Союзом». В Первоуральске этого нет. Я хорошо отношусь к своим близким и друзьям, но часть из них вообще не христиане, часть – номинальные христиане, как многие, как 80 процентов населения страны, которые хотя и крещенные, но духовной жизни не ведут. И вот именно в отпуске, в отрыве от «Союза», я почувствовал, что наш телеканал мне нужен, и смотрел его, как обычный зритель.

У Вас есть любимая передача?

Да, «Уроки Православия». Отец Вячеслав Зайцев из храма Симеона Верхотурского на УНЦ сказал как-то, что программа «Уроки Православия» – это знак качества телеканала «Союз». Может быть, порой она сделана просто, но то, какие темы выбирает Ольга Валентиновна Баталова в своих передачах, то, как она об этом рассказывает и каких героев приглашает в программы – все это делает каждый выпуск очень интересным. Сейчас для каждой передачи создаются образы – вот, например, в программе с Петром Мамоновым Ольга Валентиновна использовала образ цветных витражей, складывающихся из разноцветных кусочков. Это интересно. Но даже раньше, когда на экране у нас были просто «говорящие головы в кадре», без всяких творческих находок, это были такие головы, что их можно было слушать и слушать.

Иногда мне интересно посмотреть «Новости», программу «Первосвятитель». Наш покойный Патриарх Алексей обладал даром слова, а ныне здравствующий Патриарх Кирилл – вообще Златоуст, как говорит отец Дмитрий. Ну, вот, это – что касается программ, которые делает «Союз». А из программ сторонних производителей нравятся почти все передачи компании «Глас», ныне Детский образовательный канал «Радость моя». У них там все делается на высоком профессиональном уровне.

Сколько операторов работает на «Союзе»? И существует ли у вас «узкая специализация» – то есть, снимаете ли вы для конкретных передач или что дадут?

Специализации у нас пока нет, хотя, по

идее, разделение должно быть. У нас работает четверо «выездных» операторов, и еще один – в студии. А снимать нужно много, особенно по выходным, так как на субботу и воскресенье выпадает много церковных праздников.

Вопрос чисто технический: а камера тяжелая?

И тяжелая, и дорогая. Вес аппаратуры – 20 килограммов. А стоимость всего комплекта – около полумиллиона рублей. Телевидение, на самом деле, очень затратная вещь, за несколько лет могут смениться поколения аппаратуры. Сейчас развивается телевидение высокой четкости, и за этим «Союзу» приходится успевать.

Вам случалось бывать на съемках за границей?

Пока нет. Я мечтаю поехать в Иерусалим. Правда, боюсь трудностей, которые там есть у оператора: приходится много снимать не со штатива, с руки, на бегу, в огромной толпе. На такие съемки обычно дают камеру поменьше и полегче, но я ее не очень люблю. Не у всех операторов наблюдается такая зависимость от техники, но мне лучше работать именно с той

камерой, к которой я привык. Я ее даже наощупь могу отличить.

У Вас никогда не возникало желания учиться в семинарии?

Здесь можно вспомнить, опять же, слова отца Андрея Кураева: если у православного молодого человека когда-нибудь не возникала мысль пойти в семинарию и стать священником, то с ним что-то не в порядке. Так что – да, желание возникало. С другой стороны, я же понимаю, что это особое служение, избранничество Божие, а не работа. Архиерей постоянно на собраниях говорит об этом: даже если вас подняли в 3 часа ночи, вы должны быть готовы служить.

Ну, в этом смысле у оператора тоже такая работа: подняли – и служишь, тоже тяжело. Разве нет?

Да, тяжело иногда. С другой стороны, работа на заводе от звонка до звонка бывает еще тяжелее и утомительнее, а иметь ненормированный рабочий график – это даже интересно, рутины нет. Конечно, мне хотелось бы знать свое расписание на неделю, но обычно я узнаю его лишь накануне. И такой график, если чело-

век пытается вести духовную жизнь, смиряет, он хотя бы отчасти напоминает послушание. Приходится подчиняться, иначе ты просто не будешь здесь работать. Я смирился со своим неустойчивым графиком... ну, почти.

Чем Вы занимаетесь в свободное время, когда оно все-таки выпадает?

Как вы уже поняли, свободного времени не так много. Когда бывает выходной, встречаюсь со своими друзьями. Больше всего в жизни меня интересует Господь наш Иисус Христос и некоторые мои близкие, Его творения. Все остальное – работа на «Союзе», искусство, книги, фильмы – второстепенно, третьестепенно.

Еще люблю читать святителя Игнатия (Брянчанинова). Святитель Игнатий на первый взгляд пишет сухо, и многие его труды посвящены монахам, то есть, это аскетическая проповедь. Но если душевные очи у человека откроются, то он сможет почувствовать, с какой сердечностью пишет этот святой. До моего сердца его слова дошли. Он не сухой, у него хороший язык, он в своих книгах дает, в основном, конкретные советы по духовной жизни,

умеет своим словом утешить. Недавно я купил полное собрание его сочинений, и даже сейчас в своем рюкзаке вожу томик святителя Игнатия.

Вернемся снова к работе. Как создается сюжет? Один человек снимает, другой пишет текст, третий монтирует... Как вы понимаете друг друга?

Работа оператора – лишь заготовка, определенная стадия производства. Нужно уметь реализовать мысль режиссера, журналиста. Потом идет «гравировка», материал доводят до ума журналист и видеоинженер. В идеале на монтаже должен присутствовать и оператор, чтобы он мог участвовать в выборе кадров. Но так не получается, на это просто нет времени. И я часто бываю недоволен тем, что план, в который я, может быть, душу вложил, просто вырезается. Но это, опять же, полезно для смирения. А иногда за счет монтажа удается взглянуть на материал иначе. Иногда он получается даже лучше. Но это вопрос профессионализма, таланта и хорошего вкуса. У нас беда в «текучке» кадров. Я надеюсь, что это попущение Божие пройдет...

С чем связана «текучка» кадров?

Молодых зачастую не устраивает не очень высокая зарплата и церковная специфика. Хотелось бы, чтобы людей с психологией наемников было как можно меньше, а было бы как можно больше людей с психологией солдата, который верно служит. Вот сейчас грянул кризис – но, если человек даже в светской организации работает не только за деньги, но и за идею, он, несмотря на трудности, из фирмы своей не уйдет, и эта фирма, даст Бог, снова встанет на ноги, и такого сотрудника оценят. Человек должен трудиться для Бога, тогда он будет и сотрудник хороший, и труд его будет во благо. Такие люди есть на «Союзе», за счет них и держится канал.

Вы тоже работаете «за идею»? Неужели никогда не хочется все бросить и сменить работу?

Я не заставляю себя идти на работу и не могу сказать, что я туда лечу. Конечно, бывает лень вставать, лень снимать одно и то же, но в целом мне моя работа нравится. В идеале я бы не хотел никуда уходить, я бы хотел на много десятков лет остаться работать здесь. Если бы мне лет семь назад сказали, что я буду рабо-

тать на телевидении, я бы не поверил. У апостола Петра я прочитал: «Служите друг другу, каждый тем даром, какой получил, как добрые домостроители многообразной благодати Божией. Говорит ли кто, говори как слова Божии; служит ли кто, служи по силе, какую дает Бог, дабы во всем прославлялся Бог через Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков». (1Пет. 4: 10-11). И это можно отнести к работе любого христианина.

Откуда берутся творческие идеи? Я думаю, свыше, от Бога. Может быть, прозвучит пафосно, но мне кажется, это можно назвать словом «синергия» – взаимодействие Бога и человека. Наша личность сохраняется в творчестве, но Господь вдохновляет, без Него созидать невозможно.

Это важная для меня мотивация работы здесь. Как и то, что мой труд кому-то полезен. На заре христианства Господь давал дары изгнания демонов, проповедничества, воскрешения; наши дары гораздо скромнее, но, тем не менее, нужно таланты не закапывать в землю, а реализовывать.

*Беседовала
Ирина Пономарева*

Видеоинженер Станислав Калегин: «Если уж смотреть телевизор, так телеканал «СОЮЗ»

«Я читал Евангелие, «Лествицу» и святителя Игнатия (Брянчанинова)», – обычно отвечает мне Стас Калегин, когда я с восторгом сообщаю ему о какой-нибудь новой книге. И мне становится стыдно: я понимаю, что человек читал главные книги – самые нужные, а остальное, вполне возможно, излишне. В телекомпании «Союз» Стас работает видеоинженером. Заставки к фильмам, видеоролики, посвященные дням памяти святых, большим праздникам или постам – его рук дело. А, может быть, наши читатели – они же зрители телеканала «Союз» – вспомнят видеоклип, в котором сначала вокруг роденовского мыслителя крутился витрувианский человек Леонардо да Винчи (первый символизировал суетные мысли, отвлекающие от молитвы, второй – суетные дела), а затем шла краткая видеозапись выступления Святейшего Патриарха Кирилла, где он говорил о пользе трансляции молитвенного правила на нашем телеканале. Так вот, весь этот креатив также придумал и «смастерил» Стас Калегин. А еще он – рок-музыкант. И отец четверых детей, ожидающий появления на свет пятого чада. И просто неординарный человек.

Стас, мне всегда было интересно, как ты пришел к вере.

Наверное, о моем пути нельзя рассказывать, потому что это поиск Бога от противного. Это можно назвать вариацией на тему, как Савл стал апостолом Павлом. Я пытался разобраться: религия – это ложь, которая по природе ненавистна человеку, или это правда?

А как ты понял, что это правда?

Ну вот, все сначала можно начинать. О смысле жизни я начал задумываться рано, может быть, уже в младшей школе. И надо было решать: зачем вообще жить на свете? Как-то особо меня не воспитывали, в семье на эти темы мы не разговаривали. И я решил, что человек живет для того, чтобы получать удовольствие. Когда началась более-менее самостоятельная жизнь, я стал реализовывать эту гипотезу, и нашел себе соратников. Губить жизнь надо было весело. В это веселье вписывались и одурманивающие вещества. Такая система ценностей больше всего похожа на сатанизм.

Однажды «мультики», которые я увидел под воздействием токсических веществ, оказались религиозного содержания: я увидел начало мира, грехопадение и Жертву, принесенную для спасения человечества, и почему-то понял, что эта жертва кроется где-то в мире, и ее надо найти. И там, в этой галлюцинации, прозвучало: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог...» Я эти слова запомнил.

После этого начался религиозный поиск. А здоровье тем временем ухудшалось. Родители привезли меня к знахарю – он врач с высшим образованием, лечил травами. И он мне сказал: «Знаешь, у тебя образ мысли, несовместимый с жизнью. Тебе надо почитать Новый Завет». А я к тому времени все древние религии «проверил», а до христианства так и не дошел. И вот в Новом Завете я увидел: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог...». Стал читать Евангелие, стал потихоньку в нем разбираться. Крестился только со второй попытки.

В первый раз ты сам передумал или батюшка отказал?

Я сам. Креститься, подчиняясь насилию, так же, как и отречься от веры – неправильно. Кое-что меня в тот раз испугало, и я убежал. Когда пошел креститься во второй раз, было

ощущение, что возвращаюсь к Отцу. Потом, правда, постепенно стал сползать к тому, что было до Крещения. Каждое воскресенье собирался пойти в храм, и семь лет откладывал. Несколько раз сходил на исповедь, но до Причастия тогда так и не дошел. Вторая попытка воцерковления была гораздо позже.

Стас, как ты попал на «Союз»? Была ли профессия видеоинженера к тому времени тебе знакома, или ты учился в процессе работы?

По специальности я электрик. Учился на физико-техническом факультете УПИ – правда, учебу не закончил, но с техникой, как ты понимаешь, обращаться умел. Хотелось работать где-то при Церкви: нужно было делать что-то душеполезное. Работа не подвернулась. Я искал, где только было можно. Но не нашел. Стал работать дежурным электриком. Когда нет никаких аварий и катаклизмов, и нужно только следить за состоянием оборудования, это замечательная возможность для чтения святых отцов и Иисусовой молитвы. Вот такой был период.

Однажды коллеги по работе сказали мне: «Попы купили Первоуральское телевидение!» Я думал, опять надо мной шутят, а оказалось – правда. Я нашел номер телефона студии, позвонил и попросился на работу. Меня взяли в качестве технического персонала. Коллектив был абсолютно светский – сотрудники той самой первоуральской студии. Со временем кто-то воцерковился и остался, кто-то ушел.

Так ты с самых первых дней на канале?

Ну, не с самых первых, недели две они уже работали. Я с ужасом вспоминаю качество и содержание тех программ, которые тогда выходили в эфир. Мне казалось, что от нас больше вреда, чем пользы. Но потом появилась программа «Читаем Евангелие вместе с Церковью», какие-то еще православные передачи, и сейчас их все больше, а светских – все меньше. Это хорошо. Но у нас на канале безраздельно царствует «8 марта». Это, наверное, плохо.

Поясни, пожалуйста, эту мысль.

Мы ведь читаем по большей части святых *отцов*, святых *матерей* читаем очень редко. А у нас авторы и ведущие программ, великие

училки человечества – Светлана Ладина, Ольга Баталова, Елена Рысева... Пропорция явно не в пользу церковной истории. Конечно, всех мужского пола, кто молится и не имеет канонических запрещений, рукополагают, и у них сразу появляется много других дел. И им не до работы на телеканале. Помоги, Господи, нашим матерям не болтать лишнего!

Но ты-то на «Союзе» работаешь! Давай поведаем читателям о твоей работе.

В основном я делаю клипы на богослужбное пение. Стараюсь подбирать при этом древние распевы. И иконы для видеоряда стараюсь брать канонические. Про древние распевы, вообще, особый разговор. Когда я слышу современное церковное пение итальянских авторов, то сразу чувствую, как в воздухе раза в четыре убавилось кислорода. А музыку древних распевов сочиняли святые – это что-то искреннее, знакомое, родное, близкое. Та искренность, которая есть в роке, присутствует в древних распевах, и ты думаешь: я всегда это слышал. Мне сложно это объяснить, я не музыкальный теоретик, но я чувствую именно так. Когда-то думал, что нет звуков приятнее, чем блэк-метал и панк-рок, пока не услышал византийское и знаменное пение. Второе вполне естественно и без боли вытеснило первое.

А как выстраивается видеоряд для клипов? Откуда берутся идеи?

Все как у Вины-Пуха: я иду в такое место, куда падают стихи, и их записываю... На самом деле, не всегда так. Но в клипе про молитву было именно так. А если речь идет о богослужбном пении – читаю информацию о празднике, об иконографии праздника, читаю службу, посвященную этому событию. Здесь естественно начинается молитва. А дальше, Бог даст ассоциации – пытаюсь их визуализировать, не даст – воплощаю в видеоряд буквально то, что написано в богослужбных книгах.

Стас, расскажи, пожалуйста, о своей семье.

Мы с Татьяной познакомились в 2000 году в рок-клубе. С неправильным образом жизни завязывали вместе. Первый ребенок у нас умер – регрессирующая беременность. Таня тяжело переживала, детские пинетки в рамке на стену

повесила. Потом ждали столько, сколько врачи велели. Сейчас у нас четверо детей. Вынашивать их пришлось с боями.

Что ты имеешь в виду?

Война была с врачами. Один из боевых эпизодов. Татьяна попала в больницу с кровотечением. Врачи говорят: у вас начался выкидыш, это неотвратимо, мы вам сейчас только поможем – и все будет хорошо. Таня стала настаивать на том, чтобы ей сделали УЗИ и точно определили бы, что никакой надежды сохранить ребенка нет. Тогда ее поставили перед выбором: «Специалист по УЗИ придет только в два часа. А в час уйдет анестезиолог. И, если УЗИ подтвердит отторжение плода, аборт придется делать без наркоза. Не лучше ли сделать его сейчас, пока анестезиолог на месте?». В общем, она дотерпела до УЗИ. Никакой выкидыш там не подтвердился. Сыну сейчас 4 года. Таня недавно его спрашивает: «Ты маму любишь?» – «Люблю маму. Но больше всех на свете, очень-очень сильно, я люблю себя!» Вот подлинно израильтянин, в котором нет лукавства! Хорошее начало для покаяния.

Стас, детский состав семьи огласи, пожалуйста – кого как зовут, кому сколько лет.

Старшей дочери семь лет, ее зовут Мария. Анатолию четыре года, Игнатию – три. Софии один год. Ждем пятого. Дальше – посмотрим.

Кто занимается воспитанием детей?

Жена. Я-то по большей части на работе. Но мальчиков стараюсь учить всякому мужскому труду. Какие-то духовные вопросы тоже с моим участием решаются.

А бывает так, что дети не хотят идти в храм?

Бывает, что и не только дети. Тогда устраиваем голосование, и все решает мама. А мама решает, что в храм мы идем.

Что бы ты пожелал нашим читателям и зрителям?

Лучше кушать там, где не отравят. Если уж смотреть телевизор, так телеканал «Союз». А лучше и его не смотреть, а читать святых отцов.

*Беседовала
Светлана Ладина*

Православная телекомпания «Союз» была создана по благословению Архиепископа Екатеринбургского и Верхотурского Викентия на базе епархиальной телестудии и Первоуральской телекомпании «Союз».

С 31 января 2005 года телекомпания, ранее имевшая 40 минут в сутки собственного эфирного времени, полностью сменила сетку вещания, и началось формирование первого в России православного телевидения, строящего свою работу на христианских нравственных ценностях. С тех пор прошло пять лет. За это время телеканал «Союз» стал известен, без преувеличения, всему православному миру. Заметили его и светские СМИ, которые поначалу воспринимали его, как недоразумение, и пророчили: «поповский телеканал» долго не проживет.

А он живет и развивается. Милостью Божией и трудами многих и многих людей. И очень хотелось бы рассказать о каждом из них. Но на это не хватит и нескольких выпусков «Православного вестника».

Поэтому мы познакомили наших читателей лишь с некоторыми из тех, благодаря чьим опыту, энтузиазму, профессионализму, самоотверженности 24 часа в сутки выходит в эфир православная телекомпания «Союз».

Всех сотрудников телеканала мы сердечно поздравляем с пятилетним юбилеем! Дорогие наши, родные, любимые! Пусть Господь благословит ваши труды, пусть мир и покой будут в ваших душах, пусть все у вас будет хорошо!

СПАСИБО ВАМ ЗА ТО, ЧТО ВЫ ЕСТЬ!

Друг мой, гальновидец

Здравствуй, друг.

Давно мы не виделись, так давно, что и говорить-то не знаю о чем. В таких случаях спрашивают: «Как дела?» или «Что нового?», но я не буду спрашивать, а то ты вывалишь на меня кучу нужной и ненужной информации.

Знаю, что все мировые события, о которых ты любишь рассказывать, обычно тебя не волнуют. Ты просто собираешь информацию и потом делишься ей с теми, кто хочет. Прости, но мне кажется это бессмысленным. Ну, вот например, ты рассказываешь о какой-то встрече двух политиков, посвященной экономике. И какое отношение это имеет ко мне? Никакого, равно как и то, что где-то повысился курс доллара, а в другом месте прорвало водопровод. Ни на мою жизнь эти события не влияют, ни я не могу повлиять на них. Но при этом моя жизнь, мое реальное время на это тратится.

Ты скажешь, что в мире происходит просто много интереснейших событий: звездопады, фестивали воздушных шаров, концерты под открытым небом или рождение в какой-нибудь

семье двадцатого ребенка. Да, эти новости интересны, так как они рассказывают о том, как прекрасен может быть мир, когда в нем действует прекрасный человек. На такие новости и времени, вроде как, не жалко... Только и это проходит через сознание, волнует сердце и уходит из памяти, словно легкую дымку унесло тихим ветром. Прости за поэзию, просто я хочу сказать, что даже эти «положительные» новости – всего лишь временная суета, развлекающая меня.

Раз ты пока молчишь, то, пожалуй, предъявлю тебе еще несколько претензий. Во-первых, ты бываешь поразительно занудным, когда с патологической кропотливостью бесконечно долго рассказываешь о жизни какой-нибудь «сериально-мыльной» влюбленной пары или цыганском таборе, или судебных прениях мужа-инженера и жены-продавца. В эти моменты ты теряешь свое лицо! Да, и заставляешь меня также его терять. Ты делаешь из меня болвана, дегенеративного индивида. Когда я возмущаюсь примитивностью твоих

рассказов, ты отвечаешь: «А народ с удовольствием это потребляет». Почему ты решил, что народ туп и его духовные запросы не поднимаются выше «мыльных», «милицейских» и «петросяновых» тем? Скажу больше, ты знаешь, что народ другой, но ты намеренно пичкаешь его этими низкопробными продуктами, чтобы он, в конце концов, отравился и действительно стал легко управляемым «быдлом». Это просто несправедливо.

Во-вторых, с тобой просто невозможно общаться, когда по поводу каждого товара ты радостно восклицаешь: «Ты должен это попробовать!», «Ты этого достоин!», «Это нельзя пропустить!». Ты сам-то пробовал все, что мне рекомендуешь? С уверенностью могу сказать, что нет. Тебе просто платят деньги за рекламу и пользуются тем, что ты вхож в мой дом и в дом других своих приятелей. Но ты ни за что не признаешься, что продался и быстро сменишь тему, вернувшись к «мыльным» страстям.

Редко, но все же такое бывает, что у тебя вдруг появляется авторское лицо. Таких авторов (не продажных, талантливых, честных) сегодня очень мало, поэтому и появление их – всегда событие. Когда я встречаюсь с их историями, то мне становится страшно за их жизнь. Да, к сожалению, за честность, профессионализм и талант у нас и убить могут. Помнишь Влада Листьева, который хотел сделать тебя честным, талантливым и не продажным? Вот и сегодня есть такие люди. Каждая их история или срывает застарелые коросты с совести общества, или заставляет сострадать (да, именно принуждает, так как сострадать сегодня не модно и накладно), или дарит настоящую радость (которая сверкает, как звезда, среди предложенных тобой тупых удовольствий). Эти авторы и их истории еще могут прорваться к сердцам людей, утонувшим в «море развлечений». Реакция будет разной: меньшинство одумается и из жующего и ржущего быдла вернется в человеческое состояние, а другие обозлятся и «с чистой совестью» будут существовать дальше.

Ты скажешь, что можешь сменить тему в любой момент, стоит только мне захотеть. Что правда, то правда. Вообще ты удивительный: каждому своему другу ты можешь рассказать то, что волнует его. Ты разбираешься в культуре и находишь общий язык с интеллектуалом и эстетом. Заядлому болельщику с тобой не соскучиться, так как ты во всех подробностях

описываешь матчи, таймы, сеты и заезды. Домохозяйки могут переделать с тобой все дела и по ходу дела ты еще вмещаешься в процесс приготовления обеда и даешь кучу полезных советов. Натуралисты с твоей помощью окажутся в дебрях джунглей и затаив дыхание будут следить за жизнью тигровых крокодилов (уж не знаю, есть ли такие).

Вот только детям с тобой, наверное, не повезло. Да, ты знаешь кучу сказок и песенок, ты вводишь в мир исторических загадок или задаешь сложные вопросы и ищешь ответ вместе с ребенком. Но проходит несколько лет и ребенок уже не хочет с тобой об этом разговаривать, и ты заполняешь его ум стрелялками, погонями, шпионами, ты развлекаешь его историями о киборгах и миллионах долларов. Но это еще не самое страшное. Самое страшное – то, что у всех (у интеллектуала и эстета, у болельщика и домохозяйки, у ребенка и старика) от тебя страшная зависимость! Мы начинаем слишком тебя любить. И иногда уже не важно, что ты говоришь, лишь бы говорил... И я, подобно остальным жертвам, бегу на свидание с тобой, потому что «мне интересно», потому что «нужно же как-то отдохнуть от работы» или потому что знакомство с тобой «дает мне много нового».

Мы с детства с тобой знакомы и я даже привыкла ужинать с тобой. Чтобы понять эту зависимость, достаточно было попробовать не встречаться с тобой. Долгое время это просто не получалось, ноги сами к тебе несли, была «ломка». А потом встречи все реже и реже... И вот теперь у меня есть возможность обдумать эту странную зависимость.

Знаешь, недавно слушала одного проповедника, который говорил, что ты – убийца покаяния. Стало страшно. У него были железные аргументы: ты отвлекаешь и развлекаешь, беседы с тобой опасны, так как ты неожиданно можешь «ляпнуть» или показать что-то настолько пошлое и грязное, что потом ни о какой молитве или покаянии и речи быть не может. Ты крадешь время, которое можно было бы потратить на добрые дела или чтение духовной литературы. Все это горькая правда. Но ведь не ты виноват, виновата я, которая болтает о чем-то суетно-интересном, а не о покаянии. А ты – молодец, ты уже и в Православии разбираешься: рассказываешь о святых, читаешь лекции, произносишь проповеди и поешь духовные

песнопения. Правда такие темы доступны тем твоим друзьям, у которых есть «особые технические возможности». У меня их нет, поэтому на время поста я с тобой решила не встречаться.

Когда мы перестали видеться, вся однодневная информационная шелуха и вся нехудожественная ерунда, которую ты годами мне поставляла, как-то позабылась. Помнится только хорошее.

Помнишь, как мы смотрели вместе замечательные еще черно-белые фильмы, в которых играли прекрасные актеры? Их герои говорили нужные нам слова, утешали, радовали, вдохновляли. Они формировали нашу систему ценностей, говорили о служении идеалам, учили творить добро и противостоять злу. Мы смотрели о войне и больше любили свою страну. Мы даже научились помнить о солдатах, подвиг которых стал понятнее и значимее для нас, отделенных от войны несколькими поколениями. Мы вместе сопереживали работягам, решающим свои производственные задачи, какими бы смешными они теперь кому-то ни казались. Мы гуляли по черно-белой Москве с веселыми парнями из 60-х, а потом отправлялись вместе на лесозаготовку в Сибирь с молодой поварихой Тосей. Смешно, но даже грузины, поющие свои красивые песни, становились нам почти родными. Мы так хотели стать Золушками или пажами, которые уверены, что «дружба позволяет делать настоящие чудеса»!

Друг мой, у нас даже сложились свои традиции. Каждый новый год, 31 декабря, мы с тобой... да-да... мы смотрим «Иронию судьбы». Многие не смотрят, а я так смотрю до сих пор. Почему? Потому что все эти актеры, все любимые фильмы, наша музыка, наши улицы, дома... все это снова возвращает то, что забрало время. «Иронию судьбы» и «Золушку» мы смотрели с нашими любимыми близкими, которых уже нет... а ведь их так не хватает. Да и сами актеры старой закалки, интересные глубокие личности, люди с большой буквы уходят и уходят почти каждый день. Ты даешь ощущение их присутствия. Говорю с тобой, а как будто чудесным образом общаюсь с ними. Душа трепещет и радуется от этого. Поэтому я благодарна тебе, что ты бережно хранишь мои воспоминания и, несмотря на свою теперешнюю продажность, суетность и нелепость, вдруг можешь вновь стать прежним: ты скром-

но не показываешь поцелуи, ты смело бежишь в атаку на фашистов, ты деликатен, честен и талантлив! Таким я тебя люблю!

Прости. Сама смутилась из-за такого проявления чувств. Сегодня без тебя сложно представить быт. Ты служишь и науке, и искусству, отдаешь дань индустрии развлечений. Ты стал деталью интерьера и специально для тебя люди заказывают мебель, чтобы удобнее тебя расположить в своих квартирах. Тебя берут с собой на дачу и на пикник. Тебя обсуждают и осуждают. С тобой радуются и плачут, любят и ненавидят, становятся умнее или день ото дня тупеют.

Ты – инструмент, а наши души – поле твоей деятельности. Поэтому нужно быть очень осторожным, чтобы ты не занял красный угол в доме и не начал диктовать какую-нибудь «ересь» в качестве системы ценностей. Проблема не в тебе, а в человеке, то есть во мне. Будем надеяться, что со временем я стану умнее и наша «дружба» не будет мне вредить. Так что ты пока помолчи, постой в стороне. И может быть, потом, когда пост закончится, я снова подойду к тебе, включу тебя в розетку и найду в тебе что-то для души. Твое имя – «Телевизор» – в переводе с новолатинского означает «дальновидный». Но в первую очередь мне нужно стать дальновиднее.

А теперь прощай.

ВЫКЛ.

Ксения Возгривцева

Телевизор – друг или враг?

В современном мире телевидение стало неотъемлемой частью нашей жизни. После 60-х годов XX века телевизоры появились практически в каждой семье. Сегодня телевизор из технического средства превратился в члена семьи. Социологи знают, что традиция просмотра телевидения настолько сильна, что во многих домах он работает фоном. Во время телефонных опросов такие пассивные зрители честно отвечают, что телевизор включен, но что именно по нему показывают, им неизвестно. Сегодня мы предлагаем поразмышлять над такими вопросами: Каковы причины, побуждающие людей часами просиживать у телевизора? Какое воздействие телевидение оказывает на психическое состояние ребенка и взрослого? Каковы последствия бесконтрольного просмотра ТВ?

Мы не откроем секрета, если скажем, что телевидение, как и любое другое достижение цивилизации, может служить как во благо человека, так и наносить ему вред. Вред начинается тогда, когда человек ищет в телевизоре лекарство от своих внутриличностных проблем, духовной пустоты. Для многих людей телевидение создает иллюзию общения, спасает от

одиночества. И чем больше человек удаляется от реальной жизни, тем меньше у него возможности увидеть рядом с собой тех, кто нуждается в помощи, внимании, заботе. А чем реже он видит других людей, тем более одиноким себя чувствует, тем больше ощущает потребность включить телевизор. Круг одиночества, таким образом, оказывается замкнутым. Постоянно работающий дома телевизор (особенно, если их несколько, и каждый настроен на свой канал) может быть показателем глубокого семейного кризиса, отсутствия душевной близости между членами семьи. Когда человек не знает, о чем поговорить с женой или детьми, он включает телевизор. Так уходят на дальний план события из жизни членов семьи, их мечты и переживаниями.

Телевидение оказывает эффект удлинения жизни. Пережитая вместе с героями фильма жизнь совсем незнакомых людей может показаться привлекательней и веселее своей собственной. В кино события сменяются одно за другим, герои быстро женятся-разводятся-рожают детей. Так у человека создается иллюзия наполненной, насыщенной событиями

жизни. Чем чревата эта иллюзия? Человек отказывается взять на себя ответственность за свою собственную жизнь, меняет позицию автора на позицию простого потребителя. Результатом такой подмены может стать длительная депрессия, потеря смысла жизни, глубокое разочарование. И, подходя к определенному возрастному рубежу, человек понимает, что не смог реализовать свои способности, таланты, не смог стать тем, кем задумал его Творец, а был лишь потребителем телевизионной мути, исполнителем чужих желаний, марионеткой в чьих-то руках.

Для многих родителей телевидение играет роль няни, «решает» проблему воспитания детей. Ребенок, проводящий часы перед телевизором, становится удобным ребенком – он не требует общения, чтения, рассказывания сказок... Достаточно включить мультфильм, и взрослые получают несколько часов свободного времени.

Бесконтрольный просмотр мультиков может оказывать негативное влияние на детскую психику. Одним из негативных последствий влияния на детей является формирование у ребенка клипового мышления. При таком мышлении окружающий мир превращается в мозаику разрозненных, мало связанных между собой фактов. Человек привыкает к тому, что они постоянно, как в калейдоскопе, сменяют друг друга и постоянно требуют новых. Владелец клипового мышления не может длительное время сосредотачиваться на какой-либо информации, у него снижена способность к анализу. Ребенок не рождается с таким мышлением, оно вырабатывается при длительном потреблении информации в мозаичном и препарированном виде через музыкальные каналы и СМИ. Все сериалы и современные мультфильмы снимаются с расчетом на клипового потребителя, сцены идут небольшими блоками, сменяя друг друга без всякой логической и информационной связи.

С какими вредными последствиями может столкнуться владелец клипового мышления? Во-первых, снижение школьной успеваемости. Для современного подростка осилить что-либо из классической литературы XIX века – уже сверхзадача. Не потому ли такой популярностью пользуются всевозможные дайджесты и готовые сочинения? Проведенные эксперименты показывают, что резко снизился коэффи-

циент усвоения знаний. Программы вузов намного сложнее школьных и требуют восприятия и переработки гораздо большей информации. Другая сторона клипового мышления – ослабление чувства сопереживания, ответственности.

В современном бизнесе без умения анализировать, вычленять суть и принимать на основе этого решение невозможно добиться успеха. А это подразумевает наличие «продолжительного» мышления. Отсюда – возникновение вполне реальной опасности, что носители клипового мышления будут вытеснены на положение аутсайдеров.

Как можно бороться с клиповым мышлением? Психологи утверждают, что наиболее доступным способом является чтение книг (естественно, не клиповой литературы). В отличие от ТВ, где происходит управляемое восприятие, при прочтении художественного произведения приходится самостоятельно выстраивать образную систему. А любое закрепление прочитанного – обсуждение, конспектирование – способствует выработке умения анализировать, устанавливать связи между явлениями, и, в конечном итоге, приводит к разрушению мозаичной, фрагментированной картины мира.

Подводя некоторый итог разговора, хочется сказать следующее. Мы все живем в мире, где существуют такие современные технологии, как телевидение, Интернет и др. И большинство людей не может отказаться от этих благ цивилизации. Но мы можем выжить среди этих технических средств, делая осознанный выбор между каналами, программами. Можно организовать свою жизнь таким образом, что телевидение станет полезным источником информации, средством воспитания, обучения. Телевидение может выполнять миссионерскую функцию, нести людям идеалы добра. Если человек понимает, ради чего он живет и что в его жизни главное, то телевидение не сможет ему навредить, но будет способствовать его развитию.

При подготовке публикации использовались материалы:

О. Маховская «Психологические эффекты телевидения»

О. Фридман «Клиповое мышление. Что это такое?»

Совесть – лучший контролер или как правильно смотреть телевизор

О том, что представляет собой телевидение в современном мире, какую оно может нести угрозу для православного человека и как бороться со своим пристрастием к просмотру телевизора, мы также поговорили с протоиереем Евгением Попиченко.

Отец Евгений, какие опасности таит в себе современное телевидение?

Господь в Евангелии говорит: *«Невозможно не придти соблазнам, но горе тому, через кого они приходят; лучше было бы ему, если бы мельничный жернов повесили ему на шею и бросили его в море, нежели, чтобы он соблазнил одного из малых сих»* (Лк., 17, 3). Очень многое изменилось в нашей жизни по сравнению со столетней давностью, благодаря тому, что появились электронные средства массовой информации. Известно, что людей, способных мыслить, анализировать, делать выводы, во все века было не больше 10%. Это самостоятельные, активные люди, способные на собственный выбор, исходя из внутренних принципов, убеждений, предпосылок. А остальные 90% имеют представление о жизни согласно тому,

как принято в обществе, это называется общественным мнением. И поэтому можно управлять людьми, формируя определенное общественное мнение и отношение к ценностям, целям и качеству жизни. Средства массовой информации – это самый удобный инструмент для формирования сознания.

Можно привести такое сравнение: нож в руках хирурга способен спасти человека от смерти, в руках бандита он убивает. То же самое можно сказать про телевидение. Благодаря телевидению можно воспитать поколение людей, сориентированных на семью, на праведность, святость, целомудрие, патриотизм. И то же самое телевидение может людей превратить в животных и не только в них, но и в демонов. Есть вещи, которые пропагандируют средства массовой информации, до которых никакое

животное никогда не додумается. Например, попробуйте корову научить курить. Это совершенно невозможно. А у нас в каждом фильме курение обязательно связано с образом мужественности, переживания какой-то ситуации. Например, человек сидит, курит и напряженно думает, как ему спасти свою жену. Это один из примеров, как грех очень легко навязывается, входит в сознание людей. Ведь, если задуматься, как курение связано с мыслительной деятельностью? Никак. Никотин отравляет клетки мозга.

Поэтому возникает вопрос: в чьих руках оказывается этот очень хороший по своей сути инструмент? Мы видим, что современное телевидение оказалось у людей, мягко сказать, морально, духовно и нравственно неблагополучных. Поскольку современное общество ориентирует не на нравственные и духовные ценности, а на ценности потребления, то у людей формируется животный инстинкт потребления и ориентация на качество жизни, связанной с потреблением: чем больше человек может потратить – тем выше качество его жизни. Это преступление, преступление против своего народа, против человека! И в этом смысле современные средства массовой информации – это самое совершенное оружие массового поражения.

Что происходит с душой человека, который очень много времени проводит перед телевизором?

Поскольку больше всего информации в душу человека попадает через органы зрения (95% информации), то от того, что человек видит, практически на сто процентов зависит качество и здоровье его души. Так как телевидение делают профессионалы, зарабатывающие на этом большие деньги, то в их интересах как можно дольше удержать человека рядом с тем продуктом, который они производят. Поэтому мы так часто встречаем ситуацию на исповеди, когда человек признается: «Я шел мимо комнаты, где работает телевизор, остановился на минутку и застрял там часа на три».

Телевизор обладает магическим воздействием на человека, как удав на кролика. И поскольку те образы, которые вливаются в сознание человека, не несут в себе созидания, то просмотр телевидения – самый эффективный способ разрушения души, или, как говорят специалисты, «промывки мозгов».

Уважающие себя люди, которые заботятся о чистоте своей души, никогда не будут смотреть современное телевидение. Поэтому людям, создающим телевидение, приходится использовать различные технологии, чтобы заставить людей смотреть телевизор. Хотя мы часто слышим от телевизионщиков: «Ну, тебя же никто не заставляет. Хочешь – смотри, хочешь – не смотри». Особенно, когда про детей говорят: «Не хотят дети, пусть не смотрят». Но здесь лукавство, потому что человек – существо поврежденное. Есть такое понятие как соблазн. Человек изначально живет по принци-

пу: «как много девушек хороших, но что-то тянет на плохих». Человек тянется к злу гораздо больше, чем к добру. И когда на двадцать пять каналов работает один телеканал «Союз», то эта пропорция соблазна и доброго совершенно не допустима.

Из-за этого человек очень легко соблазняется. Как однажды заметил отец Андрей Кураев, в Америке люди гораздо больше следят за «промывкой» своих мозгов, чем за чистотой своего тела, потому что не в каждом доме есть душ, но в каждом доме есть по несколько телевизоров. Я даже знаю уникальную семью, где на один дом приходится двадцать шесть телевизоров, в том числе в туалете и в ванной.

Должны ли родители как-то контролировать своих детей в отношении телевизора?

Это принципиальный вопрос. Потому что если родители не будут контролировать этот процесс, то воспитателем, что сейчас часто можно наблюдать, детей будет телевизор. И примеры, и образы, и модели поведения дети черпают от тех героев, на которых равняются. Главным правилом, на мой взгляд, должно быть отсутствие двойных стандартов: детям это нельзя, а нам можно.

Раз это нельзя детям, то это тем более нельзя взрослым. Потому что у детей душа все-таки более чистая, у взрослых же она гораздо более повреждена. Взрослые не должны себе позволять смотреть те передачи, которые не

разрешают смотреть детям. Необходим жесткий фильтр.

Можно отключить или просто стереть в сетке программ каналы типа ТНТ, СТС, MTV. Оставить те, которые более или менее нейтральны. Например, каналы «Культура», «Звезда» (последний, все-таки, ориентируется на патриотическое воспитание), можно оставить «Спорт», «Союз» – вот, пожалуй, и все. Можно поступить еще радикальнее – отрезать антенну, и если возникает желание отдохнуть перед экраном, то смотреть через DVD те фильмы, которые полезны, в которых есть добрые примеры.

Даже «Союз» отрезать?

Тут возникает соблазн. Даже из благих намерений человек может все извратить. «Союз» ведь тоже нужно смотреть дозированно. Он же не должен быть фоном. Человек ходит, завтракает, ужинает и смотрит телевизор. Нельзя совмещать две полезные вещи: питание и просмотр телевизора. Потому что это будет выглядеть кошунственно, когда человек ест бутерброд во время чтения Евангелия.

То есть святыня будет опошлена таким неплохим, в общем-то, действием как прием пищи. И даже «Союз» нужно смотреть не как средство от уныния, когда человек включил телевизор и три часа пролежал перед ним. Можно выбрать одну-две передачи на час времени. Например, А.И. Осипова послушать и толкование Евангелия, и достаточно.

Не способен человеческий мозг перерабатывать информацию в течение двух-трех часов. Он может воспринимать информацию в течение ограниченного времени, а потом это просто хорошее, полезное, но не воспринимаемое.

Многие дети просят включить им мультики, например, диснеевские. Как родителям поступить? Вообще от них отказаться или смотреть вместе с ними, смотреть и как-то их комментировать?

На мой взгляд, самые целомудренные мультики и фильмы – советского периода. Все западные мультфильмы содержат в себе насилие, издевательство, унижение слабого. Например, в мультфильме «Том и Джерри» мышонок всегда издевается над несчастным котом. Высмеиваются старые, слабые, немощные, больные. Грубость, жестокость, хамство, пошлость – внедряемые в сознание ценности.

Практически все современные мультики «made in Hollywood» опасны для душевного здоровья. Я даже не найду ни одного фильма, который можно безбоязненно порекомендовать детям. Потому, что везде на фоне вроде бы хороших мотивов всегда присутствуют откровенные сцены. Например, в «Шреке» или в «Красавице и чудовище» есть крайне нецеломудренные сцены: герои целуются настолько по-взрослому, что дети готовы с головой в телевизор залезть от любопытства.

В наших мультфильмах обычно все прикрывается. Даже когда Иванушка целует Алёнушку, они поворачиваются спиной: не показывают все эти откровенные формы плотских отношений. Поэтому здесь сложно даже комментировать, так как дети гораздо ярче все воспринимают глазами, чем ушами.

А есть какие-то рекомендации по поводу того, сколько времени ребенку нужно проводить у телевизора?

На самом деле, телевизор и компьютер – это то же самое, что для младенца пустышка. Когда младенец кричит, он хочет, чтобы на него обратили внимание, чтобы с ним поиграли. Родители не хотят или не могут уделить ему внимание, дают в рот соску, и спокойно занимаются своими делами или отдыхают. Ту же самую функцию сейчас выполняет телевизор. Но это же еще и приучение к праздности, когда

ребенок час сидит перед телевизором, это все равно час безделья, час ничегонеделания. Это никакой не отдых, это иллюзия отдыха.

И по-хорошему, если говорить о воспитании детей, то телевизор вообще лучше исключить из жизни. Потому что в любом случае это замена живого общения, подмена воспитания, это уход от ответственности, от своих родительских обязанностей. Бывают случаи, допустим, когда мама заболела, когда действительно она физически не может заниматься детьми, или когда укладывает спать младшего ребенка, а остальные еще не могут провести время самостоятельно, тогда можно на это время включить телевизор.

Вообще, если говорить о порядке, то можно предложить родителям включать для детей телевизор в выходные дни при условии успешно проведенной учебной недели и отключать на время поста. Это будет серьезное духовное упражнение.

У святых отцов есть очень точная мысль: страсть или преодолевается, или отсекается. Для многих людей телевизор является непреодолимой страстью. То есть человек самостоятельно с ним справиться не может, не хватает трезвости, чтобы сохранить нейтральное отношение к этому источнику.

Если может человек управлять собой и вести какой-то порядок, например, смотреть необходимые и полезные передачи для души полчаса, час в день, и честно может это выполнять, будет хорошо.

Но, как правило, человек постоянно съезжает в колею развлечений. Как опять же часто люди признаются на исповеди: «Я включил «Союз», а потом посмотрел немножко новости, потом посмотрел какой-то кусочек художественного фильма». Если такое состояние, лучше эту страсть отсечь. Получается: благими намерениями, а именно под предлогом просмотра «Союза», человек на самом деле удовлетворяет свои страсти и никаким образом не хочет с ними бороться.

Совесть – лучший контролер!

*Беседовала
Елена Макеева*

Самое чудесное Зимнее чудо

Савка сердился. Как он, взрослый человек, мог так долго верить в сказки?! Как в свои пять с половиной лет он позволил себе впасть в детство?! Как теперь он посмотрит в глаза своим друзьям, а особенно девочкам?

С таких непростых размышлений началось обычное январское утро одного мальчика. Самого обычного мальчика 80-х годов, который направлялся в самый обычный детский сад. Бабушка, которая вела Савку за руку, прервала его сердитые размышления:

– Ну, Савушка, беги. Вон и ребята уже собрались на площадке.

– Угу, – буркнул Савка, выглядывая из-под

съехавшей на глаза шапки.

Сейчас он пойдет туда, и все-все узнают его позор... Но, делать нечего, за наивность нужно платить. И он, развернувшись, направился на площадку.

– Савушка! – позвала бабушка, – а досочку-то с горки кататься забыл!

– Да что я, маленький, что ли?! – возмутился Савка и быстро побежал к ребятам.

На площадке царил радостный возня: Гришка катался с горки, Леночка сгребала пушистый снег лопаткой, Артем дышал на железную качель и осторожно трогал ее пальцем (не прилипнет ли палец к качели, как тогда

язык?), а Гошка стоял, уткнувшись в воспитательницу, и досыпал. Утро в детском саду только начиналось.

Завтрак прошел относительно спокойно. Никто не задавал Савке страшных вопросов. А он, чтобы не привлекать к себе внимания, мужественно проглотил овсяную кашу и даже выпил почти до конца сладкое какао, которое, по правде сказать, не любил и считал девчоночьим напитком.

– Савка, а Савка, – позвала Нюта, сидевшая за столом рядом с ним.

– Чего тебе?

– Послушай, съешь мою пенку.

– Какую еще пенку?

– Какавную. Вот она, сверху плавает, – поморщилась Нюта.

Обрадовавшись, что и у девчонок есть свои слабости, Савка подставил свою чашечку.

– И мою, – жалобным шепотом попросила Леля.

– Ладно, давай. – И Леля, подцепив пенку пальчиками, с уважением посмотрела на Савку.

«Слабачки! А еще взрослых из себя строили», – вздохнул про себя Савка, вспоминая, как две недели назад Леля и Нюта высмеяли его при всех и обозвали его «маленьким мальчиком». А началось все с Нового Года...

...Да, именно с Нового Года. Прекрасная пора – подготовка к празднику – ни за что никто от предновогодней суеты не откажется. В садике тоже все готовились к Новому Году: украшали группу, клеили цепочки и фонарики из цветной бумаги, на площадке строили горку. Ребята принесли из дома маленькие лопатки, а сторож садика, Иван Иваныч, взял свою лопатицу, и все вместе накидали большую горку, утрамбовали и залили водой. Праздничными стали стекла окон. Это воспитательница вырезала из бумаги кружевные снежинки. Девчонки восторженно обсуждали новогодние наряды, которые шили к утреннику их мамы. А мальчишки обдумывали, как бы уговорить пап купить им громких бабахających хлопушек.

О хлопушках Савка, конечно, думал, но больше всего на свете он хотел правильно написать письмо... письмо Деду Морозу. Правильно – это чтобы оно дошло, и чтобы Дед Мороз не просто прочитал Савкино письмо,

но еще и ответил. Конечно, не надо думать, что Савка был наивным мальчиком. Нет! Он долго (почти весь сончас) обдумывал, что и как он напишет. Но вдруг его озарило, да так, что он чуть не спрыгнул со своей кроватки: «Адрес! Куда писать? Письмо-то, может, выйдет отличное, Дед Мороз его точно не пропустит и заметит среди кучи других. Но ведь нужно, чтобы оно дошло!!!»

– Лидия Николаевна! Лидия Николаевна! – зашептал Савка, сев в своей кроватке.

– Чего тебе, Савушка? Ты почему не спишь?

– Но мне очень нужно узнать. Лидия Николаевна, вы знаете его адрес?

– Что ты придумал еще? Какой адрес, чей? – воспитательница присела на край кроватки и поправила одеяло.

– Деда Мороза!

– Ну-ка, ложись давай. Я адреса не знаю, но обязательно узнаю для тебя. Спи!

Конечно же, Савка уже не мог заснуть. Он тихо улыбался, закрывшись одеялом с головой.

Если все складывается замечательно, ждет ли кто-нибудь неприятностей? Нет. Вот и на Савку они свалились совершенно неожиданно. За полдником Леля и Нюта хитро переглядывались, шептались и хихикали. Тогда Савка еще не обратил на это особого внимания, «мало ли что у девчонок на уме», но потом...

– Савка! А сколько тебе лет? – спросила Нюта, когда все собирались гулять.

– Зачем тебе? – Савка пытался справиться с пуговицами на шубе и поэтому немножко сердился.

– Ну, скажи, сколько?

– Шесть.

– Вот и вралочки! Пять с половиной!

– Ну, и какая разница?

– А такая, что тебе на самом деле четыре или три годика!

– Еще чего! – Савка не понимал, к чему она клонит, поэтому приготовился к глухой обороне. Даже некоторые ребята, одевшись, подошли и с любопытством следили за разговором.

– Мне почти шесть!

– Страааанно, – удивленно протянула Леля, – а в Деда Мороза веришь!

– Ну и что?! Он же есть!

– Ага, есть он! Ничегошеньки его нет!

– Это все переодетые люди, – подключился к спору Гошка.

Детвора зашумела: «Точно, у меня папа наряжается», «А у нас... не знаю кто».

– Мааааленький мальчик! Верит в Деда Мороза! – и все засмеялись.

Когда Савку забрали из садика и привели домой, он твердо решил проверить, есть ли Дед Мороз. Он приготовил карандаши, вырвал из альбома лист и начал выводить буквы: «Здравствуй, дедушка Мороз...»

Вдруг он остановился – «Что за нежности?» – вырвал еще один лист и написал: «Дед Мороз! Леля и Ньюта говорят, что тебя нет.

Если ты получишь это письмо, то...»

Вообще-то раньше Савка хотел попросить у Деда Мороза один нужный подарок, но теперь он не знал, можно ли просить чего-то у того, кто, возможно, не существует. Но подарок был действительно нужный («назад дороги нет!»), поэтому Савка дописал: «...то принеси, пожалуйста, конструктор «Парусник». Он мне, правда, очень нужен. Савка, 6 лет».

Два дня письмо лежало у Савки под подушкой. А когда Лидия Николаевна принесла адрес, письмо отправила мама. На нем было написано: «Москва. Кремль. Деду Морозу». Адрес ободрил Савку – «все-таки, Москва и

Кремль это не шуточки» – и он стал ждать новогоднюю ночь.

Пока они с папой наряжали елку, а бабушка быстро паял порвавшиеся гирлянды, а бабушка ставила пирог в духовку, а мама с младшим братом Павликом стояли в очереди за мандаринами – словом, пока шла вся эта веселая подготовка к празднику, Савка почти позабыл о своих сомнениях. Однако, когда наступила сама новогодняя ночь, и его с Павликом уложили спать, он забеспокоился. На этот случай был придуман боевой план. Завернувшись в одеяло, Савка сел на пол у двери и стал смотреть в дверную щелочку. Долгое время в комнате, где стояла елка, за столом сидели мама с папой и бабушка с бабушкой.

Ничего особенного не происходило. Они о чем-то говорили, накладывали друг другу салаты и тихо смеялись, иногда «дзинькая» хрустальными фужерами. Савка уже стал клевать носом; так хорошо и уютно, как в шалаше, устроился он в одеяле. Уже и голоса родителей стали тише, и почти не слышен телевизор, равномерно тикали часы и тихо-тихо мерцала гирлянда...

Савка тряхнул головой. Он почти уснул! В комнате кто-то стал ходить. Савка выбрался из одеяльного шалашика и приткнулся к щелочке: мама убирала тарелки со стола, бабушка направилась прямо к двери, за которой притаился Савка, а папа...!!! Что?! Папа тихонько подошел к елке и положил под нее коробку с конструктором «Парусник»!!!

С досадой и разочарованием бросился Савка в кровать и зарылся головой под подушку:

«Вот оно что! Девчонки были правы! Это все папа!»

Бабушка подобрала одеяло, укрыла внука и тихо прошептала:

– Савушка, нельзя так спать, голубчик. Выбравшись из-под подушки. Вот, ложись на бочок, ушко на подушку... С Новым Годом, родненький.

Савка усиленно жмурился. Он очень любил бабушку и не хотел ее расстраивать, хотя за плотно сжатыми ресницами едва сдерживались слезы.

Утром он начал взрослую жизнь; а это значит, что теперь он не верит в чудеса, потому что чудес не бывает. Павлик радостно прыгал

у елки и показывал подарок:

«Савва! Савва! Мотли, какой паявозик! Деда Маёз пиходил! Уаяяя!»

Савка сдержанно вытащил конструктор и сказал родителям: «Спасибо».

«Все-таки с конструктором они угадали, он, действительно, замечательный», – утешился он.

Через день они с дедом пошли на елку в Дом Культуры и там Савка увидел, что за ватной бородой и накрашенными щеками Деда Мороза блестят очень молодые глаза. А потом в хороводе Снегурочка взяла его за руку, и ладошка ее оказалась теплой. Савка очень опасался, что в детсаду девчонки обязательно вспомнят их спор... Но вот день в садике подходит к концу, а все заняты какими-то своими новыми делами. Только Лидия Николаевна спросила:

– Савушка, ты чего весь день сегодня нахохленный? Что-то случилось?

– Ничего.

– А письмо Деду Морозу написал?

– Написал, – смутился Савка.

Лидия Николаевна хотела было спрашивать дальше, и Савка мысленно зажмурился, но тут произошло, действительно, чудо:

– Баааабушка! Лидия Николаевна, за мной пришли. Можно домой? До свидания!

И вот они идут с бабушкой по небольшому парку. Снег лежит на веточках сосен и поскрипывает под валенками.

– Что ты, Савушка, такой скучный в последнее время стал?

– Нет, ба, и вовсе не скучный...

– Тебе грустно – и мне не весело...

– Правда?

– Правда.

И Савке так стало жалко бабушку, а потом вдруг стало жалко и себя, и вообще всех, что он все ей рассказал. Рассказал о письме, о Леле и Нюте, о папе с конструктором, о теплых руках Снегурочки и ватной бороде переодетого Деда Мороза. И, наконец, он признался, что решил стать взрослым и не верить больше в чудеса, раз их нет. Бабушка немного помолчала:

– Савушка, родненький, напрасно ты так расстроился и в чудесах разуверился.

– Так как же...

– Ты не спеши – послушай. Пусть нет чу-

десного Деда Мороза. Это Павлик верит в него – и пусть верит, и радуется. А ты подрост, и теперь в новогоднюю ночь для тебя происходят другие чудеса.

– Какие?

– Ты же одно даже увидал.

– Не видел, какое чудо?

– Ведь папа с мамой так долго искали подарки для тебя и Павлика, потом прятали, чтобы вы случайно не нашли их, готовили вам сюрприз. Разве это не чудо?

– Но это же они сами делали!

– В том-то и дело, что сами. Поэтому такое чудо чудеснее Деда Мороза. Это чудо любви!

Да вообще в жизни очень много чудес, просто нужно уметь их замечать. И снежинки, и небо, и звезды у нас над головой – все это чудесно красиво. Савка задрал голову и стал смотреть на звезды и снежинки, падающие из темного неба.

– Но воистину чудесное чудо случится послезавтра, – продолжала бабушка.

– А что это за чудо?

– Рождество Христово.

Савка вспомнил бабушкины бумажные иконы, наклеенные на картон, и еще ее рассказы о Христе:

– А что, в эту ночь тоже можно не спать и дарить друг другу подарки?

– Я пойду в церковь на службу на всю ночь... а подарки... самый главный подарок – само Рождество. Чудеснее чуда зимой не найдешь!

Бабушка еще долго рассказывала Савке о Рождестве, даже научила его одной колядке, которой ее научила ее бабушка. В этой колядке по небу летел ангел и пел песню...

...Так давно это все случилось. Вспомнив этот вечер, Савелий улыбнулся и выдохнул, чтобы сдержать накатившие вдруг слезы. Бабушки уже десять лет как нет, да и сам Савелий стал по-настоящему взрослым. Как шутят сегодня, он сам теперь Дед Мороз, сам выбирает подарки и подкладывает их под елку. Но сегодня, идя

по маленькому парку в детский сад, забирать свою дочку Верочку, он вдруг вспомнил события тридцатилетней давности и расчувствовался. Он обязательно расскажет ей о Рождестве, а потом отправится в церковь, куда когда-то привела его бабушка, чтобы он увидел «самое чудесное зимнее чудо».

Ксения Ширяева

Рисунки Ксении Возгривцевой

«Я так люблю лошадей!»

У нас в гостях Петр Петрович и Любовь Романовна. Сидим, пьем чай. Сима обнимает батюшку и восклицает:

– Ой, Петро Петрович, понюхай, как у папы волосы смешно пахнут!

На службе Симочка поставила пять свечек перед «Семейной» иконой. Идет к выходу и берет со стойки еще несколько штук. Мама ей говорит, что она уже достаточно свечек поставила. На это Сима возражает:

– И что, они теперь там одни стоять будут? Без подружек? Им же скучно будет.

– Я так лошадок люблю! И жизнь у меня лошадиная.

Сима, размачивая кусок хлеба в борще, говорит:

– Я люблю больше мякоти и больше слякоти.

Читаем стихотворение про то, что такое жадность и что такое жалость. Сима с сокрушением говорит:

– Когда я Катю стукнула и пролила на нее мыльные пузыри, мне стало ее так жалко, что я расплакалась.

Мама открывает банку кофе. Сима говорит, что ей очень нравится запах кофе. Мама спрашивает, какой он, этот запах. Симочка:

– Он такой... Такой – мозолистый.

– Из-за дождя мы в теплудуе. А теплудуе – это такое место, где много тепла. Это наш дом родной!

Смотрим «Союз». Идет программа, где отец Анатолий читает Евангелие. Сима говорит: «Когда мы уже встретимся с отцом Анатолием? Я его так давно не видела на этом свете ... А может, он уже с палочкой ходит!?»

– Мама, у меня живот уже безвкусный: там давно не было вкусного и сладкого!

Сима говорит:

– Папа, ты поп!

Папа отвечает:

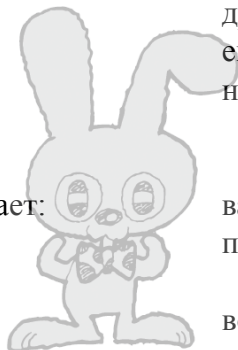
– А ты попешка.

Все смеются. Сема продолжает:

– Мама – попадья.

Папа:

– А вы – попята!

Сима просит, чтобы ее записали в конно-спортивный лагерь. Мама говорит, что она еще маленькая. Сима продолжает просить. Мама объясняет ей, что если рано сесть на лошадь, то ножки могут стать кривыми. Сима замолчала. Где-то через неделю за обедом Сима задумчиво ест борщ и вдруг выдает:

– Мама, я согласна на кривые ноги! Я без лошадей жить не могу!

– Сема вылупился сварливым.

Молитва:

– Господи, чтобы, если Серафим будет драться, ангелы остановили его и сказали ему: «Нельзя!» И чтобы ангелы хранили его в надежных руках.

После отпуска Сима стала часто жаловаться на боль в животе. Мама понимает, что придется лечиться и говорит:

– Меньше надо было с кошками и собаками возиться.

Сима взволнованно отвечает:

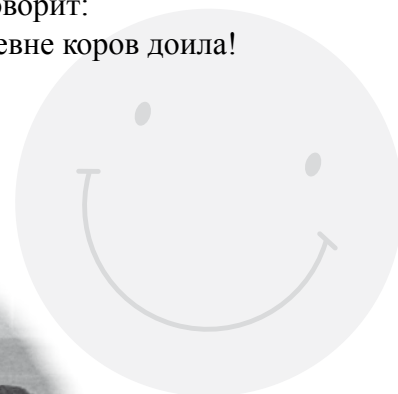
– Мы же их лю-би-и-и-или!!! У нас даже дыхания не хватало, когда мы к ним бежали!

Сима рассказывает:

– Мы с бабой ходили на рынок, и я так устала, что шла обратно как «поземка».

Сима научилась читать. Учимся с ней писать буквы. Получается с трудом. Сима пыхтит, старается, потом говорит:

– Лучше бы я в деревне коров доила!

ЖИЗНЬ ЗА ПРОПОВЕДЬ

В смерти священника Даниила Сысоева подозревают сектантов.

«Не бывает христианской жизни — бывает христианская смерть» — так принято говорить в православии.

Наверное, доля правды в этом есть. При жизни мы видим в ком-то другом просто человека — с его недостатками, ошибками, заблуждениями, изъянами характера. И часто, к сожалению, только смерть открывает нам подлинный образ человека, который был рядом...

Сегодня нас уже трудно удивить убийством человека. Убийство священника — явление более редкое и еще способное вызвать у обывателя и ужас, и возмущение. Но какие чувства может вызвать хладнокровный расстрел священника в храме, произведенный в качестве мести за проповедь христианства?

Как стало известно, 19 ноября в Москве был убит известный православный священник и миссионер, настоятель церкви Святого Фомы Даниил Сысоев. Неизвестные стреляли в настоятеля храма и его помощника примерно в 23.00 — 23.20 прямо в церкви, когда отец Даниил исповедовал прихожан. Войдя в храм, убийца в марлевой повязке громко окликнул свою жертву по имени. Отец Даниил сам вышел навстречу преступнику, который немедленно произвел четыре выстрела, два из кото-

рых достигли цели. От полученных ранений священник скончался в машине «скорой помощи».

В том, что убийство связано с миссионерской деятельностью жертвы, сейчас почти уверены как органы следствия, так и те, кто близко знал убитого. В течение долгого времени отец Даниил проводил диспуты с мусульманами, в том числе и экстремистски настроенными, а также с представителями разных религиозных течений и сект. Особенно успешной была его проповедь в среде московских гастарбайтеров.

— За последние два года в нашем храме мы покрестили более 80 мусульман. Среди них есть татары, узбеки, чеченцы и дагестанцы, — заявил отец Даниил в своем ставшем предсмертным интервью «Комсомольской правде».

Первые угрозы начали поступать в адрес священника четыре года назад, после того как он провел публичный диспут с Вячеславом Полосиным, бывшим православным священником, принявшим ислам.

— Знаете, мне ведь регулярно угрожают: и по телефону, и по электронной почте. Четырнадцать раз обещали отрезать голову. Год назад со мной на связь вышла ФСБ. Сказали, что раскрыли какой-то заговор, мол, на меня готовилось покушение. А я даже не знал... Но Бог милостив! — признавался тогда отец Даниил.

Во многом поэтому сегодня в смерти священника подозревают представителей ваххабитских или неоязыческих сект.

Отдать жизнь за миссию в христианстве считается мученичеством — высшим подвигом, на который оказывается способным далеко не всякий верующий. Подобная смерть является редкой наградой за по-настоящему достойную жизнь. И отец Даниил смог к своим 35 годам явить пример такой жизни.

Наверное, не каждый священник будет принимать людей на исповедь до глубокой ночи, тем более когда дома его ждет жена и трое детей. Не каждый может практически своими силами организовать миссионерскую школу в Москве и уже приступить к созданию таких же школ в Саратове, Ульяновске и Мурманске. И уж тем более мало кто решится вступить в богословскую дискуссию с религиозными фанатиками. А спорил отец Даниил категорично, бескомпромиссно защищая свою веру. Многие упрекали его в излишней прямоте, забывая, что формат богословской полемики не предполагает политкорректности. Здесь, в отличие от светской или церковной дипломатии, не имеет значения то, насколько традиционна для России вера оппонента и к какой национальности принадлежит собеседник. Отец Даниил не претендовал на роль светского общественного деятеля — он проповедовал истинность своей веры и был убежден, что никакие политические балансы между самыми уважаемыми религиями не могут исказить ее истинности. Как для беспристрастного ученого-религиоведа недопустимо назвать «ложным» исламского пророка Мухаммеда, так недопустимо признать истинность этого пророка для представителя другой веры — православного священника. К сожалению, сегодня слишком многие начинают путать соображения целесообразности с доводами совести — многие, но не отец Даниил.

Я видела этого священника «вживую» только один раз — на одной из московских конференций. Больше всего поразило меня в его выступлении — удивительное горение, пламенность, жажда донести огонь своей веры до других — и искренняя забота о каждом человеке.

— Посмотрите, сколько вокруг людей ничего не знают о Христе? Почему каждый из нас не идет к нему? — спрашивал в тот день у собравшихся отец Даниил. И находились те,

кто откликнулся на его призыв, кто поступал в его Миссионерский центр имени пророка Даниила и затем вслед за своим пастырем шел «в народ».

— Он запомнился очень добрым, мудрым, отзывчивым и милосердным человеком. Отец Даниил очень многим помогал, его храм спасал и бывших наркоманов, и людей с психическими отклонениями. Батюшка всегда материально помогал тем, кто нуждался. Я видела, с какой любовью к нему относились люди, — вспоминает прихожанка храма Святого Фомы Елизавета Гончарова.

— Миссионер до мозга костей: беседы, встречи, и все за Христа, ради христианства. Тысячи подобных встреч и поездок, лекций, эфиров и диспутов — и так в течение всей своей священнической жизни, — рассказывает другой прихожанин его храма, Ринат Калимулин.

Это цитаты из социальных сетей, где созданы уже десятки групп, в которых сотни людей, как лично знавших, так и не знакомых с отцом Даниилом, искренне оплакивают эту поистине огромную утрату. Он был неповторим в своей принципиальности и всегда стремился поступать по христианской совести.

Лично у меня смерть этого священника вызывает противоречивые чувства. С одной стороны, мученическая смерть — это особая радость, радость в первую очередь за самого отца Даниила — ведь он, по словам его друзей, сам мечтал именно о такой смерти. С другой стороны, это нестерпимая боль, притом не только от утраты выдающегося человека. Глядя на пример погибшего священника, невольно ощущаешь горечь за себя, осознание своей неспособности повторить путь отца Даниила.

И дело здесь, конечно, вовсе не в проповеди среди иноверцев. Дело в его мужестве, бесстрашии, принципиальности в отстаивании своей позиции, которой нам порой так недостает. Сколько раз под предлогом целесообразности или чрезмерной политкорректности мы впадаем в откровенное лицемерие, сколько раз боимся сказать то, что думаем, подстраиваясь под мнение других? Отец Даниил показал пример подлинной веры, которая невозможна без верности, и смог быть верным до самой смерти.

Ксения Кириллова

Екатеринбург отметил день своей небесной покровительницы

7 декабря, в день памяти святой великомученицы Екатерины к часовне, воздвигнутой на месте взорванного в 1930 году

Екатерининского собора, прошел традиционный Крестный ход.

У стен часовни на площади Труда (бывшей Екатерининской) был отслужен молебен в честь небесной покровительницы города.

Завершился VI
общепархиальный
фестиваль детских
хоровых коллективов
церковно-приходских
школ, посвященный святой
великомученице Екатерине.

В ходе мероприятия традиционно
поздравляли именинниц – девочек по
имени Екатерина.

Состоялся XVII конкурс детского творчества “Город святой Екатерины”, приуроченный к празднику небесной покровительницы уральской столицы. В художественной галерее Храма-на-Крови прошло открытие выставки лучших конкурсных работ и награждение победителей.

Православный календарь на январь

- 1 января** – Мч. Вонифатия (290). Прп. Илии Муромца, Печерского (ок. 1188).
- 2 января** – Прав. Иоанна Кронштадтского (1908).
- 3 января** – Свт. Московского Петра, всея России чудотворца (1326).
- 4 января** – Вмц. Анастасии Узорешительницы (ок. 304).
- 6 января** – Навечерие Рождества Христова (Рождественский сочельник).
- 7 января** – **РОЖДЕСТВО ГОСПОДА БОГА И СПАСА
НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА**
- 8 января** – Собор Пресвятой Богородицы.
- 9 января** – Ап. первомч. и архидиакона Стефана (34).
- 11 января** – Мучеников 14 000 младенцев, от Ирода в Вифлееме избитых (1). Прп. Василиска Сибирского (1824). Прпп. Марка гробокопателя, Феофила и Иоанна Печерских (XI - XII). Прп. Лаврентия Черниговского (1950).
- 12 января** – Свт. Макария, митр. Московского (1563).
- 14 января** – Обрезание Господне. Свт. Василия Великого, архиеп. Кесарии Каппадокийской (379).
- 15 января** – Преставление (1833), второе обретение мощей (1991) прп. Серафима, Саровского чудотворца.
- 17 января** – Собор 70-ти апостолов.
- 18 января** – Навечерие Богоявления (Крещенский сочельник).
- 19 января** – **СВЯТОЕ БОГОЯВЛЕНИЕ. КРЕЩЕНИЕ
ГОСПОДА БОГА И СПАСА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА**
- 20 января** – Собор Предтечи и Крестителя Господня Иоанна.
- 22 января** – Свт. Филиппа, митр. Московского и всея России чудотворца (1569).
- 23 января** – Свт. Феофана, Затворника Вышенского (1894).
- 24 января** – Прп. Феодосия Великого, общих житий начальника (529).
- 25 января** – Мц. Татианы и с нею в Риме пострадавших (226 - 235). Свт. Саввы, архиеп. Сербского (1237).
- 27 января** – Равноап. Нины, просветительницы Грузии (335).
- 30 января** – Прп. Антония Великого (356).
- 31 января** – Прпп. схимонаха Кирилла и схимонахини Марии (ок. 1337), родителей прп. Сергия Радонежского.

Дорогие читатели! Просим вас благоговейно относиться к журналу, помнить, что печатный текст с цитатами из Священного Писания, именами Святых, молитвами, изображениями икон не допускают обиходного употребления. Если журнал стал вам не нужен, отдайте его другим или принесите в храм. Если же он пришел в негодность, то предайте его огню.

**Покупая журнал
«Православный вестник»,
вы поддерживаете проекты
фонда «Милосердие»**

